

ПОСЛѢДНІЙ
Н О В Ъ К ъ ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНИИ ЛИФЛЯДІИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1833.

ПОСЛѢДНІЙ НОВІКЪ.

ПОСЛѢДНІЙ
Н О В І К Ъ,

ИЛИ

ЗАВОЕВАНІЕ ЛИФЛЯНДИИ
ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ЛАЖЕЧНИКОВА.

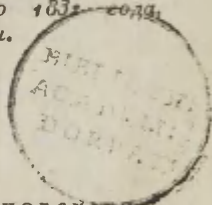
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Изданіе второе, съ перваго 1832 года
съ исправленіями.

ВЪ МОСКВѢ

ТИПОГРАФІЯ С. СЕЛИВАНОВСКАГО

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи предсшавлено
было въ Ценсурный Комишешъ при экземпляра.
Москва, 1833 года, Апрѣля 26 дня.

Ценсоръ Левъ Цѣнтаевъ.

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

Глава первая

У РАСКОЛЬНИКОВЪ.

*Усталъ я, тьма кругомъ густая,
Запалъ въ глуши мой сѣдѣ.
Безбрежнѣй, мнится, степе пустая,
Чѣмъ далъ я впередъ.*

Жуковский.

Борисъ Петровичъ гостилъ въ Лифляндахъ изрядно — писалъ Петръ I къ одному изъ своихъ Вельможъ 10 Сентября 1702 года. А каково было гощеніе, можно видѣшь изъ писемъ Шереметева къ

Часть IV.

самому Государю. Два изъ шаковыхъ писемъ, знакомя насъ съ погдашнимъ образомъ войны Русскихъ и жалкимъ сосшо-яніемъ Лифляндіи, столько любопытны, что мы рѣшаемся задержать на выпискѣ изъ нихъ вниманіе нашихъ читателей.

»Посылалъ я (доносишь Фельдмаршалъ)» во всѣ стороны полонишь и жечь; не» осталось цѣлаго ничего, все раззорено и» пожжено; и взяли твои Государевы ран-» ные люди въ полонъ мужеска и женска» полу и робяшь нѣсколько тысячь, также» и работныхъ лошадей, и скота съ 20,000» или больше, кромѣ того, что ѣли и» пили всѣми полками, а чего не могли» поднять, покололи и порубили...» Въ другомъ письмѣ доносишь онъ же: »Ука-» залъ ты, Государь, купя прислать Чух-» ны и Лапышей, а твоимъ Государевымъ» счастиемъ и некупленныхъ пришлю.» Можно бы и не одну тысячу послать,» столько трудно было везти, и тому» радъ, что ранние люди взяли ихъ по» себѣ; а къ Москвѣ посылка не дешева

«станешь, кромѣ подводъ.» Къ этому описанію прибавишь нечего; каждое слово есть драгоцѣнный фактъ Исторіи, жемчужина ея.

Осень подоспѣла, чтобы своими непогодами прибавишь къ мрачному состоянію сей страны. Главная Русская армія давно ужь покинула опустошенный ею юго-восточный край Лифляндіи, и перешла на сѣверъ къ Финскому заливу; развѣ мелкіе наѣзды понавѣдывались изрѣдка, не осмѣлился ли Лапышь вновь пріютишься на родной землѣ, какъ злой ястребъ палетомъ спорожитъ бѣдную пшашку на гнѣздѣ, откуда похищилъ ея пшеницовой. Въ слѣдъ за военными дозорщиками рыскали стада волковъ, почуявшихъ себѣ добычу. Въ сіе-то время Владиміръ покинулъ мызу Г. Блуменшроста.

Сдѣлаемъ перечень его несчастій.

Онъ лишился единственнаго своего товарища, слѣпца, восемь лѣтъ ходившаго съ нимъ рука объ руку, восемь лѣтъ бывшаго единственнымъ его утѣшеніемъ; онъ

разлучень съ Пашкулемъ, который одинъ могъ бы идти на встрѣчу его несчастной судьбѣ и не зналъ безвременья для слова правды и добра передъ Царями; обмануть онъ въ минуты лучшихъ, сладчайшихъ своихъ надеждъ — у порога родины немилосердо оттолкнулъ отъ нея на разстояніе безмѣрное. Русскіе, соотечественники его гоняшь; Шведамъ, призрѣвшимъ его новымъ опечесвтомъ и брапсвомъ, онъ измѣнилъ. Все высокое, прекрасное, имъ воздвигнутое, разбило въ прахъ; все злодѣйское, имъ сдѣланное, воскресло новою жизнью и растетъ передъ его совѣстью, какъ чудовищный исполинъ, готовый задавить его собою. Прошедшее — широкій путь крови, скитанія, нужды; будущее — пѣсное, жесткое домовище, откуда онъ живой, съ печашью грѣха и опчужденія, вспавая, пугаетъ живыхъ, откуда онъ не можетъ выйти, не встрѣтивъ попора палача, или заспуна старообрядческаго могильщика. Что осталось ему? Плакать? Онъ

уже выплакалъ свои слезы... Прочь все прекрасное, все доброе! Адъ его достояніе; адъ легко опыскашь съ такимъ проводникомъ, какъ мщеніе! Опшынѣ злобно смопрншь онъ на жизнь и на человѣчество; но между послѣднимъ сердце его опмѣшило одного человѣка мѣшою кровавою. Его-то радостно опушаетъ онъ своими объятіями, спибешъ со скудельныхъ ногъ и съ нимъ вмѣстѣ рухнетъ въ бездну вѣчнаго плача и скрежета зубовъ. Эпощъ человѣкъ поднимаетъ его по упру съ ложа, ходишь съ нимъ неразлучно, сидишь съ нимъ за столомъ, у изголовья его постели, будишь его во снѣ; эпощъ человѣкъ — Андрей Денисовъ.

— Мщеніе! вскричалъ Владиміръ, разбивъ свои гусли. На что вы мнѣ теперь? Вы не выражаете того, что я чувствую. — Мщеніе! сказалъ онъ Нѣмому, разспаваясь съ нимъ и пожавъ ему руку пожатіемъ, въ коемъ теплилась послѣдняя искра любви къ ближнему. Добрый Нѣмой, не понимая его, съ жалостію

смотрѣлъ на него, какъ на больного, котораго онъ не имѣлъ средствъ излечишь, крѣпко его обнялъ и проводилъ со слезами. Послѣ него и Нѣмой остался на мызѣ круглымъ сиротою!...

Наружность Владиміра была мрачна не менѣе души его. Дикій, угрюмый взоръ, по временамъ сверкающій, какъ блескъ кинжала, опущеннаго на убійство; по временамъ коварная, злая усмѣшка, въ коей выражались презрѣніе ко всему земному и ожесточеніе противъ челоуѣчества; всклокоченная голова, покрывшая уродливою шапкою; худо опрошенная борода; бѣдный охабень, стянутый ремнемъ, на ногахъ копы, кистень въ рукахъ, шопоръ и чешки за поясомъ, сума за плечами — вошь въ какомъ видѣ вышла Владиміръ съ мызы Г-на Blumenшроста и прошелъ пустыню юго-восточной части Лифляндіи. Онъ приближался къ Дерпшу и поворошилъ вправо. Глаза его разыгрались дикимъ воспоргомъ.

— »Онъ вельмъ мнѣ приходишь къ себѣ. Иду къ нему, гость не на радость! Сяду на большое мѣсто подь Образами, насыщусь его хлѣбомъ съ солью, напьюсь медовъ сладкихъ и — опблагодарю за гостепрѣимство. Долго не забудешь званого посьпителя!« Такъ говорилъ самъ съ собою Владиміръ, подходя къ Носу, одной изъ деревень, коими старовѣры обсьли Чудское озеро. Мертвая, осенняя природа; тяжелыя, подобно оледенѣлымъ валамъ, тучи, едва движущіяся съ сѣвера; песчаная степь, сердито всчесанная непогодами; по пей рѣдкія ели, недоростки и уроды изъ царства распеній; временемъ необозримыя, сѣдя воды Чудскаго озера, бьющіяся непрерывно съ однообразнымъ стономъ о мертвые берега свои, какъ узникъ о рѣшетку своей темницы; изсохшій листь, хрустящій подь ногами пушника нашего: все впорило состоянію души Владиміра. — Вотъ онъ ужъ и въ деревнѣ.

Лашыши, Чухны проводяшь обыкно-

венно унылую, тихую жизнь въ дикой глуши, между горъ и въ лѣсахъ, въ разрозненныхъ далеко одна отъ другой хижинахъ, вдали отъ большихъ дорогъ и мызь, будто и теперь грозился на нихъ привидѣніе феодализма съ развалинъ своихъ замковъ. Не видно у нихъ, какъ въ нашихъ великороссійскихъ губерціяхъ, длинныхъ деревень, гдѣ тысячи любящъ жаться другъ къ другу, гдѣ жительство привольно, подобно широкимъ рѣкамъ, и шумно, не рѣдко буйно, какъ большія дороги, около которыхъ Русскіе любящъ селиться; гдѣ встрѣчаешь и провожаешь зори голосистое веселье. По первому взгляду на деревню, въ которую вошелъ Владиміръ, можно было сейчасъ узнать, что ея обитатели Русскіе. Ее образовали вдоль узкой улицы два ряда высокихъ избъ, расположенныхъ уступами такъ тѣсно, что казались онѣ взгроможденными одна на другую. Всѣ онѣ были съ однимъ краснымъ окномъ и двумя волоковыми, съ трубами и высокими коньками, на которыхъ

или вѣялись флаги, или вертѣлись суда и круги, искусно вырѣзаннныя. Вороша, убитыя крупными жестяными гвоздями, прикрывались длиннымъ навѣсомъ, подъ коимъ вѣлацъ былъ мѣдный осьмиконечный крестъ. Наружность домовъ содержалась въ необыкновенной чистотѣ; особенно вокругъ оконъ бревна были не только вымыты, но и поскоблены. Тишина, царствовавшая въ селеніи, не удивила бы Владиміра, знавшаго, что въ жилищахъ раскольниковъ наблюдается всегда строгое благочиніе, если бы сія тишина не походила на какую-то мершвенность. Никого не было видно на улицѣ и въ огородахъ. У двухъ, шрехъ домовъ брякнулъ онъ по нѣскольку разъ, съ разспановкою, большимъ желѣзнымъ кольцомъ о бляху такого же мешалла; нѣскольکو разъ поступчался довольно крѣпко у оконъ палочкою и прочишалъ жалоспнымъ голосомъ моленіе: *Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*. Хоть бы голосъ женщины откликнулся ему! —

Гдѣ могли бышь жишели *Носа* въ гулевую пору, въ обѣденные часы?

Не мало удивился онъ, когда вороша у одного дома безъ пруда опворились, лишь только онъ осмѣлился приподнять щеколду и толкнушь слегка полошню ихъ. На дворѣ пощій скопъ пожираль навозъ; собака, такая худая, что лопапки ея выспавлялись острыми углами и можно было перечесць всѣ ея ребра, шапаясь, выползла изъ конуры и встрѣшила пришельца сиповашимъ, болезненнымъ лаемъ. Въ сѣняхъ никого, въ избѣ по-жъ. Посуда, обыкновенно содержимая у раскольниковъ въ большой чистотѣ, была разбросана въ безпорядкѣ по сполу и залавкамъ. Печь, въ изразцахъ коей наверхено было множество дыръ, чшобы, во время молишвъ, благодашь удобиѣе проходила въ горшки и очищала кушанье, покупаемое на шоргахъ, была не шоплена. Иконы въ избѣ ни одной. Безъ пруда вошелъ Владиміръ на сосѣдній дворъ: въ немъ также пустоша; въ прешьемъ, въ чешвершомъ

по же. Далѣ нашель онъ умирающаго младенца. — »Счастливъ, что кончаешь жизнь, не понимая ее!« сказалъ Владиміръ, и отвернулся отъ раняго спрадальца.

Наконецъ у звонницы (1) представилось ему что то похожее на живое существо. Это была молодая женщина, лежавшая на голой, сырой землѣ, и почти недвижимая. Съ трудомъ могла она однако-жъ объяснить нашему страннику, что она дочь пушопняго *устващика* (2), удостоена была въ *грамотницы* (3), замѣняла не рѣдко *батьку* (опца духовнаго) въ часовенномъ служеніи; но что съ недавняго времени лукавый попушалъ ее: она полюбила молодаго, пригожаго *псалмопѣвца* и *четца*. Это бы еще не бѣда. Грѣхъ сей можно бѣ

(1) Колокольня.

(2) Уставщикъ, надзирашеть за порядкомъ во время богослуженія.

(3) Грамотница читаетъ Апостоль, поетъ на женской половинѣ духовныя пѣсни и пишетъ книги, не рѣдко съ большимъ искусствомъ, по уставному.

искупишь пѣсколькими спами *началѣ* (4); но вошь что ее погубило. Опець ея любезнаго, побывавъ въ другомъ *согласіи*, вывезъ опшуда ересь и смушилъ ея пѣкопорыхъ изъ жителей деревни Носа; а именно: онъ спалъ принимашъ опъ Оедосеянъ шишлу, Пилапомъ на крестѣ написанную: *ІС Назарянинѣ, Царь Іудейскій*. Носовцы же (Поморскаго согласія) писали шишлу: *Царь славы, ІС Сыиѣ Божій*, и пошому, предавъ анаоемѣ *новшиковѣ* (5), выгнали ихъ изъ деревни. Псалмопѣвецъ, прежде вѣчной разлуки съ любезною грамотницею, захошѣлъ съ ней проспшиться. Роковое свиданіе назначено въ ближнемъ бору. Сердце у раскольницы такое же мягкое, какъ и у женщинъ мірскихъ: она исполнила волю милаго. *Надсмотрщица* (6)

(4) Началомъ называютъ раскольники шѣ семь поклоновъ, безъ коихъ они ничего не начинаютъ. Ежели кто въ семь случаевъ не доложитъ поклона, или переложитъ его, шо молишва не въ молишву.

(5) Вводящіе перемѣну, повизну въ расколѣ.

(6) Надсмотрщикъ наблюдаетъ за нравственностію мужчинъ, надсмотрщица за поведеніемъ женщинъ.

подглядѣла за ними, и поспѣшила избавить несчастную изъ сатанинскихъ когтей Федосеевича, рассказавъ обо всемъ отцу ея. Озлобленный родитель самъ, своими руками, выдалъ ее *согласію*. Тысячи земныхъ поклоновъ, ужасный поспѣ, побои, испязанія разнаго рода, освободили грѣшную отъ мученій ада. Ноги у ней были отбиты; одною рукой она не владѣла; земля подернула губы ея. »Теперь,« прибавила она, »очищенная жду страшнаго суда.« — »Гдѣ-жь православные?« спросилъ Владиміръ. — »Въ бору« отвѣчала *грамотница*. »Поспѣшай и ты шуда-жь, чшобы страшный часъ не заспалъ тебя въ *суетѣ*.« Не понималъ Владиміръ, о какомъ часѣ говорила несчастная. Онъ сдѣлалъ ей нѣсколько вопросовъ; но ослабѣвшая отъ усилій, которыя употребила, чшобы рассказать о своей судьбѣ, она могла только указать на боръ, видимый изъ деревни, и погрузилась въ моленіе. »Пойду искать слѣдовъ жизни, болѣе здоровой и сильной,« думалъ Владиміръ, обра-

пившись, куда ему указано было: «авось заражу ее моими спрадаціями, или пошѣшусь надъ глупымъ челоуѣчествомъ.»

Еще издали представилось ему странное зрѣлище. Поприща (7) за два ошѣ деревни, въ мелкоросломъ, щедушномъ бору, на песчаныхъ буграхъ, по смѣло вдающихся языкомъ въ воды Чудскаго озера, по уступующихъ водамъ симъ и образующихъ для нихъ заливъ, а для рыбачьихъ лодокъ безопасную пристань, стояло сошши двѣ гробовъ, новенькихъ, только что изъ подъ попора. Не смотря на отвращеніе, какое челоуѣкъ чувствуешь къ трупамъ себѣ подобныхъ, особенно чужихъ людей, Владиміръ рѣшился подойти къ сему погосту. »Какая язва,« думалъ онъ, »уклала въ сѣи домовища всѣхъ здѣшнихъ жителей? Смерть, когда она не подвигнуша гнѣвомъ Божиимъ, упомилась бы въ годъ засѣять такое поле; а нынѣ, видно, наполнила она ихъ такъ

(7) Тогда считали разстояніе поприщами, полагая въ каждомъ 120 шаговъ.

скоро, какъ проворный жнецъ укладываетъ снопами свою полосу, какъ ловкій песь загоняетъ стадо въ овчарню. Однако, почему гробы не опущены въ могилы? Исчезнувшій съ земли долженъ и исплѣсть въ ней, чшобы не оставишь ошь себя ничего, кромъ имени челоуька. Кто-жь и когда успѣлъ поспроить сѣи домовища? По эшому жишли Носа заранѣе гошовились умереть. Не перешли ли они въ морельщики, и, можеть бышь, желая приобрѣсть мученической вѣнецъ, сами себя умершвили? Размышленія сѣи были прерваны ужаснымъ воемъ, плачемъ и визгомъ, поднявшимися вдругъ изъ гробовъ, какъ скоро Владиміръ подошелъ къ нимъ. »Грядеть, грядеть!« воило множество. — »Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!« раздалось вокругъ его на разные жалобные голоса. Иные читали сами себѣ отходную; другіе молили о помилованіи; нѣкоторыя, закрывъ глаза, скрежетали ошь спрахъ зубами. Сначала испугался и самъ Владиміръ, обхва-

ченпый такимъ хоромъ; но взглядышись приспально въ фигуры, укладенныя, какъ муми, въ ящики, изъ копорыхъ большая часть была незакрыта, онъ едва не захохоталъ, не смотря на состояніе, въ кошоромъ находился. Въ домовищахъ лежали жипели Носа, разнаго пола и возраста, окутанные въ саваны и спеленанные — молодые розовыми покротками, а старшіе голубыми, такъ что изъ перевязки соспавлялись при креста: одинъ на колѣнахъ, другой на брюхѣ, а третій на груди. Бумажный, блестящій вѣнецъ, съ осьмиконечными крестами, обвивалъ ихъ чело; въ головахъ спояли мѣдные лишне образа. У нѣкопорыхъ женцинь покоились младенцы на груди, у другихъ съ крикомъ вырывались. Дѣши требовали хлѣба, обступая опцовъ и маперей, копорые съ жестокостію ихъ опшамкивали. Владиміръ понялъ потчасъ, въ чемъ состояло дѣло; съ важностію обошелъ вокругъ живоноснаго кладбища, спалъ потшомъ на срединѣ и воскликнулъ громо-

вымъ голосомъ: »Почто вы здѣсь?« — На это воззваніе закричали многіе: »Это Ансихристъ: онъ смущаетъ насъ. Укрѣпитесь, о братаія, въ сей страшный часъ молишвою.« Владиміръ поднялъ вверхъ правую руку, изъ коной составилъ дуперстное крестное знаменіе, и опять воскликнулъ: »О имени Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа вопрошаю васъ: почто вы здѣсь?« — »Яковъ Ковачъ!« сказалъ шупъ одинъ съ выпятившимся изъ гроба брюхомъ, дрожа отъ холода, а можешь бышь, и проголодавшійся: »онъ речеть именемъ Господа.« — »Воистину такъ!« отвѣчалъ шопъ, къ кому обращена была рѣчь. »Повѣдаемъ ему, почто мы здѣсь вкупъ.« — »Пора бы,« примолвилъ прешій, выплываваясь изъ пелень и пошхоеньку выползая изъ гроба, »пора бы ужъ давно, по вычисленію уставщика Аншина, совершишься пророчеству.« — »Посмотримъ, такъ ли солнце печеть? Нѣтъ ли замѣшательства въ мѣрь часовъ?« присоединилъ свой голосъ чеш-

вершый, послѣдуя примѣру своихъ братьевъ, и посмащивая на небо, на коемъ въ это время изъ-за свинцовыхъ шучъ проглянуло солнышко. »Кажись, все по спарому.« — »Аншинка обморочилъ насъ!« закричало нѣсколько голосовъ. — »Поддавайте Аншинку! побьемъ-те его камнями. Бросимъ-те его въ воду!« вопили многіе. Среди сего смященія выпрыгнулъ изъ гроба одинъ высокій мужикъ, разорвалъ на себѣ смертныя оковы, побѣжалъ въ противную отъ селенія сторону и, пока разоблачались братья его, спеленанные, подобно кукламъ, онъ успѣлъ скрыться изъ виду. »Ерешикъ! лжеучитель!« вскричали многіе въ слѣдъ ему: »не хошѣлъ изкупить своего прегрѣшенія мученическою смертію. Достоинъ есть оплученія отъ церкви и общежительства!« — »Почто смущаешься, братья мои о Господѣ?« сказалъ Владиміръ, принявъ на себя поспыный видъ. »Я спранспивовалъ много по Святымъ мѣстамъ; иду теперъ отъ гроба Господня къ Соловецкимъ Чудо-

пворцамъ, и несу вамъ, по пуши, оружія, каковыми подобаешь подвизаться прошивъ сапаны, дышущаго зельною яростию на Христоименное достояніе.» Слова сіи, какъ палисманъ, подѣйствовали надъ живыми мертвецами. Толпы собрались около благовѣспишеля. (Надобно здѣсь замѣнить, что раскольники имѣють слѣпую вѣру къ пришельцамъ Греко-Россійскаго исповѣданія изъ дальнихъ странъ, и пошому часто бывають обманушы бродягами.) Иные, не успѣвъ еще разрѣшить ноги свои отъ смертныхъ узъ, но желая скорѣе поклониться Святому мужу (котораго за нѣсколько минушь годовы были побиты камнями, какъ Аншипа), бросались впередъ, запусывались въ саваннахъ, падали другъ на друга и возились по землѣ. Другіе едва пересступали съ ногъ на ногу, имѣя руки связанныя, и представляли такимъ образомъ движущіеся чурбаны. Нѣкоторые, крѣпче прочихъ спянушые, лежали въ ящикахъ своихъ, будшо чающіе движенія воды, и жалостно

молили о помощи. Прибавьте къ этому очерку бороды разнаго мокроя и цвѣща, высунувшіяся изъ пелень; бумажные, пестрые вѣнцы, украшавшіе маслистые лбы; опрыски савановъ, кошорые пащались по пятамъ и на кошорые наступали ревностные брашья, — и можете докончить смѣшную картину возстанія Носовцевъ изъ мертвыхъ. Замѣтно было однако-жь, что человекъ два, при вовсе не показывали знаковъ жизни и, вѣроятно, опъ холода, голода и страха упокоились на вѣчныя времена. Обспунившіе Владимира Носовцы рассказали ему наконецъ, что за вѣсколько дней прошелъ чрезъ ихъ общежительство Киновіархъ Выговскаго скипа и чиновначальникъ Поморья, Андрей Діонисіевъ. Онъ повѣдалъ имъ, что Антхристъ родился уже 30 лѣтъ, 3 мѣсяца и 3 дня, и что Иисусъ Христосъ придетъ вскорѣ на облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ. »Мы просили уставщика Антхипа,« прибавляли рассказики, »вычислили намъ, въ кой именно

часъ подобаешь быши Спрашному суду. Пришпался-было вначалъ собачій сынъ, будто боишься насъ перепугать, и ну опговариваешься, а мы плошиѣ къ нему: скажи-де намъ, не могли ушпашъ, всю правду-истину. Взаяся еще разъ воръ Аншпка за книги; при дни, при ночи рылся въ нихъ; опыскалъ яко бы ключъ къ таинствамъ и повѣдалъ намъ въ прешій день, что нынѣ-де въ пятницу, въ полудни, неминуемо быши пришествію Господню. Побросали мы все житейское, подѣлали гробы и полегли въ нихъ вчера, изгоповаясь молишвою и постомъ къ спрашному часу. Но знаешь...» — »Обмануль васъ, о брашя, Андрей Діонисіевъ изъ собственной корысти» перебилъ Владимірь: »обмануль васъ и уставщикъ, подкупленный имъ. Разойдется по Христіанству Поморскому сѣть, въ кою вы попали, и лукавій возвеселился.» — »Ахъ! онъ такой-сякой!» вскричала полна: »приди-ка онъ къ намъ!...» »Воймише мнѣ» перебилъ опять Владимірь, возвысивъ

голосъ — »вы всѣ, кои здѣсь предстоите и
коихъ имена вписаны въ книзѣ живописнѣй!
Аѳонскій монахъ, сто лѣтъ находящійся
при гробѣ Господнемъ, прислалъ вамъ со
мною миръ отъ Бога и свое благословеніе.
Въ бесѣдѣ о временахъ и лѣтахъ онъ по-
вѣдалъ мнѣ, опираясь на сію просьбу. . . «
При этомъ словѣ слушатели бросились
на посохъ, который держалъ Владиміръ,
и въ одинъ мигъ съ жадностію раздѣлили
его по себѣ на мелкія части. Владиміръ
не смутился и продолжалъ: »Святой
отецъ повѣдалъ мнѣ, что Ансихристъ
уже 60 лѣтъ родился.» — »Смотри-какъ
кричали многіе, »скрадено при десятка
годовъ. Три десятка! легко молвишь! Ну,
счастливь, что по добру, по здорову
уплелся, а то бы похлебаль свѣжей уши-
цы!« — »Святой отецъ повѣдалъ еще,
что искуситель приметъ на себя образъ
Киновіарха, что смуты его только въ
нынѣшнихъ лѣтѣхъ зачались, а Спрашный
судъ наспанеть не прежде 49 лѣтъ, по
вычисленію на семи седмицахъ.» Многое

еще полковалъ имъ Владиміръ объ Анпихриспѣ, въ котораго Ересиархъ Дениговъ могъ бы смопрѣшься, какъ въ зеркало. Слушали проповѣдника жителн Иоса, разинувъ рты, благодарилн его за добрую вѣсть, упрашивали его къ себѣ въ Успавщнки и обѣщали со временемъ произвеспъ въ Чиноначальники. Чувство мески заспавило его согласишься на предложеніе раскольниковъ.

Почившіе вѣчнымъ сномъ, и слѣдствен-но кончившіе свою роль на сей сценѣ чело-вѣческихъ заблужденій, преданы по обы-чаю, при всей брашн, достойному по-гребенію; послѣ чего гробы живыхъ бро-шены въ озеро. Флоскнля сія, опшол-кнушая ось береговъ благопріятнымъ вѣтромъ, поплыла по необозримымъ во-дамъ и вскорѣ исчезла изъ виду. Влади-міръ былъ опнесенъ въ мірской домъ, шоржеспвенно сопровождаемый многочис-леннымъ народомъ, съ пѣніемъ: *Вечере водворится плачъ, и завтра радость.* —
«Смопрд теперь на мое шоржеспво,»

думалъ онъ, «кто не сказалъ бы: какъ легко управлять народомъ суевѣрнымъ и невѣжественнымъ! Но что скажешь тогда, кто видѣлъ бѣгство Успенщика Аншина? . . .»

Можно было заранѣе предвидѣть, что Владиміръ не долго погоститъ у Носовцевъ. Причину сего можно угадать. — Пылкая душа его не перпѣла принужденія. Созданная непокорною, вольнолюбною, умѣвшая, какъ мы имѣли случай рассмотреть, съ помощью Бира порвать на себѣ свивальники невѣжества, она не могла подчинитъ себя спѣсенной жизни раскольниковъ. И какъ иначе? У нихъ любовь къ Богу, исчисленная на лѣстовкахъ и земныхъ поклонахъ; вѣра, заключенная въ дуперстномъ знаменіи, въ осьмиконечномъ крестѣ, въ поклоненіи старымъ иконамъ; добродѣтель въ ужасномъ поспѣ, въ ожесточеніи прошивъ всякой новизны, какъ бы она ни была полезна, въ уничижительномъ презрѣніи къ ближнему, несогласному съ ихъ мнѣніями: вотъ духъ

и ученіе, коимъ водились общества раскольниковъ! Такія правила не могли не возмутить души Владиміра. Онъ успѣлся своего прищворства и, обозначивъ себя передъ Носовцами, успѣлъ заслужить ихъ неудовольствіе. Часто не выполнялъ онъ *началь*, былъ разстѣянъ въ моленной, забывалъ во время каждаго ладономъ выпимать изъ пазухи крестъ и подносить его съ поклономъ къ кадильницѣ, или чипать молитву надъ сосудомъ съ пищею, чтобы нечистый въ него не наплевалъ. За такое нарушеніе правилъ своего пребыванія Носовцы сначала косились на него, потомъ выговаривали, что онъ *суется* и, когда онъ имъ объявилъ, что отпрашивается къ Соловецкимъ Чудотворцамъ для выполненія даннаго обѣта, очень довольны были, что безъ дальнихъ хлопотъ могутъ опять него освободиться. Гнать его не смѣли, потому что онъ умѣлъ приобрести надъ ними нѣкоторую власть своимъ краснорѣчіемъ, привлекавшимъ къ нему слушателей даже изъ даль-

нихъ мѣсть, и особенно попому, что денежными вкладами способствовалъ къ выстроению часовни и столовой. Со стороны-жъ Владиміра цѣль его была достигнута. Не довольства жизни пришелъ онъ искать у раскольниковъ, а только мести. Местъ его на берегахъ Чудскаго озера выполнена. Онъ успѣлъ не только Носовцевъ, но и сосѣднія деревни возбудить прошивъ ученія и владычества Андрея Денисова до такого ожесточенія, что въ одинъ день деревни сіи, избравъ ошъ себя представителей, послали ихъ въ Носъ и на общемъ сходбищѣ положили: »съ Заонеги раздѣленіе имѣть; съ ними ни ѣсть, ни пить, ни на моленіи стоять; Поморскихъ учителей не слушать.« Къ сему раздѣленію много способствовала вѣсть, что съ Денисовымъ ходилъ Жидъ подъ личиною чернеца Поморскаго, обращающій православныхъ въ Жидовскую вѣру.

И такъ Владиміръ, сдѣлавъ свое дѣло между Чудскими раскольниками, разстался

съ ними. Вся зима проведена имъ въ спранствіяхъ по слѣдамъ ересіарха, мнимымъ или настоящимъ, смотря по извѣстіямъ, какія получались. Чѣмъ далѣе пробирался онъ къ Сѣверу, тѣмъ болѣе паходилъ ожесточеннаго суевѣрія. Въ одномъ мѣстѣ *запащиванцы*, упомянутые поклонами, которыхъ клали въ день по 300 земныхъ и 700 полсныхъ, изнуренные сорокодневнымъ постомъ въ запершомъ сараѣ, умирали съ голода, или пожирали другъ друга. Въ иномъ мѣстѣ закупывали десятками *перекрещенцевъ* разнаго возраста и пола. Это называлось обновленіе водою. Обновленіе огнемъ было не менѣе ужасно. Желая очиститься отъ грѣховъ и спяжашъ мученическій вѣнецъ, они толпою входили въ одну избу, обкладывали ее хворосномъ, которой зажигали со всѣхъ сторонъ, и такимъ образомъ погибали въ пламени, воснѣвая каноны Святымъ и распочая проклятія на Никоіанцевъ.

Зима по послѣдному санному пути

убралась во свояси. Безъ нея по-то пирь начался у природы! Пьсни жаворонка, шумь выпущенныхъ изъ плѣна водь, зеленые ковры, разостланные на пропалинахъ, все заговорило о веснѣ. Владимірь по прежнему былъ пасмурень и въ прежнемъ ожесточеніи шелъ на Сѣверь, чтобы найдши своего гонителя. За Ямбургомъ встрѣтили его слухи, что Русскіе уже прошедшею осенью появились у Ладожскаго озера, осадили и взяли Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), что въ Корелахъ Олонецкій поибъ (Пванъ Окуловъ) съ охотниками разбилъ Шведовъ, что Царь своею могучею волею цѣликомъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ лѣса, болоша и воды опъ Ледовишаго моря до Финскаго. Въ проѣздъ Петра мимо Повѣнца пустынножители Выговскаго скипа изготовили было въ часовняхъ бочки съ смолою, рѣшась носпрадась за свою вѣру, а другіе разбѣжались по лѣсамъ и болошамъ. Царь успокоилъ ихъ словами: «пускай живутъ!» а когда они собрались на прежнее жишье,

послалъ ихъ въ заводы работашъ. Наконецъ Владиміръ услышалъ, что Государь обглядываетъ берега Финскаго залива. »Гдѣ только звѣрь ходитъ и рыба плаваешь, тамъ идущъ у него войска,« говорили вѣсповщики: »лѣса рѣжешь, какъ праву косецъ, переносишься черезъ прясны будто на ковръ самолеть, а коли воды сердпшыхъ озеръ заблажашъ, съчешь ихъ немилосердо — и запижають!«

При такихъ рѣчахъ Владиміръ задумывался; грудь его сильно волновалась; тяжело вздыхалъ онъ. Мысль, что онъ еще не испыталъ одного, послѣдняго средства для свиданія съ милымъ, незабвеннымъ опечесствомъ, цѣли всѣхъ его желаній, бродила въ его голову. Сердцу его опозвались слова Пашкуля: »прямо къ нему, безъ посредниковъ, кромѣ твоихъ заслугъ и его великодушія!« Прямо къ нему! пвердилъ онъ, какъ человекъ, которому указали слѣды къ опысканію драгоценной для него пошері. Душа его снова вспыхнула любовью къ родинѣ и надеждою.

Все опять забыто: и угрозы ересіарха, и моленія Софін, и мещь, возобладавшая имь такъ сильно, и казнь, ему назначенная. Онъ видишь только Петра Великаго, а за нимъ золотыя главы церквей Московскихъ; онъ стоишь у порога знакомаго перема...

Глава вторая

ВСТРѢЧА.

Къ демону обѣтъ!
 Во глубь есенни совѣств, добродѣтели
 Я не страшусь мукъ вѣчныхъ: оба міра
 Теперь равно въ глазахъ моихъ ничтожны!
 Будь воля Неба! лести я хожу,
 Кровавой лести!—

ГАМЛЕТЪ. ПЕР. М. В.

Первое Мая 1703 года подарило Петра первую морскою припашью на Бальшійскомъ морѣ, а Русскихъ опкрышимъ листомъ въ Европу: — крѣпостца Ніеншанць, съ гаванью на берегу Невы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья сей рѣки (шамъ, гдѣ нынѣ Большая и Малая Охта), сдалась, послѣ пятидневной осады, Капишану отъ Бомбардиръ *Петру*

Михайлову (въ семь званіи находился тогда Государь).

Немногими днями позже, упрямь, Владимиръ, пройдя *Сааралойзу**, къ удивленію его неопушошенную, остановился на высотъ, ближайшей къ Невъ, гдѣ сходились дороги изъ Ямбурга и Новгородъ, недавно проложенныя. Передъ нимъ на великомъ пространствѣ разстилалось болото — мшистое ложе, съ котораго нѣкогда сбѣжалъ океанъ! Мрачная зелень сосновыхъ лѣсовъ, изрѣдка перемежаемая серебристымъ березникомъ, волновалась по сей щощей равнинѣ, отдѣляла черною каймою Ижорскій берегъ отъ голубыхъ водъ Невы и моря, и обрисовывала купу острововъ и суровый берегъ Карельскій. Нева одна роскошничала жи́знію въ сей мертвой пустынѣ. Обнимая острова *Койво = сари***, *Кирфви - сари****, *Лустѣ-Эландѣ***** и многіе другіе, она то прѣ-

* Нынѣ Царское Село.

** Березовый, нынѣ Пешербургскій островъ.

*** Каменный.

**** Островъ съ Пешропавловскою крѣпостію.

палась за ними, то выставлялась изъ-за нихъ разбишымъ кускомъ зеркала, то блистала въ широкой рамѣ береговъ своихъ. Множество рѣчекъ продиралось сквозь мхи болошь и спѣшило въ Неву, чшобы вмѣстѣ съ нею убѣжать въ раздолье моря. Кое-гдѣ по островамъ выглядывали рыбачьи хижины. Вдали, передъ устьемъ рѣки, всавали изъ моря шейныя глыбы, обвишныя упренними шумами. Волны Вельша сердито бѣжали на нихъ, какъ бы желая спереть ихъ съ его лица. Неволя, или расчешы, одни могли загнать челоуѣка въ сѣи мѣста: — шакъ непривлекательны онѣ казались!

Отъ подошвы горы, на кошорой остановился Владиміръ, шла шорная дорога въ Нїеншанцы; множество шропъ, разыгрывавшихся влѣво и вправо, вело черезъ болоша и лѣса къ берегу моря и Невы. Подумавъ нѣсколько, по кошорой ему идти, онѣ назначилъ себѣ шрону, поворачивающую шотчасъ съ бшшой дороги влѣво.

Лишь только спустился онъ съ горы— и, опошедъ нѣсколько онъ нея по большой дорогѣ, готовился повернуть на шрону, какъ послышалъ за собою колокольчикъ. Съ шрепешомъ сердечнымъ оборопилъ онъ, и увидѣлъ красивую колымагу, запряженную въ Русскую упряжь шрема бойкими лошадьми; за колымагою шянулось нѣсколько кибитокъ. Сидѣвшіе въ нихъ, судя по одеждѣ, были Русскіе и, вѣроятно, составляли *побѣдѣ* знашнаго Боярина. Передній ямщикъ шакъ искусно владѣлъ лошадьми, чшо, спуская повозку съ горы, однимъ магическимъ словомъ, для копорана Русскій языкъ не имѣетъ знаковъ, ошпанавливалъ лошадей на самыхъ крушизнахъ. Когда онъ подѣхалъ ближе къ Владиміру, можно было различить въ немъ красиваго, спашнаго малаго. Румянецъ здоровья вспрыснулъ его щеки; въ карихъ глазахъ, обведенныхъ черными дугами бровей, замѣшенъ былъ умъ и беззаботное довольство; свобода управляла его движеніями. Онъ былъ

обстриженъ гладко въ кружокъ и едва покрышь круглою, полрковою шляпой съ павлинымъ перомъ, вопкнушымъ за черную, бархатную ленту. Солнышко играло на золотомъ галунѣ его кумашной рубашки; за песпрымъ кушакомъ, шуго опоясывавшимъ его спанъ, зашкнуты были черныя рукавицы и корошенькой кнупикъ. Прислужныя завивались и съ перпѣнїя грызли землю; коренная спалывала на заднихъ ногахъ и, досадуя, что ей не давали воли, попрыхивала головою изъ-подъ огромной дуги, съ Азіятскимъ вкусомъ разкрашенной яркими цвѣтами. Выѣхавъ на большую дорогу, молодой ямщикъ приподнялъ шляпу съ павлинымъ перомъ, опряхнулъ на себѣ волосы, надѣлъ шляпу на одинъ бокъ, приложилъ къ уху правую руку, и голосъ его зазвучалъ унылою пѣсней:

Ты дуброва моя, дубровушка,

Ты дуброва моя зеленая,

Ты къ чему рано зашумѣла?

Пѣсня его по временамъ прерывалась обращеніемъ къ лошадямъ и народными поговорками. Колокольчикъ, *даръ Валдая*, билъ мѣру заувѣрнымъ звономъ.

Въ колымагѣ сидѣла женщина. Опѣ того ли, что она плакала, или старалась не быть признанною, полная, бѣлая ручка ея прижимала плашокъ къ глазамъ. Владиміръ едва замѣшилъ ее, когда повозка начала съ ними равняться; онъ былъ весь погруженъ въ слухъ, онъ боялся проронить одинъ родной звукъ. «Вольдемаръ!» закричалъ женскій пріятный голосъ. Онъ вспрепенулся, хотѣлъ заглянуть въ повозку; но удалый ямщикъ шагнувъ рукой, гаркнулъ: «но всеъ по шремъ, коренной не шронъ! бапюшки, родимые, вырвались!..» — Кони помчали; зарыбили круги колесъ, и скоро колымага исчезла изъ виду изумленнаго Владиміра, неимѣвшаго времени разглядѣть, кто сидѣлъ въ ней. Голосъ знакомый, думалъ онъ; но чей — не могъ себѣ объяснить. Спросить было некого; заднія повозки

полепѣли въ слѣдъ за переднею. Ломая себѣ голову надъ сею загадкою и между тѣмъ услаженный опечесственными звуками, онъ повернулъ на пропу, имъ избранную. »Можетъ быть, думалъ онъ, встрѣча эта есть послѣдній мнѣ привѣтъ отчизны, послѣдняя моя радость на землѣ!« Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Невѣ, тѣмъ страшнѣе казался ему подвигъ, на которой онъ рѣшался; чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное надъ нимъ встрѣчею съ Русскимъ, непотерявшимъ своей чистой, коренной народности, тѣмъ болѣе ужасала его мысль, что онъ скоро, очень скоро, можетъ быть, навсегда разстанется, вмѣстѣ съ жизнію, съ тѣмъ, что ему дороже жизни. Тоска безвѣстности надломилла сердце его надвое. Не чувствуя усталости, онъ однако-жъ нѣсколько разъ принимался отдыхать по дорогѣ. Между тѣмъ къ вечеру онъ уже былъ на Ижорскомъ берегу Невы, у опушки густаго лѣса, омываемаго ея водами, противъ острова Лустъ-Эланда.

Робко осмотрѣлся онъ сквозь деревья по сторонамъ; — никого не увидать и не слышать! Одиѣ воды шумно неслись въ море. На взморьѣ спояла эскадра, какъ спая лебедей, упираясь грудью прошивъ ярости волнъ. За ближайшимъ къ морю угломъ другаго острова (названнаго въ послѣдствіи Васильевскимъ) два судна прибоченились къ сосновому лѣсу, его покрывавшему; флагъ на нихъ былъ Шведскій. Временемъ съ судовъ сихъ палили по два раза; тѣмъ же сигналомъ отвѣчали изъ Неншанца. Следственно — полагалъ Владиміръ — успѣе Певы и крѣпостца заняты Шведами. Уже ли Царь, никогда неначинавшій того, чего не могъ исполнить, снялъ осаду? . . . Не зная, что придумать, нашъ странникъ рѣшился переночевать на твердой землѣ, а между тѣмъ, до заката солнца, приискалъ себѣ челнокъ или старый пень дерева, на которомъ могъ бы упромъ переправиться на *Койво-сари* къ Чухонскимъ рыбакамъ, чтобы провѣдать у нихъ о томъ, что про-

исходило въ окрестности. Для исполненія своего намѣренія пошелъ онъ вдоль берега.

Вечеръ становился пасмуренъ. Тучи вились и развивались черными клубами; наконецъ онѣ слились въ темную массу, оболочившую небо, начали спускаться на землю грядями — и воды Невы опразили ихъ, превращаясь въ мушній попокъ. Вскорѣ послышался и дождикъ; по капаль онъ по листьямъ мѣлкою дробью, по лиль ведромъ, шумя тревогою бушующаго народа. Владиміръ хотѣлъ-было отъ непогоды пріютишься въ лѣсу; но увидѣвъ въ недалекомъ отъ себя разстояніи челнокъ, погрязшій въ шинѣ, рѣшился подвергнуться еще непріятностямъ дождя, чтобы завоевать челнъ, и шѣмъ обезпечить себѣ переѣздъ на *Койво-сари*. Не много труда стоило ему вытащить свою добычу изъ шины. Но какъ дождь усиливался, то онъ собирался-было, пообчистивъ челнокъ, положить его вверхъ дномъ на кустъ, которой, нѣсколько

нагнувшись отъ сей тяжести, образовалъ бы такимъ образомъ кровь для нашего странника; но вдругъ остановленъ былъ прикрикомъ на него: не пронь, окаянный! — Онъ оглянулся, и что-жь? за нимъ, съ поднятымъ на него весломъ, чернецъ Авраамъ, спутникъ и переводчикъ Андрей Денисова.

То была судьба Владимірова!...

Они узнали другъ друга, хотя мало видались.

Владиміръ забылъ свои надежды, родину, все на свѣшъ; онъ весь не свой! Ужаснымъ, испуганнымъ взоромъ окинулъ онъ чернеца. Взора сего не могъ выдержать Авраамъ, задрожалъ, преклонилъ весло въ знакъ покорности и опустилъ въ землю свои глаза. Но для ученика Вельзевулова довольно одной минушы, чшобы обдумать все, что ему надобно дѣлать и говорить.

— А!... видно, рокъ ищеть моей и вашей головы! вскричалъ Владиміръ: гдѣ

пвой? . . . Онъ не договорилъ; месья захватила ему дыханіе.

Чернецъ скоро оправился, принялъ на себя видъ доброжелательства, сдѣлалъ Владиміру знакъ рукою, чѣобы онъ молчалъ, и возведя глаза къ небу, сказалъ по-пихоньку: Благодареніе Господу Богу, чѣто Онъ послалъ меня къ тебѣ! Пс-мишишь ли ночь въ домъ льеника?

— Да, помню слишкомъ хорошо! . . . Чѣто-жь тебѣ изъ этого, Еврей поганый?

— А вотъ цѣто, цесный Бояринъ! я хоцу спасти тебя отъ конечной гибели.

— Хороши спасители, съ пешлей въ рукахъ! . . . Послушаемъ однако-жь!

— Спанемъ мы подъ это деревцо; здѣсь доздицекъ не такъ моцись. Вотъ этакъ, хорошо. Все, все тебѣ разказу до подногошной; только прошу, ради Создателя, помише, а то разбудишь пса нецисаго (цѣобъ его бѣсы сзарили на сковородѣ!).

— Ну, слушаемъ, ваше преподобіе!

— Изволь припомнишь себѣ крупный

словецки, котория говорилъ тебѣ въ домѣ лѣсника съдой плушь. Я подслушалъ все тогда сквозь стѣнку: цпо дѣлашь? шаковъ нашъ обычай! По цесни, хощь-лось миѣ тогда шепнуть тебѣ, цпобѣ ты пришибѣ ему языкъ одназды павѣки вѣковъ, амишь! но Богъ Икова и Авраама свидѣшеть, цпо миѣ не было никакого на шо способа. Какъ скоро ты ушелъ, нашъ съдой плушь давай проклинашь, распинашь тебя, какъ мы, нецеспивые Евреи, распинали вашего Христа. О! лихо тебѣ будеть, сказалъ я ему, цпо ты обизаешь эшого праведника.

— Некогда миѣ слушать швоихъ каионовъ Чу! какъ гудишь небо! . . . Знаешь ли, чего око просишь? . . .

— Сей цась, сей цась! не посмопрю я, крицалъ разбойникъ, цпо онъ сынъ Князя Василя. . .

— А, эшимъ хощь легче! . . . Бездѣльникъ, какъ онъ обмацывалъ меня! . . . Цпо-жь далѣе?

— Не посмотрию, кричалъ онъ, что онъ сынъ... ну, право, цесный господинъ, языкъ не поворачивающа... прошаваю высокую, высокую особу...

— Ни полслова болѣе!... Такъ, я понялъ твою шайну, воспитатель мой! Понялъ я твое молчаніе, благородный Пашкуль!... Впью, не мои проступки, а преступленія моей именистой машери лежатъ между мною и опечесствомъ.

— Это еще не все. На бѣду твою въ ту-же ночь напикнулись на насъ два солдата. Проклятый Андрей назвался Бояриномъ, посланнымъ изъ Москвы отъ Царской Думы для поимки бѣглаго спрѣльца, злодѣя, подкупленнаго будто бы Царевною Софіею Алексѣевной, чтобы убить державнаго, Великаго Государя нашего. Андрюшка сказалъ имъ, что онъ уже не въ силахъ тащить ноги свои и проситъ добрыхъ солдапушекъ сослужить Царю службу, отдавъ Шеремешеву письмецо отъ него, посланника ясновельможной Думы. Солдаты вызвались вручить письмо прямо

въ руки Фельдмаршала и — какъ думашь надобно — они это вѣрно исполнили; ибо мы въ скоромъ времени узнали черезъ шпионовъ нашихъ въ Русской арміи, что подъ Мариенбургомъ какого-то вазнаго ильничка схватили и увезли, куда воронь косшей не заносить. »Это онъ!« сказалъ смѣясь сынъ Люциферовъ: »наша взяла!« Вошь ошслузилъ онъ за упокой швоей души панихиду и весело юбрель съ нами въ скишъ свой; но душа его не долго была на пирушкѣ. За Цудью узналъ онъ, что въ деревнѣ Носѣ появился странникъ, который циташеть проповѣдь, будто онъ, Андрей Денисовъ, лзеуцшель, обмансцикъ, самъ Антихристъ. Этошь странникъ — рассказывали намъ — обратилъ всѣхъ на свою сторону, ввелъ многія новизны въ расколѣ, шакъ что и Царя Петра Алексѣвица спали поминашь на молени, и успѣлъ совершенно ошдѣлишь ошь Заонезскаго припона всѣ согласія, посѣвшія около Цудскаго озера. »Это онъ оняшь!« вскрицалъ, шряеясь ошь злости,

Андрюшка. »Даетъ мнѣ работу, вѣдо за послѣднюю!...«

— Такъ, послѣднюю!... отгадавъ!...
Попомъ очередь придешь наша!

— Кто кого перемозешъ!« прибавилъ онъ, и пошацилъ насъ за собою на востокъ къ Новгороду. Тамъ посыпалъ онъ деньги по власнямъ, объявилъ Намѣстнику слово и дѣло, и показалъ ему какія-то письма Софїи Алексѣевны. »Не дѣшей мнѣ съ нею крестить! Довольно, что и одного вынянчили цершенка!« говорилъ онъ при семъ случаѣ. Вошь, поскакали гонцы къ Царю въ Архангельскъ и вошь полуценъ указъ Царскаго Величества опыскашъ швою милость хопъ подъ землею и казнишъ безъ оправданій. Видишь, Бояринъ, къ чему они тебя ведутъ: о вей! о вей! прямо подъ шопоръ. Съдаго плуша за сей доносъ похвалили, брата его и многихъ раскольниковъ, содержавшихся въ Новгородской шюръмъ, выпустили на волю и обѣщали милости Выговскому

скишу. Теперь бѣзимъ мы безъ оглядки во свояси на покой.

— И все правда? спросилъ Владиміръ, шрясясь отъ гнѣва.

— Не вѣришь, взгляни на *противень* съ указа, кошорой я имѣлъ благополуціе списать слово въ слово.

Тутъ съ подобоспращіемъ вынулъ Авраамъ бумагу изъ пазухи и подалъ двумя пальчиками Владиміру. Дѣйствительно въ спискѣ съ указа сказано было между прочимъ, что воспитаникъ и любимецъ Царевны Софіи Алексѣевны, по имени *Володька*, по прозванію Последній Новикъ (примѣшамн такой-то и такой-то), во время одного изъ стрѣлецкихъ буншовъ вкрался между прислуги въ Троицкій монастырь, гдѣ Царскій Домъ нашель тогда убѣжище отъ разъяренныхъ стрѣльцевъ. Сей-шо Новикъ умышлялъ на жизнь Царевича Петра Алексѣевича въ Соборѣ Св. Троицы, у самага алшаря; но что изволеніемъ Господнимъ и покровительствомъ Св. Сергія Чудо-

творца напущень необычайный страхъ на убійцу, и Царевичъ спасень. Злодѣй вмѣстѣ съ другими стрѣльцами осуждены былъ къ смертной казни посаженіемъ на колы и опсѣченіемъ головы; но ухищренными стараніями Софіи Алексѣевны выпущень изъ-подъ стражи; вмѣсто-жь его безвинно казненъ другой.

— Святой мученикъ! — горестно воскликнулъ Владиміръ при чщеніи сего мѣста: кровь швоя на мнѣ и злодѣяхъ, пролившихъ ее!

Конецъ бумаги заключалъ въ себѣ объявленіе, что Последній Новикъ бѣжалъ и съ того времени скипался по разнымъ землямъ, нынѣ же оказался въ Чуди у раскольниковъ, похваляется бытъ сыномъ Царевны Софіи Алексѣевны и возжигаетъ прошивъ законной власти новыя мятежи народныя. Въ указѣ назначалась большая награда тому, кто поймаетъ его и представитъ первому мѣстному Начальству, которое обязано было, сличивъ пойманнаго съ означенными

примѣшамн, немедленно казнить опсѣченемъ головы.

Бумага произвела свое дѣйствіе; ядъ мщениа разлился по всему составу Последняго Новика (такъ будемъ звать Владимира, въ которомъ узнали мы сіе несчастное, гонимое судьбою существо). Разсудокъ его помрачился; всякое чувство добра заглушено въ его душу. Опъ пять до конца волосъ онъ весь — мщение; онъ ничего не видитъ, кромѣ своего гонителя.

— Гдѣ онъ? . . . спрашиваетъ изступленный чернецъ.

Авраамъ молча беретъ его за руку, ведетъ въ чащу лѣса, осматривается, указываетъ на огненное пятно, видимое вдали въ лѣсу-жъ, и пользуясь безумнымъ положеніемъ, въ которое ввергнулъ несчастнаго, скрывается за деревьями.

Последній Новикъ не спрашиваетъ о числѣ спутниковъ и защитниковъ Андрея Денисова, не крадется; онъ идетъ прямо на огонь; шаги его, какъ стопы медвѣды,

когда онъ, разъяренный, бѣжитъ на свою добычу.

Андрей Денисовъ былъ одинъ. Служители его, находившіеся съ нимъ изъ числа Чудскихъ раскольниковъ, давно возвратились въ свои *согласія*. Последний товарищъ, при немъ остававшійся, *жидовинъ* Авраамъ, ожидалъ только удобнѣйшаго случая ограбить его и бѣжать подь Тулу, гдѣ возвращень былъ нѣкимъ *Селезневымъ* расколъ, основанный на чистомъ законѣ Моисеевомъ. Въ пустынныхъ лѣсахъ Невскихъ назначилъ Авраамъ исполнить свои злодѣйскіе замыслы.

Старикъ сидѣлъ подь деревомъ, коего густыя вѣтви, сплешшись дружно съ вѣтвями сосѣднихъ деревъ, образовали кровъ, надежный опъ дождя. Пропивъ него былъ разложенъ огонь; груда сучьевъ лежала въ сторонѣ. Ересіархъ дремалъ, и въ самой дремотѣ лице его подергивало, рѣдкая бородка ходила изъ стороны въ сторону. Услышавъ необыкновенный трескъ сучьевъ, онъ вострепетулся. Передь нимъ

лицемъ къ лицу Послѣдній Повикъ, грозный, страшный, какъ смертный часъ злодѣя.

— Узналъ ли ты меня? вскричалъ Владиміръ ужаснымъ голосомъ, смотря на него глазами, раскаленнымъ огнемъ ада. Въ эпомъ голосъ, въ эпихъ глазахъ Андрей прочелъ свой приговоръ. Дрожа, запинаясь, смиренно отвѣчалъ онъ: — Узналъ!

— Ты ли звалъ меня къ себѣ?

— Да... я звалъ... во время...

— Въ свое время я пришелъ! Былъ и на швоей улицѣ праздникъ, названный опець! теперь пора на другой пиръ...

Владиміръ вынулъ шопоръ изъ-за пояса.

Холодный потъ закапалъ со лба шарика. — Помилуй! простоналъ онъ, и бросился на колѣна передъ ужаснымъ судьей своимъ.

— Поздно!... Ты опиялъ у меня все... все, что шолько для меня дорого было въ жизни, что я доставалъ шринадцашью

годами униженія и кровавыхъ прудовъ. . .
все! . . . Расплачивайся! часъ насшалъ!

Сшарикъ бормошалъ молитву.

— Не дамъ тебѣ и помолишься
Пускай въ адъ напуществуетъ тебя хо-
хоть Сапаны! Слышишь? . . . вскричалъ
ужасный судья — блеснулъ шопоръ. . . и
убійство совершено.

Дождь лилъ ливмя; погода бушевала.

— Бушуй! шуми! . . . Любо ли тебѣ? . . .
Ты этого хотѣло! . . . кричалъ Влади-
миръ, глядя въ изступленіи на небо. Земля
горѣла подъ нимъ; огненные пятна за-
прыгали въ его глазахъ. Когда дождь хле-
сшалъ по лицу, ему казалось, что Сапа-
на бросалъ въ него пригорщныи крови.
Шатаясь, побрелъ онъ, самъ не зная куда.
Образъ на груди давилъ его; онъ его сор-
валъ и бросилъ въ кусты.

Во время ужаснаго разговора убійцы и
жертвы Авраамъ споялъ за кустами.
Когда-жъ совершилось злодѣяніе и По-
слѣдній Новикъ скрылся, чернецъ вышелъ
изъ своей засады и подкрался къ убійскому,

изтекавшему кровью изъ плеча, въ которомъ сдѣлана была глубокая рана. Скорою, усердною помощью можно было-бы еще возвратить его къ жизни. — »А! старый несь! подурацился довольно на своемъ вѣку,« сказалъ чернецъ, припавъ къ нему и только что началъ обшаривать его, когда услышалъ глухой стонъ. — »О! живуць, какъ долгоногий паукъ!« проговорилъ Авраамъ, и принялся облегчать Андрея отъ лишней тяжести при переходѣ изъ сей жизни въ другую, по естѣ, вынулъ изъ-подъ пазухи его порядочную кису, туго набитую деньгами, и обобралъ на немъ все, что имѣло дорогую цѣнность: за пряньемъ онъ не гнался. Пошомъ?... пошомъ онъ хладнокровно положилъ своего благодѣтеля на огонь, въ которой имѣлъ догадку набросать порядочный костеръ сучьевъ; когда-жъ увидѣлъ, что умирающій дрягаетъ ногами, началъ припѣвать, усмѣхаясь: »Коси сѣно! коси сѣно!«... подобралъ свою рясу выше колѣнъ и, обремененный

богатою добычею, пустился бѣжать, куда зналъ вѣрнѣе.

Долго бродилъ Послѣдній Новикъ по льсу, по берегу рѣки, и наконецъ палъ въ изнеможеніи силъ. Только въ глубокую полночь онъ очнулся, когда не спало на немъ сухой пишки. Всѣ члены его окоченѣли, будто скрученные желѣзными связями; въ головѣ его былъ хаосъ, въ ушахъ страшно гудѣло; ему казалось, что били въ набашь. Онъ старался припомнить себѣ, гдѣ онъ, что съ нимъ сдѣлалось — и ужасное злодѣяніе первое пришло ему на память. Онъ приподнялся и осмотрѣлся кругомъ. Передъ нимъ роковой челнокъ; кто-то стоялъ въ немъ... манилъ его къ себѣ рукою и показывалъ ему, что онъ перевезетъ его на другую сторону. . . Шапаясь, пошелъ онъ на зовъ незнакомца; вошелъ въ челнокъ... въ немъ никого!... Волосы встали у него дыбомъ. Рукою злодѣйскою не смѣлъ онъ сотворить крестнаго знаменія. Вдругъ слышимъ онъ плескъ весель...

плывешь множество лодок... поравнялись съ нимъ... останоуились... Эпо ужь не видѣнїе... Слышны голоса, одинъ вняшнїе прочихъ. — »Алексаша!« говориль кто-то: »развѣдай, что за человекъ!« Вслѣдъ за сими словами одна лодка опдѣлилась опъ другихъ и понеслась прямо на челнъ, въ кошоромъ спояль Послѣднїй Новикъ. Его окружаешь толпа людей. »Что за человекъ?« спрашиваетъ одинъ изъ нихъ, по видимому офицеръ.

Послѣднїй Новикъ молчитъ.

— »Я изъ тебя выколочу опвѣтъ!« говориль опяшь прежнїй голосъ — и удары сыплются на несчастнаго.

Молчитъ пошь, кто, за нѣсколько часовъ назадъ, свободный опъ преступленїя, горько опплашилъ бы за малѣйшую обиду!

— »Нечего съ нимъ долго толковать!« вскричалъ опяшь офицеръ. »Привяжите его челнъ къ нашей лодкѣ, а его самаго хорошенько скрушите и бросьте въ его конуру.«

Приказаніе сіе выполнено немедленно и въ почности. Лодка и къ ней причаленный челнокъ оправились и вскорѣ присоединились къ цѣлой флотиліи шлюпокъ, на копорыхъ въ шемношѣ чернѣлось множество головъ.

Г л а в а т р е т ь я

Н о ч н а я э к с п е д и ц і я .

— »Ну, Алексаша, їздилъ ты за *Московскимъ тотчасомъ?*« непернїливо сказалъ сидѣвшій у кормила передовой лодки. Офицеръ, привезшій Последняго Новика, вошелъ въ эту лодку и объяснилъ говорившему съ нимъ Капитану (ибо онъ его такъ называлъ), что нашелъ какого-то подозрительнаго челоуѣка, который, сколько могъ различить въ темнотѣ, долженъ быть раскольникъ, и что онъ, для всякой предосторожности, почелъ нужнымъ связать его и привезти съ собою. — »Доброе дѣло!« сказалъ Капитанъ: »причальше его чели къ нашей шлюпкѣ,

и съ Богомъ!» Повелишельно грозный голосъ его раздался по водамъ, и маленькая флотилія поплыла къ устью Невы, держась острова, названнаго впоследствии Васильевскимъ. Дождь, на нѣсколько минутъ утихшій, опять засялъ; темнота была необыкновенная. *»Аще Богъ съ нами, никто на ны!»* сказалъ Капитанъ съ благоговѣнiемъ: *»дождь всегда къ благополучiю; а нашей экспедициі темнота и по-давно благопріятствуетъ.»* Солдаты скинули шляпы и перекрестились. Съ двухъ Шведскихъ судовъ, стоявшихъ въ устьѣ Невы, слышался лозунгъ двумя выстрѣлами изъ пушекъ; черезъ нѣсколько минутъ опозвались два удара со стороны Шеншанца. — *»Сіа игрушка ихъ не мнѣтъ!»* воскликнулъ Капитанъ съ удовольствiемъ, которое ясно отзывалось въ его голосъ. — *»Min her Lieutenant!»* сказалъ онъ, не много погодя, обращаясь къ офицеру, подлѣ него стоявшему: *»кажись, къ дѣлу подцѣпили мы раскольника. Не мудрено, что онъ стоялъ караульщикомъ*

опшъ Шведовъ. Эпошъ родъ, закоснѣмый въ невѣжесствѣ, не желяешъ намъ добра: я увѣренъ, что они мои начинанія задержашъ весьма спараюшся — не говорю уже о томъ, что они меня персонально не жалуяшъ.»

— Да, Велпкій Государь! они Царей и па моленіи не поминаюшъ — опвѣчалъ на Нѣмецкомъ Лейшенаншъ, повидимому хипрый придворный.

Въ Капишанѣ, сидѣвшемъ у руля, мы сейчасъ имѣли случай узнать самага Петра I; въ Лейшенаншѣ, по опчеству его и дружбѣ, оказываемой ему Монархомъ, узнаемъ Мепшикова. Кспапи замѣшимъ, что разговоръ ихъ продолжался, смотря по предметамъ его, по на Нѣмецкомъ, по на Русскомъ

— Ты забылѣ уговорѣ, Данилычѣ! пожалуй, безѣ великаго! сказалъ Петръ: народу и попомспву, а не персонѣ дозволено такъ чествовашъ Государей. *Можетѣ статья, нѣкогда и наше имя воскреситѣ*

славу свою; но теперь, вбруй, не довольно кб тому наших дблб; все еще початки!

— Государь! продолжалъ Лейтенантъ: насоящая война вводишь уже себя въ храмъ безсмертія.

— Нбтб, мало еще отмстили мы укоризну Шведамб; больше требуетъ слава, народу нашему Славянскому достойная, и обида, нанесенная отечеству отблтіемб земель. Видишь Лифляндію; это членб Россіи отсвченый. Если его не возвратимб, такб напрасны и початки наши. Только великую надежду имбемб на правосудіе Божіе, которое неоднократно насб викторіями благословлять изволило.

— Принося Божія Богови, Повелишель Русскаго Царства не откажешь своимб подданнымб принесть Цесарю Цесарева.

— Что кб моему лицу надлежитб, я повелитель ихб, но по моей любви кб нимб и кб отечеству другб ихб и товарищб во всемб. Легко, Данилычъ, властншелью народа заставишь величать себя; придворные и спиходбн чадомъ по-

хваль и безъ указу задушишь гошовы: полько дѣлами ушѣшно величїе заслужишь. Впрочемъ не о себѣ хлопочу, mein Hertzenskind, а о благополучїи ввереннаго мнѣ Богомъ народа.

— Государь! ты для благополучїя Россїи ни здоровья, ни живота своего не щадишь, и нынѣ. . .

— *За тѣмъ и Царь я, перебилъ Петръ, что долженъ самъ во всѣхъ случаяхъ примѣръ являть. Законъ я чту наравнѣ съ послѣднимъ изъ моихъ подданныхъ; въ спрочу я только солдатъ фланговой — по мнѣ вся линїя выстраивается; въ баталїи я долженъ быть напередѣ. Слыхалъ ты самъ, сколько подъ Нарвою прикладъ начальствующихъ бѣды причинилъ. Да и нынѣ еще наши господа надмѣру себя берегутъ, и немногимъ ближе становятся отъ крѣпости, какъ нашъ обозъ; но я намѣренъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріевъ кругъ подвинуть. У меня Каминька боится, право, менѣе инаго Полковника.*

— Я говорилъ вамъ, что швердоссть ея души равняется съ ея красотою. Она, кажется, прибыла нынѣ въ вашъ обозъ, господинъ Капитанъ. . .

— Какъ похорошѣла моя голубушка!... Въ конфиденціи объявишь, безъ ней весьма скучать нынѣ начинаю. Да кстапи, Алексаша, я не рассказывалъ тебѣ нынѣшней исторіи?

— Не удосужился слышать.

— Засмалъ я ее давеча, при разборкѣ ея багажа, въ спрашномъ испугѣ. Спрашиваю, что за припчя? Развернула она передо мною узелки свои, показала мнѣ складни, серги дорогія, жемчугъ, и объявила мнѣ, сердечная, что не знаетъ, какъ они шуть очутились; ибо-де у ней такихъ вещей отъ роду не бывало, да и въ домѣ Шереметева и швоемъ никпо ея не даривалъ ими. Я разсмѣялся и сказалъ ей: *Не бойся, Катинька! это все твое; Данилычъ догадливъ. . . А, min herr, это швое дѣльцо! . . .*

— Виновашь, Государь!

— Изъ швоей вины можно богашую шубу сшить, и спасибо пришачать. На такую потребу, правду молвить, у меня теперь и денегъ не нашлось бы. Вотъ какъ получу по чину Капитана отъ Болбардиръ и Капитана корабельнаго жалованья изъ воинской казны; то воленъ въ нихъ ко всякому употребленію, потому что я службою для Государства, какъ и прочіе офицеры, тѣ деньги заслужилъ; а народныя деньги оставляются для Государственной пользы, и я обязанъ въ нихъ нѣкогда отдать отчетъ Богу. Но слово было о Капинькѣ: что у кого болишь, вѣдаешь, шомъ о шомъ и говоришь. Просишь она меня, опдыху не даешь, развѣдать отъ Вадбольскаго Семена, какого Шведскаго плѣннаго Вольдемара схватили онъ ни за что, ни про что подъ Маріенбургомъ и угнали куда-шо съ Ташарами. Миѣ объ эшомъ и Борисъ Петровичъ не говорилъ. Пожалуй, узнай повѣрнѣе и ушѣшь меня и ее вѣспочкой объ немъ: можешь спашься, и родной ей какой!

— Воля швоя будешъ выполнена, Государь!

Несчастный, лежавшій въ челнокъ, тяжело вздохнулъ.

— Чшо-шо нашъ плѣнникъ спонешъ... сказалъ Петръ.

Меншиковъ спалъ на колѣно, нагнулся черезъ край шлюпки и, ощунавъ Последняго Новика, опвѣчалъ: — Онъ мокрехонекъ, какъ мышъ, купавшаяся въ водѣ, и дрожишь шакъ, что рука на немъ не удержишся. . .

— Теперь онъ намъ не опасенъ. Развяжи его; да на, возьми, Алексаша, мою епанчу и накрой многоспрадальца; можешъ спашься, онъ и безъ вины виновашъ.

— Государь! . . . шы самъ. . . въ шакой дождь. . . .

— Возьми, говорю! сказалъ съ швердосшю челоувколюбивый Государь, скинувъ съ себя епанчу и подавая ее Меншикову. — Чшо до насъ, мы скоро, съ Божьею помощью, обсушимся и опогрѣемся.

Воля Петра была выполнена: развязали плънника и покрыли его Царскою епанчею. Слезы благодарности и вмѣстѣ горькаго раскаянiя полились изъ глазъ несчастнаго: слова Монарха удерживали въ немъ послѣднюю искру жизни, готовую погаснуть...

Лодки плыли самою тихую греблею; нѣсколько разъ приказано было имъ оспанавливаться. Въ это время предметы разговора Государя съ его любимцемъ безпрестанно мѣнялись. Гдѣ не побывалъ тогда его генiй? Куда въ это время, между заботами простаго семьянина, не заброшены были сѣмена его безсмертныхъ дѣлъ, коими Россiя донынѣ могуща и велика? Подъ сѣнью Кавказа садилъ Онъ виноградъ, въ степяхъ полудешной Россiи — сосновые и дубовые лѣса, открывалъ порты на Бельшъ, заботился о привозѣ пива для своего погреба, строилъ флотъ, заводилъ ассамблеи и училища, рубилъ длинныя поля у кафтановъ, комплекшовалъ полки, *потому что*, какъ Онъ

говоришь, при военной школѣ много учениковѣ улираетѣ, а не добро голову чесать, когда зубья выломаны изѣ гребня; шушилъ, рассказывалъ о своихъ любовныхъ походахъ, и часто, очень часто упоминалъ о какой-то таинственной Капшинкѣ: — все это говорилъ Петръ подѣ сильнымъ дождемъ, готовясь на штурмъ непріятельскихъ кораблей, какъ будто на пирушку!

Петръ Каритен! сказалъ вдругъ Меншиковъ: двѣ огненные точки свѣтятся не подалеку отъ насъ; это должны быть фонари на корабляхъ непріятельскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ сквозь сѣтку дождя показались два огненные пятна и вскорѣ зарыбли двѣ темныя массы, изъ коихъ одна носомъ двинуша была въ устье рѣчки, вытекавшей изъ острова. Петръ немедленно приказалъ всемъ лодкамъ, числомъ до 30, построиться на два отдѣленія; одному, подѣ командою Меншикова, приспастъ у берега острова къ лѣсу съ шѣмъ, чшобы сіе отдѣленіе, по первому

условленному сигналу, напало на ближайшее непріятельское судно; а самъ, по обыкновенію своему, предославя себѣ труднѣйшій подвигъ, съ остальными лодками опсправился далѣе на взморье, въ обходъ непріятеля. Челнокъ, въ коемъ находился Последній Новикъ, опсвязанъ опъ шлюпки; несчастному брошено весло; но онъ не воспользовался симъ даромъ, и ладья поплыла по теченью рѣки прямо на взморье.

Пока сіи распоряженія приводились въ исполненіе, тучи разбрелись, и къ споронѣ Ніеншанцевъ на небосклонѣ заспруилась палевая полоса. Съ непріятельскихъ судовъ (изъ кошорыхъ — какъ мы въ послѣдствіи узнали — одна была 14-пушечная шнява Аспрель, а другое 10-пушечный Адмиральскій бопъ Геданъ) замѣпили Русскія лодки, съ двухъ споронъ по волнамъ скачуція прямо на нихъ дружно, правильно, какъ ряды искусной конницы. Тревога на судахъ: слышны свистки начальниковъ, командныя слова, крики маш-

росовъ; снимаются съ якоря, поднимающъ паруса; эскадръ, стоящей близъ острова *Рету-сари**, дающъ сигналъ, что находятся въ опасности. Съ просонья и съ испуга дѣйствія исполняются поропливо. Кажется, самая спихія въ заговоръ съ непріятелемъ; мокрая въприла едва шевелятся. Экипажъ смотритъ на нихъ, какъ на звезду своего спасенія; ибо, составленный только изъ 77 человекъ, онъ понимаетъ опасность вступишь въ бой съ многочисленнымъ непріятелемъ не на открытомъ морѣ. Если-бъ можно было обратиться къ эскадръ; тогда спасена честь Шведскаго флага, и Русскіе осмѣяны! Каждый изъ экипажа хотѣлъ бы надушь паруса своими желаніями, — криками хотѣлъ бы подвинушь суда. Суда прогаются; но уже поздно. Семеновцы и Преображенцы, сіи *Потѣшники* Царя въ играхъ и бояхъ, одушевленные примѣромъ своего державнаго Капитана, наспигающъ,

* Кошлинъ островъ, на коемъ построень Кроншпашъ.

обхватываютъ ихъ, вливаются въ бока ихъ крючьями, баграми, бросаютъ на палубу гранаты, мѣшкими выстрѣлами изъ мушкетовъ снимаютъ матросовъ съ борта, рѣшаютъ паруса. Пушки ничего не могутъ сдѣлать нападающимъ; ядры летаютъ черезъ головы Русскихъ и только шѣшатъ ихъ, срѣзывая, или роя волны. Собственные бока судовъ служатъ защитою непріятелю. Шнява болѣе всего спѣсена Русскими лодками; медленно тащитъ она ихъ за собою, не имѣя силъ опорвать отъ себя. Такъ огромный звѣрь, со всѣхъ сторонъ окруженный меньшими, разъяренными живошными, и выбившійся изъ силъ, въ бѣгствѣ влечетъ ихъ съ собою до тѣхъ поръ, пока самъ падетъ, или ихъ утомитъ. Усиленная ложная атака, сдѣланная съ одной стороны шнявы, отвлекаетъ на эту сторону почти весь экипажъ; между тѣмъ къ другому борту прикрѣплены веревочкия лѣстницы. По нимъ, какъ вѣшки, цепляются Русскіе — и первый на

палубъ Петръ. — »Ура! силень Богъ Русскихъ!« восклицаетъ Царь громовымъ голосомъ, и на встрѣчу бѣгущихъ Шведовъ посылаетъ горящую въ его рукъ гранату. Мѣтко пошла роковая посылка, разодралась на часши, и каждому, кому дошла, шепнула смертное слово; каждый кровью или жизнью росписался въ полученіи ея. Со всѣхъ сторонъ Шведы съ бѣшенымъ опчаяніемъ заспунаюшъ мѣста надшихъ; но передъ Петромъ, симъ исполномъ шѣломъ и душею, все, что на пуши его, ложится въ лоскъ, пораженное имъ, или его окружающими.

Шведы дерутся опчаянно; ни одинъ не прячется въ убѣжища корабля. Палуба есть открытое поле сраженія; опияшо желѣзо — ногошъ и зубъ служатъ орудіями ихъ ожесточенію; раненые замираюшъ, вцѣпившись руками въ своихъ враговъ, или заплетаясь около ногъ ихъ.

Эскадра Шведская замѣшила несчастное положеніе двухъ судовъ своихъ. Уже шрепещушъ въ виду крылья ея парусовъ.

Вошь друзья, братья, готовы испоргнуть бѣдныя жертвы изъ непріятельскихъ рукъ!... Надежда беретъ верхъ надъ опчаяніемъ. Но одно мощное движеніе державнаго Кормчаго, взяшагося за руль, нѣсколько распоряженій Капитана Русскаго — и шнявъ нѣтъ спасенія!

Въ самую суматоху боя Петръ не теряетъ головы, все наблюдаетъ, вездѣ отдаетъ приказанія, убираетъ самъ паруса, управляетъ Шведскаго кормчаго въ море ловить рыбъ, останавливаетъ на бѣгу судно, правимое къ эскадрѣ, и оборачиваетъ его назадъ. Онъ въ одно время Капитанъ, мажоръ и кормчій. Во всѣхъ сихъ маневрахъ видны необыкновенное присущіе духа, быстрое соображеніе ума и наука, кою онъ съ такимъ смиреніемъ и спрасью посвящилъ себя въ Голландіи. Старый морякъ не постыдился бы признавъ его дѣйствія своими. — Русскіе солдаты, спущенные въ лодки, уводящъ шняву назадъ въ устье Невы; а Шведская эскадра не допущена мѣлководно-

днемъ. Самъ Богъ за Петра. Почти весь экипажъ шнявы перебитъ и перерезанъ; ибо рѣдкій изъ составляющихъ его рѣшается купить жизнь цѣною плѣна. — Командиръ Шведскій пошчасъ узналъ, съ кѣмъ мѣрился. — »Петръ одинъ могъ сдѣлать такое дѣло!« говоритъ онъ, и въ отвѣтъ на мирное предложеніе отъ имени Царя, схвативъ переговорщика за грудь, спаскиваешь его съ собою въ море.

Лишь только побѣда очистила Русскимъ палубу шнявы, Меншиковъ прибылъ къ своему Капитану съ донесеніемъ о взятіи Адмиральскаго бота Гедана. Побѣда надъ симъ судномъ легче была куплена.

По сказкѣ плѣнныхъ, оба судна отправлены были къ Шеншанцамъ съ письмами отъ начальника Шведской эскадры, и потому такъ безпечно остановились у острова, что обманушы были дружескими сигнальными отвѣтами изъ крѣпости. — »Я сказалъ, что сія игрушка ихъ не минеть!« восклицалъ Петръ видя себя отъ радости; благодарилъ Бога за

первую побѣду Русскихъ на Бальшійскомъ морѣ, обнималъ офицеровъ, изъясняя свою признательность солдатамъ, называя ихъ вѣрными поварищами, друзьями.

Съ того времени, какъ Последній Новикъ былъ освобожденъ изъ своего плѣна, челнокъ его неся по произволу рѣчнаго теченія; понавъ на взморье, встрѣченъ прошивными волнами и наконецъ прибишь ими къ Карельскому берегу, за нѣсколько верспъ отъ устья Невы. Тамъ Чухонскіе рыбаки замѣшили челнокъ, и осмошрѣвъ его, нашли въ немъ умирающаго человѣка. Они принесли несчастнаго къ себѣ въ хижину; попеченія добрыхъ людей и сравы колдуна, котораго они носпарались опыскашь въ окрестности, привели къ жизни того, кто въ ней ничего опраднаго не имѣлъ, для кого она уже была въ шягосшь.

Глава четвертая

П Р И О С Н О В А Н И И Г О Р О Д А .

*На то въ Россіи ни взгляни, все
Его нагаломъ имѣетъ, и тобъ впрѣдѣ
ни дѣлалось, отъ сего источника
вернать будутъ.*

Журналь Ив. Ив. Неплюева.

Что прошло, — невозвратимо.

Жуковский.

Что собралось 7 Мая шакъ много на-
рода на оспровѣ Луспъ-Эландъ, прежде
споль пустошь? Бывало, одни Чухонскіе
рыбаки кое-гдѣ копышились на берегу
его, разспилая свои сѣти, или развъ
однажды въ годъ егери Графа Оксеи-
шширна, кошорому сей оспровѣ съ дру-
гими окружными принадлежалъ, заходили
въ хижину, единственную на оспровѣ,

для складки убитыхъ зѣрей и для опды-
ха. По зеленымъ мундирамъ узнаю въ
нихъ Русскихъ и — гвардейцевъ по золо-
тымъ галунамъ, въ копорыхъ солнце го-
ришь ярко.

Привѣшствую васъ, Преображенцы и
Семеновцы, власпишелями Бельшта! Земля,
на копорой спомъ Пешербургъ, взята
вами съ боя и нынѣ крѣпка за вами.

Въ одномъ мѣстѣ соснавился изъ офи-
церовъ блестящій полукругъ. Впереди, на
барабанѣ, сидишь человекъ исполнскаго
роста, въ колетѣ изъ толстой лосиной
кожи, сшитомъ на подобіе иностраннаго
кушеческаго камзола, только безъ пуго-
виць, клапановъ и кармановъ. Сей на-
рядъ опоречень ровною, полосапою
шесьюю и завязанъ въ нѣсколькихъ мѣ-
стахъ шипящими шнурками. Смоляныя
пята испестрили его; почешный рубецъ
свидѣтельствуешь, что онъ былъ въ
боевой передѣлкѣ. Одежда простаго мо-
ряка; но видъ носящаго ее испоргаетъ
уваженіе. Черны его смуглаго лица

ошлипы грознымъ величіемъ; темнокаріе глаза, прикованные къ одному предмету, горящъ воспоргомъ: такъ могъ только сморъшь богъ на море, усмиренное его державнымъ презубцемъ! Черный, тонкій усь придаетъ его фязіономіи особенную привлекательность. Голова его открыта, и темными кудрями его бережно играсъ въперокъ. Треугольная шляпа у ногъ. Англійской породы собака рыжей шерсти съ бархашнымъ, зеленого цвъта, ошейникомъ, на коемъ вышипы слова: *за сбрлость не умру!* спережешъ шляпу и по временамъ смсришъ въ глаза своему господину. Отъ устья Невы ведутъ ботъ и шияву, взашы у Шведовъ. Нъсколькo десяшковъ лодокъ, раздъленныхъ на двъ линіи, плывущъ впереди и провожающъ ихъ съ пъснями и музыкою. Это первый флотъ, входящій торжественно въ Русскіе предлы. Вотъ что, по видимому, занимаешъ высокаго моряка, сидящаго на барабанъ.

По лъвую сторону его, немного подав-

шись назадъ, стояшь, не изгибаясь, два офицера. Въ одномъ мы узнали сейчасъ Бориса Пепровича Шереметева, въ другомъ — храбрѣйшаго изъ воиновъ и благороднѣйшаго изъ вельможъ Петра I, Князя Михайлу Михайловича Голицына, коему Россія обязана за доставленіе ей ключа къ Бельшу. Семь словъ, переданныхъ имъ посланному Царя, когда эпошь въ пылу осады Шлиссельбурга приказывалъ опстунить; семь словъ: *скажи ему, что я принадлежу теперь Богу!* могли бы увѣковѣчить его имя; а цѣлая жизнь его была возвышенна, какъ эти слова!... По другую сторону моряка, нѣсколько наклонившись впередъ, какъ будто хочешь поймать на лешу думу его, стоишь молодой Гвардеецъ пріятной наружности, съ открытыми сѣроголубыми глазами, спашный, величавый, облистый золотомъ. Улыбка самодовольствія на устахъ его объясняешь мнѣ, что это любимецъ счастья. Спрашиваю: кто такой? и мнѣ сказываютъ, что это Лейтенантъ опъ

Бомбардиръ, пошъ самый, съ кошорымъ мы имѣли случай ознакомиться въ последнюю ночную экспедицію. Это Меншиковъ, сынъ пирожника, фортуною схваченный съ улицы ко Двору и умѣвшій возвыситься умомъ, опвагою и вѣрпоспью до степени перваго любимца Государева. За ними съ удовольствіемъ опличаемъ въ первыхъ рядахъ спарипныхъ машихъ знакомцевъ: Князя Вадбольскаго, Мурзенку, Дюмона, Карпова и Глѣбовскаго. И ты, мишурный Генераль, Голяевъ Самсоновичъ, играешь не последнюю роль на сей сценѣ съ какимъ-то франтомъ средняго роста въ малиновомъ бархатномъ кафтанѣ, въ пышномъ, напудренномъ парикѣ, съ умильною рожицею и глазами, плюшоватыми, какъ у лисицы! Ты называешь своего поварища Балакиревымъ; а это имя принадлежало любимому шушу Петра I. За вами неоплучно ходишь великанъ Буржуа, и образуешь съ вами лѣстницу о прехъ ступеняхъ, изъ коихъ на верхней выказывается одуш-

ловашая, румяная, глупосмѣющаяся образина. Все необыкновенное составляешь свисту необыкновеннаго человѣка. Карла и Балакиревъ расхаживаютъ по берегу и бросаютъ камешки поперегъ рѣки, спараясь, чшобы они, дѣлая по водѣ рикшесы, долетали, какъ можно, далье. Если скачки были скорые и высокіе; по говорили, что это Меншиковскіе прыжки. Когда пущенный камень дѣлалъ медленный переходъ и оставлялъ большой кругъ на водѣ; тогда называли это Шереметевскимъ шагомъ. Пузыри, болшуны, верхогляды, недошесы, перелесы, имѣли также свои принаровленія. Наконецъ два друга и соперника усѣлись. — «Располкуй мпѣ, пожалуйсша» сказалъ Голяѡвъ своему повариху, «что значихъ надпись на ошейникѣ Лизешы: за вѣрность не умру? Вѣдь, когда нибудь и она пропанешся. Чшо-жь тогда изъ нея сдѣлаюшь?» — «Безсмертнущую чучелу!» отвѣчалъ Балакиревъ. «По словамъ нашего батюшки Петра Алексѣевича, такую же сдѣлаюшь и изъ вели-

каго Буржуа.» — «Видно за то, что въ-ренъ своей глупости!» — «Спупай къ намъ во дворъ, Самсонычъ, у насъ недо-стаешь карлы.» — «Пошелъ бы, если-бъ ты былъ глупецъ: два медвѣдя въ одномъ берлогѣ не уживушся.» — Такъ и многое подобное говорили шушь и карла; но обратимся къ кругу офицерскому.

Кто, какъ не самъ Петръ, можешь бышь высокій морякъ, сидящій на бараба-нѣ, — пошь, около копораго съ уваже-нiемъ сроятъ почешные сыны Русскаго Царства? — Опъ чего-жъ воспоргъ го-ришь въ его глазахъ? . . . Опъ забылъ все, его окружающее; геиъ его творишь около себя другую спрану. Оспровъ, на коемъ опъ находишся, превращается въ крѣпость; верфь, адмиральтейство, ша-можня, Академи, казармы, конпоры, дома вельможъ и послѣ всего дворець возни-кають изъ болошь; на берегахъ Невы, по оспровамъ, расположенъ городъ, спрой-ностью, богашствомъ и величiемъ сп-ращiй съ первыми поршами и столицами

Европейскими; торговля кипитъ на пристаняхъ и рынкахъ; народы всѣхъ странъ волнуются по немъ; науки въ немъ процвѣтають. Черезъ ворота Бельша входитъ многочисленный флотъ, обошедшій старую и новую гемисферы. Островъ Репу-сари на взморьѣ служилъ городу шлагбаумомъ.

Великій мыслишь, и — бысть!... Что для другихъ игра воображенія, то для него подвигъ.

Петръ вспалъ. Онъ схватилъ съ жаромъ руку Шеремешева и говоритъ: — *«Здѣсь будетъ Санкт-Петербургъ!»* Всѣ смотрятъ на него съ недоумѣнiемъ, какъ бы спрашивая его, что такое С. Петербургъ. И шутъ съ краснорѣчiемъ генія пворческаго, всемогущаго, повѣдаешь онъ окружающимъ его свои исполнискіе планы. Холодный, разсчешливый Шеремешевъ представляешь неудобства: онъ указываешь на дремучіе лѣса, непроходимыя болота и наконецъ на масшиное дерево, служившее туземцамъ для опмѣшки

высопы, по копорую въ разныя времена Невскія воды выходили изъ береговъ своихъ. — »Лѣса срубяшся на дома« говоритъ Петръ: »руками Шведскими осушимъ Шведскія болопа; а дерево...« Онъ махнулъ рукою Меншикову; эпошь понялъ его — и памятникъ, враждующій генію, уже не существуешь! Желѣзо блещеть по кустарникамъ и рощѣ; со спономъ падають спольшнія деревья, будпо не хопяшъ распавашся съ землею, сполько лѣшъ ихъ пишавшею — и черезъ нѣсколько часовъ весь Лустъ-Эландъ обнажень. На ближнемъ оспровѣ Койво-сари возникаешъ скромное жилище спроишеля, *Петра Михайлова*:

.... Ковчегъ воспоминаній славныхъ!
 Свидѣшель онъ надеждъ и замысловъ
 державныхъ:
 Здѣсь мыслилъ Петръ объ насъ. Россія!
 здѣсь швой храмъ.*

Между шѣмъ флосилія привѣшспвована

* Князь Вяземскій.

нѣсколькими залпами изъ ружей и артиллеріи; — изъ пушекъ шивы и боша поздравили Царя съ первою морскою побѣдой.

Осправадновавъ побѣду, Государь немедленно принялся за созданіе С. Петербурга въ виду непріятеля, на земль, которую, можешь бышь, завтра надлежало ошпанавать. Не успрашила его и грозная схватка со спихіями, ему предстоявшая въ семь дѣль. Воля Петра не подчинялась ничему земному, кромь его собственной творческой мысли; воле же сей покарялось все. Мудрено ли, что онъ съ такимъ даромъ неба не загадывалъ ни одного исполнскаго подвига, который не былъ бы ему по плечу, котораго не могъ бы онъ одолѣшь?

Для исполненія своего намьренія, первымъ его дѣломъ было въ шось же день разбишь планъ новой крѣпости. Ходя съ саженью въ рукахъ по берегу Лусть-Эланда и сопровождаемый въ своихъ заніясахъ Шеремешевымъ и Княземъ Голи-

цынымъ, онъ сошелся въ одномъ мѣсцѣ съ Вадбольскимъ. — »А, дорогой куманекъ!« закричалъ онъ этому: »я до тебя давно добираюсь.«

— Меншиковъ сказалъ мнѣ шолько сейчасъ, за чѣмъ я тебѣ пужень, Государь! отвѣчалъ Вадбольскій: я самъ искалъ тебя.

— »Такъ мы кшати сшолкнулись: авось высъчемъ огонь! Вотъ въ чемъ дѣло. Дошли до меня вѣспочки въ нѣкоей конфиденціи. . . а съ какой стороны вѣспердуть, не могу тебѣ повѣдать — въ другое время, ты знаешь, я съ своихъ плечъ снялъ бы для тебя рубашку — вотъ изводишь видишь, кумъ, дошли до меня вѣспочки, что ты подъ Маріенбургомъ спровадилъ какого-то голяка, Шведскаго плѣннаго, куда, на какую потребу, Богъ вѣсть!« . . .

— Коли тайна сія дошла до тебя, Государь! то солгать предъ тобою не могу. Приношу тебѣ повинную голову. Этомуль человекъ былъ не Шведъ, а

Русскій, изгнанникъ, именно Послѣдній Новикъ.

При этомъ словѣ Петръ вспыхнулъ. — »Послѣдній Новикъ! мой убійца! . . . и ты, видно, такой же злодѣй!« . . . закричалъ онъ и, не помня себя отъ гнѣва, замахнулся на Вадбольскаго саженью, чшобы его ударить.

— Остановись! . . . воскликнулъ Шеремешевъ: онъ исполнилъ только мое приказаніе.

Петръ опустилъ сажень и остановилъ изумленные взоры на Фельдмаршаль.

— Открою тебѣ болѣе, продолжалъ эпомъ: но прежде выслушай, а потомъ буди твоей судъ надъ нами. Во время осады Мариенбурга злой раскольникъ далъ мнѣ знать письмомъ, что въ крѣпости скрывается Послѣдній Новикъ подъ личиною Шведа Вольдемара изъ Выборга. Все примѣшны Новика были вѣрно списаны; злодѣйство его было мнѣ вѣдомо; злодѣй былъ въ моихъ рукахъ, и я самъ далъ ему свободу.

— »Всеконечно, ты имѣлъ на то важную причину, или ты съ ума сошелъ, Борисъ Петровичъ!«

— А вошь сейчасъ объяснимъ тебѣ, надежа-Государь! — Князь Василій Алексеевичъ! подайте Его Величеству бумаги, которыя вамъ поручено отдать отъ бывшаго нашего Генераль-Кригскомиссара.

Мы не имѣли еще случая сказать, что Вадбольскій, въ глубокую осень 1702 года, объѣзжая дозоромъ покоренный край Лифляндіи, заглядывалъ на мызу Г-на Блуменшпроспа и спрашивалъ Нѣмаго о Владимірѣ. Въмѣсто извѣстій, получилъ онъ бумаги, которыя поручено было Новикомъ отдать первому, кто придетъ объ немъ навѣдаться: ибо, какъ онъ выразился тогда, бумаги сіи изгнаннику болѣе не нужны. Изъ числа ихъ письмо Пашкуля къ Русскому Монарху и свидѣтельство Шереметева о заслугахъ, оказанныхъ Владиміромъ въ кампанію 1702 года, поданы теперь Государю Вадболь-

скимъ. Видно было въ семь случаевъ, что избранные ходатаи за несчастнаго дѣйствовали согласно условію, между ними заранѣе сдѣланному.

— Опъ злодѣя черезъ вѣрнолюбезнаго намъ Министра? часъ опъ часу мудрите! сказала Нетръ I-й, взявши бумаги. Во время чтенія лице его по свѣтлѣло, но помрачалось. Прочтя ихъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на Шереметева, спалъ ходишь взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи чувствъ, выражавшемъ ихъ борьбу, и потомъ спросилъ Фельдмаршала: — Такъ вы дали сіе свидѣтельство, Господинъ Фельдмаршалъ?

— Государь! отвѣчалъ Борисъ Петровичъ: все, что въ этомъ свидѣтельствѣ, мною данномъ, заключается, есть только кое слабое изображеніе заслугъ Последняго Новика себѣ и отечеству. Въ лѣта безразсудной молодости онъ могъ быть преспушникомъ; но со временемъ позналъ свою вину и искалъ загладить ее жертвами великими. Если я въ прошедшую

кампанію сдѣлалъ что-нибудь достойное
аппенціи Царскаго Величества, то эшимъ
обязанъ ему.

Петръ, не отвѣчая, стоялъ въ глубо-
кой задумчивости.

— Милость красить вѣнецъ Царскій!
произнесъ съ жаромъ Князь Михайла Ми-
хайловичъ Голицынъ. Государь! ты про-
щаль многихъ злодѣевъ, посягавшихъ на
твою жизнь; а чѣмъ заслужили они сіе
прощеніе? Однимъ раскаяніемъ!... По-
слѣдній Новикъ же, какъ мнѣ извѣстно
нынѣ спало, сдѣлалъ то, чѣмъ могъ бы
гордиться первый Бояринъ Русскій. Мы
всѣ, сколько насъ ни есть въ войскѣ
швеемъ, ему одолжены нашею доброю сла-
вой, и всѣ умоляемъ за него.

— Когда бы только пахаты злодѣя-
нія!... сказалъ Петръ: нѣтъ, нѣтъ,
друзья мои! вы не знаете. . . вы не можете
знать. . .

Мурзенко, невидимо подкравшись къ
Царю, упалъ къ ногамъ его и жалобно за-
вопилъ: — Прикажи, Петръ Алексѣевичъ,

швоя моя разжаловать: безъ Новика моя не була-бъ Пулковникъ! Борисъ Пешровичъ швоя все рассказать. Куда ея голова, и моя шуда.

— И, шы, Мурза?... Всѣ, всѣ за него!... Коли-бъ знали, чѣе онъ опродѣе непошребное!... повторилъ Государь.

— Опродѣе? не правда, возразилъ съ благороднымъ гнѣвомъ Вадбольскій: Полковникъ Семень Ивановичъ Кропошовъ былъ его ошець. Кропошовъ служилъ тебѣ вѣроу и правдоу, и честно положилъ за тебѣ живошъ свой подъ Гуммелемъ. Какого тебѣ благородства болѣе надобно?...

— Не постыдился бы я назвать его своимъ братомъ, Семень Алексѣевичъ! но чѣмъ докажешь, что Послѣдній Новикъ былъ сынъ его?

— Его завѣщаніемъ, коего сдѣлали меня исполнителемъ воля Фельдмаршала и самъ Богъ! Пусть очи швои сами удостовѣряшъ тебѣ вь испинѣ словъ моихъ. Вошъ завѣщаніе, писанное рукою Семена

Ивановича: она должна быть тебе известна.

Тутъ Вадбольскій вынулъ изъ боковаго кармана мундира бумагу и подалъ ее Царю. Петръ взялъ ее, жадно пробѣжалъ глазами и попомъ задумался. Вадбольскій продолжалъ:

— Съ того свѣта указываешь о тебѣ на кровь, пролишую за тебя и опечесство, на старушку вдову, оставленную безъ опоры и утѣшенія, и потребуешь, чтобы ты даровалъ жизнь ея сыну, и мапері отдашь кормильца и утѣшителю. Не только, какъ опекунъ Последняго Новика, но какъ человекъ, обязанный ему спасеніемъ своей жизни, умоляю тебя за него: умилосердись, отецъ опечесства! прости его, или вели меня казнить вмѣстѣ съ нимъ.

— Могу ли васъ наказывать, воскликнулъ распроганный Государь, васъ, вѣрные мои слуги и товарищи? . . . Для васъ забываю собственную персону. . . забываю все — и прощаю Последняго Новика.

Радостный возгласъ: да здравствуетъ Государь, отецъ нашъ, многія льта! вырвался изъ груди участниковъ сей сцены и обошелъ весь островъ, по коему офицеры и солдаты были разсыпаны. Признательность народная скоро сообщается и любви выражаются въ громкихъ восклицаніяхъ; одна ненависть скрытна и молчалива. Петръ продолжалъ, обращаясь къ Шереметеву: — Письмомъ отъ имени моего попросите Его Величество Кесаря* обнародовать указъ о прощеніи Последняго Новика ради его заслугъ намъ и опечеству; пошлите пріятеля Мурзу опыскать его по Чуди — кстапи не удастся ли гдѣ прихлопнуть нагайкою Шведскаго комара — и дайше знашь въ Дворцовый Приказъ, чтобы описали Владиміру, сыну Кропотова, десять дворовъ въ Софьинѣ; но горе ему, если онъ... захочетъ опыскивать себѣ другой родъ, кромѣ Кропотова!...

* Извѣстно, что въ отсутствіе Государя Ромодановскій уполномоченъ былъ правами Царскими и носилъ шишло Кесаря.

Защитники Последняго Новика благодарили Государя, каждый по своему; хвала Петру переходила изъ устъ въ уста; всеъ поздравляли другъ друга, какъ съ необыкновеннымъ торжествомъ; рассказывали, кто такой Новикъ, что онъ сдѣлалъ преступнаго и какія великія услуги оказалъ Отечеству. Онъ-то спасъ подъ Ер-расфферомъ артиллерію Рускую, давалъ Фельдмаршалу черезъ Пашкуля извѣстія не только о движеніяхъ Шведской арміи, но и намѣреніяхъ ея предводителя, навелъ Русскихъ на Розенгофскій форпостъ и столь много содѣйствоваль побѣдѣ подъ Гуммельсгофомъ. Какъ изумились Дюмонъ, Карповъ и Глѣбовской, узнавъ, что Последний Новикъ, неумышленно составлявшій въ Нейгаузенскомъ станѣ предметъ ихъ разговоръ и вину горькихъ слезъ Кропотова, былъ именно сынъ его и то самое таинственное лице, игравшее столь важную ролю въ войнѣ со Шведами и такъ часто служившее загадкою для всего войска! Помнили еще

пѣвца-певидимку подь Розенгофомъ, докончившаго пѣсню, начашую Глѣбовскимъ; каждый повтораь куплетъ, споль прогашельно выражавшій любовь къ родинѣ. Сблизисься съ симъ необыкновеннымъ челоукомъ, услышашъ повѣсть его жизни, было общимъ сильнымъ желаніемъ офицеровъ.

Не однихъ явныхъ, но и тайныхъ приапелей имѣль Послѣдній Новикъ. Мы это сейчасъ увидимъ.

Передъ опыѣздомъ своимъ въ Лифляндію Мурзенко позванъ былъ въ домикъ Петра I-го, выспроенный на оспровѣ Березовомъ, такъ переименованномъ пзъ Финскаго Койво-сарн. У крыльца встрѣшилъ Тапарина карла Голіаѡъ и вручилъ ему записку и богатой перстень, сдѣланный въ видѣ короны, подь низомъ коей на оправѣ было вырѣзано: *5 Апрѣля*. Все сіе, опы имени неизвѣспной, но близкой къ Царю особы, просиль ловкой, маленькой агентъ передать Владиміру, какъ скоро его опыщеть. Опыт кого шель

даръ, мы не смѣемъ до времени сказать, но можемъ догадаться, прочтя записку, писанную по-Нѣмецки.

»Радуюсь своему благополучію, Вольдемаръ!« такъ сказано было въ ней. Чу-
 »жеспранка въ Россіи, я уже люблю ее,
 »какъ мое отечество; люблю всѣхъ, кто
 »оказываешь ему истинныя заслуги; а
 »сколько мнѣ извѣстно, болѣе тебя сдѣ-
 »лалъ и дѣлаешь ей добро только *одиѣ*
 »человѣкъ, *мой и твой повелитель*. . . мой
 »кумиръ съ юныхъ лѣтъ! . . . Въ знакъ
 »удовольствія, какое доставила мнѣ вѣсть
 »о переменѣ твоей судьбы, и на память
 »нашей дружбы, посылаю тебѣ бездѣлку.
 »Ты оскорбишь свою давнишнюю знако-
 »мую и новую соотечественницу, отвер-
 »гнувъ сей даръ. Напрошивъ, принявъ его,
 »обрадуешь ту, которая и въ униженіи и
 »на высотѣ не забудетъ тебя.»

Мурзенкъ приказывали еще черезъ кар-
 лу сказать, что Владиміра искать далеко
 не надобно, ибо еще недавно видѣли его,
 шедшаго отъ Саара-мойзы къ Невѣ; и

пошому операціонная линія Ташарскаго павздыка должна была покуда ограничаться обоими берегами сей рѣки.

Ахъ! когда бы знали благодѣтели, друзья Последняго Новика, что пошь, что былъ предметомъ ихъ жаркаго участія, не могъ уже пользоваться ни дружбою, ни благодѣяніями ихъ! Ходашайство, прощеніе, залогъ дружбы — опоздали! . . .

Глава пятая

Повѣсть Послѣдняго Новика.

*О, милой родины страна!
Какою тайною прелестной
Съ душою ты сопряжена!*

Нечаевъ.

Между шѣмъ, какъ работы кипѣли на острове Лусъ-Эландъ, нѣсколько ротъ Преображенскаго полка подъ начальствомъ Карпова и драгунскіе полки Князя Вадбольскаго и Дюмона поставлены были на Ижорскомъ берегу Невы, близъ устья ея, для наблюденія, не сдѣлаешь ли непріятель высадки съ эскадры. Какъ скоро обязанности службы выполнены были начальниками, они собрались вмѣстѣ у хлѣ-

босола Вадбольскаго на чару аписовой водки, на пирогъ и кусъ, еще болѣе лакомый — на чтеніе Исторіи Последняго Новика, ошданной опекуну его вмѣстѣ съ другими бумагами. Нѣсколько дней уже обѣщаль Вадбольскій передашь своимъ пріятелямъ исповѣдь его жизни. Въ эшомъ грѣха шеперь не было. Глѣбовскому, распѣвавшему шакъ хорошо пѣсни Новика, поручено читать его повѣсть въ услышаніе всей честной бесѣды.

Встарину у Русскихъ крестъ былъ при-
спуномъ ко всему. Слѣдуя сему святому
обычаю, Глѣбовской прекрестился и на-
чалъ чтеніе.

»Судьба видимо гонитъ меня. Ни мое
раскаяніе, ни жертвы и заслуги мои оше-
честву не могли ее удовлетворить. Чув-
ствую: или грѣхи моихъ родителей, или
кровь, за меня безвинно пролишная, запе-
чатѣли меня клеймомъ опчужденія оше-
редины. Большого наказанія Господь не
могъ для меня придумать. Конецъ моимъ
спраданіямъ близокъ. Горькая смерть на

чужбинѣ, шрупѣ, неорошенный слезою друга или соотечественника, неопиѣтый Священникомъ, оспориваемый дикими звѣрями — вотъ очистишельная жертва, ошъ меня ожидаемая! Русскій придетъ нѣкогда въ сію страну; во имя Христа и, можешъ быть, дружбы захочешъ ошскашь мои кости и поставишь надъ ними крестъ; но не найдетъ онъ и мѣсша, гдѣ лежала персть несчастнаго изгнанника... Крестомъ будушъ мнѣ чешыре страны свѣта. Развѣ одинъ гласъ Всемогущаго соберешъ прахъ мой и сложиши кости мои въ день судный!

По крайней мѣрѣ, часъ себя хочу оставишь на родинѣ. Пусть часью сей будешъ повѣсть моей жизни, въ слѣдующихъ строкахъ начерпанная. Разказъ мой будешъ крапокъ; не упомяю никого изображеніемъ своихъ спраданій. Описывая ихъ, желаю, чтобы мои соотечественники не проклинали хощь моей памяши. Я шрудился для нихъ такъ много, такъ много самъ любилъ ихъ!

Друзья! помлишише меня въ своихъ мо-
лишвахъ. . .

Не знаю, гдѣ я родился. Помню толь-
ко, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, вы-
сокій берегъ Москвы рѣки, свѣшлыя излу-
чины ея, обширные луга съ высокою
правою, въ которой запусывались моц-
дѣшскія ноги, озера съ небомъ своимъ
оправленные въ зелень сихъ луговъ, на
возвышеніи старинныя хоромы съ перем-
ками, поросшими мохомъ, плодовиный
садъ и въ немъ ключъ, коего журчаніе и
теперь опъывается моему слуху вмѣстѣ
съ пѣньемъ коростеля, раздававшимся по
зарямъ. Для другихъ непріятель крикъ
этой птицы; но я, въ какихъ странахъ
ни слышалъ ея голосъ, всегда чувство-
валъ въ груди сладостное помленіе, задумывался о родинѣ, о райскихъ, невоз-
вратныхъ дняхъ дѣшства, и слезами кро-
пилъ сіи воспоминанія. Помню, что по
обѣимъ сторонамъ нашего жилища тя-
нулась деревня, раздѣленная оврагомъ, че-
резъ которой весною съдые потоки съ

шумомъ бросались въ рѣку; позади деревни, вдали чернѣлись лѣса, дремучіе лѣса населенные будто лѣшиями, вѣдьмами и разбойниками; а впереди черезъ рѣку, на высокомъ берегу ея, стояла деревянная церковь и кругомъ ея кладбище. Не забылъ я даже, что глава церкви была насквозь разодрана временемъ или молніею, и что мѣсяцъ, багровый отъ предвѣстій непогоды, поднимаясь съ земнаго ложа своего, по временамъ входилъ въ сію главу въ видѣ пылающаго сердца. — »Прогнѣвали мы, родной, Господа!« говорила мнѣ мамка моя, указывая на сіе явленіе: »настануть смуты, побоища, и много, много крови будешь пролито! — Боюсь за твою головушку, дитя мое! кровь у тебя кипучая; глаза твои разга-раются, когда рассказываю тебѣ о по-хожденіяхъ богатырей и могучихъ вишней; все у тебя спрѣльцы, да спрѣльцы на разумъ; мальчикъ крестьянскій не спань передъ тобою въ шапкѣ — сейчасъ гошовъ ты сорвешь ее и съ макушкой.

Смири, дитя мое дорогое, свое сердце; ходи спопами тихими по пупи Господню; не гордись, не провозносися; не то, не сносишь тебѣ своей головушки. Охъ, охъ! въщунъ недобрый кровавый мѣсяць, и все въ дець швоего Ангела! Молись усерднѣ Богу, клади поболье земныхъ поклоновъ, не лѣнись шворишь кресты, и Онъ помилуетъ тебя своею благодатью!« Худо слушался я наставленій мамки, и слова ея сбылись. . .

Деревню, въ коей провель я первые годы моего дѣтства и копорую описываю, называли *Красное сельцо*. Часто говорили въ ней о Коломнѣ, и пошому заключаю, что она была не подалеку отъ сего города. Не знаю, тамъ ли я родился; но тамъ, или близко сихъ мѣстъ, хотѣлъ бы я умереть.

Семи лѣтъ перевезли меня въ Софьино, что подь Москвою, на берегу же Москвырки. Съ того времени данъ мнѣ былъ въ воспитатели Андрей Денисовъ, изъ рода Князей Мышинскихъ. Говорили много

объ учености, пріобрѣтенной имъ въ Кіевской Академіи, объ его умѣ и необыкновенныхъ качествахъ душевныхъ. Но мнѣ легче было бы остаться на рукахъ доброй, простодушной моей мамки, которой память столь же для меня драгоценна, сколь ненавистно воспоминаніе объ Денисовѣ, виновникѣ всѣхъ моихъ бѣдствій.

Пылкія спраски мои росли съ моимъ шломя, такъ сказать, не по годамъ, а по днямъ. Имъ старались дать опасный блескъ, а не хорошее направленіе, не усмирять ихъ. Воспитатель мой баловалъ меня, льстилъ моимъ прихотямъ, усердно раздувалъ въ сердцѣ моемъ огонь честолюбія и самонадѣянности. Я былъ бѣшенъ, гордъ, властолюбивъ: всѣ просупки мои извицались; всѣмъ моимъ порокамъ находили благовидный источникъ, или возвышенную цѣль. Не смотря на сіе прищворство, я не чувствовалъ привязанности къ своему развратителю: какія-то невидимая сила всегда оппалки-

вала его отъ моего сердца. Не говорю уже о покорности; я не зналъ ея никогда. Я находилъ удовольствіе управлять тѣмъ, который, въ послѣдствіи времени, раскрылъ въ себѣ душу необузданную, жаждущую однихъ чести и власти. Никогда, въ самыя мгновенія величайшаго на меня гнѣва, когда я подставилъ ему погу, чтобы онъ упалъ, или когда изорвалъ въ клочки переложенную имъ съ Лапинскаго книгу о *реторической силѣ* — никогда не осмѣлился онъ поднять на меня руки своей. Кажется, я вцѣпился бы въ коварныя очи его и вырвалъ бы ихъ, если бы онъ дерзнулъ сдѣлать сію попытку. Прибавишь издобоно, что Денисовъ всячески старался питать во мнѣ ненависть къ роду Нарышкиныхъ, коего онъ былъ заклятой врагъ по связямъ своимъ съ Милославскимъ. Нашалю Кириловну, умную, добродѣтельную, описали мнѣ ненавистною мачихою, чарами и происками изводящею пасынковъ и падчерицъ своихъ, чтобы родному сынку доставить право

на вѣнецъ. Говорили, что Петръ.. по языкъ нѣмѣеть, перо не повинуется, чтобы передашь всѣ гнусныя выдумки, коими ухищрялись сдѣлать изъ меня съ малолѣтства заклятаго врага Царицы и сыну ея. Еще не видавъ ихъ, я иишалъ къ нимъ неодолимую ненависть.

Подчинивъ себѣ всѣхъ мальчишекъ въ деревнѣ, я составилъ изъ нихъ стрѣльцкое войско, роздалъ имъ луки и стрѣлы, изъ овина сдѣлалъ дворець, вырѣзалъ и намалевалъ, съ помощью моего воспитателя, Царицу Наталью Кириловну съ сыномъ на рукахъ, и сдѣлалъ ихъ цѣлью нашихъ воинскихъ подвиговъ. Староста разорилъ-было всѣ наши зашѣи, называя меня беззаконникомъ, висѣльникомъ: я пошелъ съ своею вапагою на старосту, взялъ его въ плѣнъ и казнилъ его сошнею горячихъ ударовъ.

Стрѣльцы мои называли меня своимъ ашаманомъ: это имя льстило мнѣ нѣкоторое время; но узнавъ, что есть имя выше этого, я хотѣлъ быть шѣмъ, чѣмъ

выше не бывающъ на землѣ. Наслышась о золотыхъ главахъ Московскихъ церквей, о блокаменныхъ палахахъ престольнаго города, я шребовалъ, чтобы меня свезли туда; а когда мнѣ въ этомъ опказали, сказалъ: дайше мнѣ выроспи; я заполю Москву и сяду въ ней на большимъ; тогда велю казнишь всѣхъ васъ!... Такъ-то своевольная душа моя съ раннихъ лѣтъ просилась на бѣды!

Только одного человека слушался я и любилъ: это былъ Князь Васплій Васильевичъ Голицынъ, коего имя и донынѣ не могу произносишь безъ благоговѣнія. Въ первые годы моего пребыванія въ Софьинѣ рѣдко навѣщалъ онъ меня; но каждый разъ оставлялъ въ дѣтскомъ сердцѣ рѣзкіе слѣды своего посѣщенія. Онъ ласкалъ меня такими опеческими ласками, такъ искренно училъ меня добру, что я не могъ не почувствовать всей цѣны его любви и наставлений. Одно слово его дѣйствовало на меня сильнѣе многоплодныхъ, вишневатыхъ рѣчей Денисова. Разъ, про-

бывъ нѣсколько дней въ Софѣинѣ, онъ успѣлъ высмотрѣть дикое состояніе, въ коемъ я находился, и ужаснулся его. Съ того времени чаще сталъ навѣщать меня и старался понемногу обрѣзывать побѣги спраспей, готовые заглушить мою душу. Онъ убѣждалъ меня слушаться, уважать, какъ отца, моего воспитателя, который, вѣроятно, желая скрыть настоящую причину худаго воспитанія моего, жаловался, что я выбился изъ рукъ.

Мнѣ минуло десять лѣтъ: черемуха и синель снаряжали тогда весну въ свои цвѣты. Въ одинъ изъ красныхъ дней ея пріѣхала къ намъ гостья молодая, какъ она, привлекательная, какъ Божья радость. Ничего прекраснѣе не видывалъ я ни прежде, ни послѣ, во всю жизнь свою. Когда она вошла неожиданно съ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ въ мою свѣтелку, мнѣ показалось, что вошелъ Херувимъ, скрывшій сіянье своей головы подъ *убрусомъ* и спрятавшій крылья подъ *парчевымъ фереземъ* и *опашнемъ*, чтобы не

ослѣпиль смертнаго своимъ явленіемъ. Кто могъ бы ожидать, чтобъ это была... Царевна Софія, хитрая, властолюбивая?... Нѣтъ, нѣтъ! пускай ни одинъ упрекъ, ни одинъ рокошъ не оправляютъ сладостнаго воспоминанія о первой встрѣчѣ съ нею! Хочу воображать ее въ сіи мгновенія со всею очарованіемъ ея красоты, сбросившей съ себя то, что она имѣла земнаго; пускай хоть теперь воспоминаніе о ней горитъ одною любовію!... О! какимъ перомъ описать впечатлѣніе, на меня произведенное первымъ взоромъ ея, встрѣшившимся съ моимъ? Куда дѣвалась тогда моя самонадѣянность? Я не могъ выдержать сего взора; я пошупилъ глаза въ землю; сердце мое шибко билось въ груди. — »Владиміръ! да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!« сказала она дрожащимъ голосомъ, обняла меня, закрыла концами своего шелковаго покрывала, крѣпко прижала къ своей груди, цѣловала — и горячая слеза капнула на мое лице. Ласки

ея меня ободрили; я самъ сшалъ ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, со всею искренности дѣтской, но пылкой души. Вскорѣ послышался стукъ тяжелой повозки, и Царевна, приказавъ мнѣ не выходить изъ моей свѣщницы, бросилась изъ нея вмѣстѣ съ Княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Я слышалъ, какъ замкнулась за ними дверь; но не ропталъ на свое заключеніе, ибо посаженъ въ нее былъ по волѣ моей новой владычицы. Осторожно взглянувъ изъ окна, увидѣлъ я на дворѣ двѣ раззолоченныя колымаги; понялъ, что пріѣхали гости, копорымъ я не долженъ показываться, сидѣлъ смирно и гошовъ былъ, для спокойствія неизвѣстной, но милой мнѣ особы, припавъ свое дыханіе. Черезъ нѣсколько часовъ колымаги укапили со двора по дорогѣ въ Москву. Андрей Денисовъ освободилъ меня изъ заключенія; но та, копорую полюбилъ я такъ много, не явилась; и долго, очень долго не видалъ я ее; но крайней мѣрѣ, такъ мнѣ показалось!

Въ слѣдъ за симъ посѣщеніемъ я спалъ изрѣдка получаю опть нея письма, исполненныя нѣжной любви ко мнѣ, и подарки, въ коихъ то же ошвѣчивалось чувство. Почеркъ ея руки былъ красивый; оспроуміе, блескъ, нѣжность выраженій вкрадывались въ душу. Иногда приписывала она мнѣ стихи, коихъ красота объяснял мнѣ Денисовъ, знаменитый риторъ своего времени, а болѣе сердце мое. Въ послѣдствіи я самъ получилъ неодолимую охоту слагать стихи. Училищемъ моимъ былъ онъ же. Любовь къ природѣ, живое воображеніе, пылкія страсти, свобода, развернули мои дарованія. Я долженъ прибавить, что переписка съ моею благодѣтельницею сколько усилила мою преданность къ ней, столько и поощрила во мнѣ ненависть къ Нарышкинымъ, виновникамъ всѣхъ горестей и несчастій Софій Алексѣевны — такъ часто выражалась она въ письмахъ своихъ, не давая мнѣ однако-жъ знать, кто она именно, а подписываясь просто: *Боярыня Мирославская.*

Первая за шѣмъ зима увидѣла меня въ домѣ Князя Василья Васильевича, въ Москвѣ. Еще подъѣзжая къ престольному граду, я былъ пораженъ и блескомъ несчетныхъ золотыхъ главъ его, будто повѣшенныхъ на воздухъ, какъ небесныя панцикадилы, и громадою строеній, копторой не видѣлъ конца, и звономъ колоколовъ, показавшимся мнѣ поржеспвеннымъ, духовнымъ пѣньемъ цѣлаго народа. Въ самой Москвѣ раскрылся для меня новый міръ. Святыня въ храмахъ, волненіе на площадяхъ, церковные праздники, вопискіе смошры, великолѣпіе Двора Царскаго: все эшо вдругъ ослѣпило меня и на время смирило мои пагубныя наклонности, невольню покорившілся такому зрѣлищу. Надолго ли? Черезъ нѣсколько времени честолюбіе мое начало разыгрываться въ дѣшскихъ мечтахъ, какъ сердный родникъ, который сначала бѣзеть изъ-подъ земли, бѣжишь потѣмъ ручьемъ, рѣкою, и наконецъ бушуешь моремъ, выливаясь черезъ берега, будто его стѣ-

снѣюще. То хотѣлось мнѣ бытъ предводителемъ совѣща, или войска, по Патриархомъ, по любовахся, какъ отъ одного слова моего кипятъ тысячи, какъ отъ одного слова цѣмѣетъ цѣлый народъ — настоящій конь Троянскій, огромное издѣлье великаго художника и всешаки кусокъ дерева, пока управляющій имъ не ошопретъ ужасныхъ силъ, въ немъ заключающихся! Такое сравненіе дѣлалъ нѣкогда мой воспитатель, и я узналъ вскорѣ вѣрность его. Бывшій предводителемъ крестьянскихъ мальчиковъ въ Софьинѣ набралъ себѣ войско уже изъ дѣтей Боярскихъ и довелъ ихъ до спорогаго себѣ повиновенія — иныхъ изъ любви къ себѣ, другихъ изъ страха къ своей силѣ, за которую прозвали меня Ильєю Муромцемъ. Въ кулачномъ бою я смѣло шелъ одинъ на трехъ, равныхъ мнѣ лѣтѣми; поборошь сильнѣйшаго изъ своихъ товарищей было для меня лучшимъ торжествомъ. Могущество другихъ не изумляло, не пугало меня, но возбуждало во

мнѣ досаду; надъ кѣмъ сила моя не брала, тому старался я искусно подставить ногу и свалилъ его. Не только большіе, сильные люди, даже высокіе дома были мнѣ непріятны; если-бъ я имѣлъ волю, то сломалъ бы ихъ, или поселился бы въ самомъ большомъ.

На новосельѣ моемъ спала посѣщать меня шайкомъ, съ позволенія однако-жъ моего благодѣтеля, женщина среднихъ лѣтъ, пригожая и предобрая. Князь Василій Васильевичъ называлъ ее моею близкою родственницею, моею кормилицею; но заказывалъ мнѣ говорить кому-либо объ ея посѣщеніяхъ. — Гдѣ-жъ моя мать, мой отецъ? спрашивалъ я Князя. — «Они давно померли,» отвѣчалъ онъ. — Какъ ихъ звали? — «Кропошовыми. Только не говори объ этомъ никому, попому что я самъ могу въ этомъ обманываться. Ты еще въ пеленкахъ подкинулъ къ моему дому; а узналъ я о твоёмъ родѣ недавно тайнымъ случаемъ, можетъ спастись, еще несправедливо. Покуда не въ

состояніи буду обнаружитъ достоверно свое происхожденіе, называйся: Владиміръ сирота. Подъ этимъ условіемъ Боярыня Милославская, которую ты сполько любишь, содержишь тебя, воспитываешь и хочешь сдѣлать тебя счастливымъ, опредѣливъ со временемъ ко Двору Царскому.» Если-бъ сіе объявленіе не льстило моему самолюбію, я выполнилъ бы волю своего благодѣтеля; ибо хранишь тайну умѣлъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Ахъ! почему не могъ я назвать тогда своею матерью пригожую женщину, пощавшую меня пайкомъ, въ которой узналъ я со временемъ Кропотову, жену Семена Ивановича? Она кормила меня своею грудью, любила меня, какъ сына и, можешь спастись, была настоящая моя... Нѣтъ, не хочу обманывать себя эпою пріятною мечтою.—Сколькихъ бѣдствій избавился бы я тогда!

При всякомъ посѣщеніи своемъ Кропотова цѣловала меня съ горячностію матери, всегда приносила мнѣ дорогіе

подарки и всегда расставалась со мною, обливая меня горячими слезами. Слезы эшь, не знаю по чему, надрывали мнѣ сердце, впрочемъ не слишкомъ склонное къ нежнымъ ощущеніямъ; послѣ нея мнѣ всегда спановилось грустно, хопя и не надолго. Боярыню Милославскую, или, что одно и то-же, Царевну Софію Алексѣевну, копорую только видѣлъ разъ, любилъ я болѣе ея; но объ Кропотовой болѣе жалѣлъ: она казалась мнѣ шакою несчастною!

Однажды подарила она мнѣ гусли, на копорыхъ приклеена была каршика съ изображеніемъ Ильи Муромца. Какъ дорожилъ я эшимъ даромъ, можно судить пошому, что я не покидалъ его въ самые черные дни своего изгнанничества, во всѣхъ спранствіяхъ своихъ. Все, что ни имѣлъ я лучшаго, гошовъ былъ опдашь поварищу; но съ гуслими ни за что не согласился бы я расшаться.

Кто не поминитъ кончины Царя Оедора Алексѣевича? И старый и малый

оплакивали добраго Гоеударя, котораго любили одни по опытамъ на себѣ его благихъ дѣлъ, а другіе, мало жившіе на свѣшѣ, по сочувствію народному. Еще вѣзанъ у всѣхъ въ памяти и первый бунтъ спрѣлецкій, взволновавшій вопросъ: кому изъ двухъ дѣтей-наслѣдниковъ сидѣть на Престолѣ? — вопросъ, рѣшенный только великимъ духомъ Петра Алексѣевича, когда Онъ угадалъ, что Ему надобно царствовать. Я не зналъ тогда причинъ возмущенія; но радовался, слыша о гибели Нарышкиныхъ и торжествѣ прекрасной и умной Царевны, изъ рода Милославскихъ, къ коему принадлежала моя Софійнская знакомка. — Любли? кричали спрѣльцы, возвращаясь съ кроваваго пира, на коемъ торжесшвовали побѣду своей владычицы. — Любо! ошвѣчалъ я съ воспоргомъ, стоя у ворошѣ нашего дома — и спрѣльцы, радостно предрекая мнѣ великую будущность, брали меня на руки и съ криками поднимали на воздухъ. Въ день вѣнчанія на царство

двухъ братьевъ, Андрей Денисовъ повелъ меня въ Кремль. Споявшій у входа въ оный сопликъ проводилъ насъ къ самымъ дверямъ Успенскаго Собора. Здѣсь мы, въ ожиданіи торжества, какъ бы приросли къ своимъ мѣстамъ. Вдоль дороги, по коей надобно было идти Царямъ, шинулись съ обѣихъ сторонъ, будто по шнуру, ряды стрѣльцовъ съ ихъ блестящими сѣкирами. Двинулось торжественное шествіе. Протопопъ кропилъ путь святою водою; золото парчевыхъ одеждъ начало переливаться; загорѣли, какъ жаръ, богатыя Царскія шапки, и вошь, предъ нами Цари — одинъ*, шестнадцатилѣтній опрокъ, блѣдный, щедушный, съ безжизненнымъ взоромъ, сгорбившійся, едва смѣя дышать подъ тяжестью своей одежды и еще болѣе своего сана; — другой**, десятилѣтнее Дитя, живой, цвѣщущій здоровьемъ, съ величавою осанкою, съ глазами, полными огня, ума и нестерпнiя, взирающій на народъ, какъ будуще

* Іоаннъ. ** Пешръ.

хопѣль сказать: *мой народъ!*... Кажалось, одного гнали за державою, ему насильно вручаемою; — другой, рожденный повелѣвать, шелъ схватить бразды правленія, у него опнимаемыя. Признаюсь, я, бѣдный, ничтожный сирота, воспитываемый благотѣяніями Князя и Боярыни, осмѣлился завидовать державному деспоту!... За Царями шла... кто-жь? Моя тайная благотѣтельница, Боярыня Милославская!... Но здѣсь я узналъ свою ошибку. — Вотъ Царевна Софія Алексѣевна! сказала воспитавель мой, дернувъ меня за одежду, и возгласъ удивленія и радости, готовый вылетѣть изъ устъ моихъ, замеръ въ груди. Очами изумленія, любви, благодарности, смотрѣлъ я на Царевну. Она то ласково клаялась спрѣльцамъ, то легкимъ наклоненіемъ головы давала знать Боярамъ, чшобы ускорили шествіе; то смотрѣла съ какою-то непріязненною усмѣшкою и будто бы съ зависнію на Царевича Петра; но когда поравнялась со мною, удостоила

меня и восплашателя моего особеннымъ поклономъ, такъ что всю милость этого поклона присвоилъ я одному себѣ безъ раздѣла.

— Владиміръ! сказалъ мнѣ Денисовъ, когда мы съ поржества возвращались домой: я нарочно водилъ тебя сморѣть на вѣчаніе Царей, чтобы ты узналъ, кто твоя благодѣтельница. Вѣдай, Господу угодно взыскалъ тебя новыми милостями: на дняхъ вступишь ты въ служеніе къ Царевнѣ; тебя ожидаютъ высшія степени, богатство, слава. Не спрашивай ни меня, ни другаго кого, за что Царевна тебя любитъ; можешь спасться, обѣшь, давній твоей матери. . . можешь быть, другое что-либо. . . этого я самъ ничего не знаю — довольно, что она любитъ тебя, бѣднаго, безроднаго сироту. . . Такъ угодно Богу; видно, ты родился въ сорочкѣ! хоть что можно мнѣ сказать на вопросы о твоей таланливой судьбѣ. Помни: твое благополучіе зависишь отъ твоей скромности и вѣрности дому Мило-

славскихъ, изъ коего происходишь Царевна. На вершинѣ не забудь и своего воспитателя, столько для тебя попрудившагося, и который, можешь быть, близокъ къ тебѣ болѣе, нежели ты думаешь. . .

Въ воспомогѣ ошъ милостей прекрасной Царевны голова у меня кружилась: я все общалъ. О своемъ же происхожденіи не только не хотѣлъ, я боялся даже знать болѣе того, что слышалъ ошъ самаго Князя. Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней Князь Василій Васильевичъ повезъ меня въ Коломенское, куда отправилсь Царевичи шѣщиться соколиною охотой, а Царевны наслаждались прогулками по садамъ, изстари славившимся. Я былъ предупрежденъ, чтобы миѣ при видѣ Царевны Софіи Алексѣевны показывать, будто вовсе не знаю ея. Съ нами повезли мои маленькія гусли, на которыхъ я уже довольно искусно игралъ. Когда мы вступили въ Коломенскій дворецъ и пока докладывалъ объ насъ спольникъ Царц-

цына чина, мы слышали изъ одного шерема пріятное пѣнье женскихъ голосовъ. Вскорѣ голоса умолкли, и я позванъ былъ одинъ въ эшотъ самый перемъ. Не смотря на мое удалство, сердце у меня запрепешало. Спольникъ несъ впереди меня гусли мои, потомъ сдалъ ихъ и меня Царевниной постельницѣ Ѳедоръ Семеновой, по прозванію Казачкѣ, которая, приласкавъ и ободривъ меня по своему, опела во внутренніе покои. Въ одномъ изъ нихъ, опличавшемся отъ другихъ величиною и убранствомъ, сидѣла Царевна Софья Алексѣевна, окруженная сестрами своими, молодою, пригожею Царицею Марею Машвѣвной, узнавшею споль рано печаль вдовства*, и многими знашными дѣвицами, пріѣхавшими дѣлать съ подругами своими радости сельской, свободной жизни. Какъ теперъ вижу, Софья

* Дочь Машвѣя Васильевича Апраксина, сочепавшаяся 15 Февраля 1682 года съ Царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ, по прозванію *Чухлымъ*, и овдовѣвшая 20-ти лѣтъ 27 Апрѣля шого-жъ года.

Алексѣевна сидѣла на спулѣ съ высокою, узорочною спинкой, Нѣмецкаго мастерства, и держала въ рукѣ просточку, написанную золотомъ, у коей рукояпка была изъ краснаго сердолика, украшеннаго дорогими каменьями. Прочія собесѣдницы всѣ сидѣли на скамьяхъ и занимались плещеньемъ кружева для полощенцевъ. Я опличилъ пошчасъ свою благодѣтельница, какъ различають первую звезду вечернюю отъ прочихъ звездъ. И здѣсь посреди красавиць Московскихъ, она была всѣхъ ихъ прекраснѣй, хотя ей было уже двадцать пять лѣтъ. Я помолился сначала святымъ Иконамъ, сдѣлалъ попомъ ей низкій поклонъ, и наконецъ раскланялся на всѣ стороны. Софья Алексѣевна подозвала меня къ себѣ, дала мнѣ поцѣловать свою ручку и сама поцѣловала меня въ лобъ; всѣ осыпали меня ласками, называя пригожимъ мальчикомъ. Но всѣхъ болѣе, послѣ моей благодѣтельница, ласкала тогда и въ послѣдствіи всегда оказывала мнѣ искреннюю привязан-

нось Царица Марѳа Матвѣевна. Память объ ея милостяхъ разцвѣчала черныя дни моей жизни; неоцѣненное благодареніе, ею мнѣ однажды оказанное и кошораго не смѣю объяснить, усладитъ мой смертный часъ ! . . .

На вопросы, дѣланные мнѣ съ разныхъ сторонъ, отвѣчалъ я смѣло, спараясь всѣмъ угодить. Меня просили сыграть что-нибудь на гусяхъ. Раскрыли ихъ, и собесѣдницы, съ позволенія Софьи Алексѣевны, присыпали сморѣшь карпинку, изображающую богатыря Илью Муромца, ѣдущаго на репивомъ конѣ сражашся пропивъ Соловья разбойника, усѣвшагося на семи дубахъ. Эшо была одна изъ первыхъ карпинъ Русскаго издѣлья. Многіе смѣялись опъ всего сердца, особенно дѣвица Праскевія Ѳедоровна Салпыкова*, живая, веселая, говорившая, что она на свашкахъ видѣла въ зеркалѣ жениха своего, будшо похожаго на урода, сидящаго

* 9 Января 1684 года выдана за-мужъ за Царевича Іоанна Алексѣевича.

на деревьяхъ. Хорошенькая, но не привлекательная ни лицомъ, ни разговорами, дѣвица Евдеея Ѳедоровна Лопухина*, взглянувъ изъ-за другихъ на картинку, плюнула и съ неудовольствіемъ отворочилась, сказавъ, что грѣхъ смотрѣть на такое дѣвольское искушеніе. — Я игралъ на гусяхъ по заунывныя, по веселыя пѣсни, и видѣлъ съ поржествомъ, какъ слезы лились по щекамъ красавиць, какъ радость, слезая со струнъ, потчасъ стирала этъ слезы.

Когда Софья Алексѣевна объявила желаніе свое взять меня къ себѣ въ *нажи*, и когда, на вопросы Боярынь, объяснила имъ, что такое *нажѣ*, всѣ упрасивали ее исполнить это поскорѣе и не оставить своею милостью пригожаго, разумнаго сироту (такъ угодно было имъ называть меня). Съ этого часа моя судьба рѣшена: Князю Василью Васильевичу объявлено о волѣ Царевны — и черезъ нѣсколько дней я съ своими гусями и мечтами често-

* Въ послѣдствіи нелюбимая супруга Петра I.

любія водворился въ Царскихъ палапахъ. Не стану распространяться о милостяхъ ко мнѣ Царевны Софіи: кому изъ Московскихъ жителей онѣ не извѣсны? Скажу только, что онѣ росли вмѣстѣ съ возвышеніемъ ея власти. Я сдѣлался бальовнемъ ея и всѣхъ придворныхъ женщинъ. Ошъ природы щеславный, непокорный, я возмечталъ о себѣ столько, что не спалъ ни во что считать Царицу Нашалю Кириловну, а съ сыномъ ея, бывшимъ мнѣ почти ровесникомъ, искалъ всегда причинъ къ неудовольствию. Дитя рано обнаружило въ себѣ Царя; во всѣхъ случаяхъ Петръ Алексѣевичъ давалъ мнѣ чувствовать свое превосходство, въ самыхъ играхъ напоминалъ мнѣ долгъ подданнаго. Это бѣсило меня.

Послѣ втораго Стрѣлецкаго бунта Нашаля Кириловна, видя, что честолубивая падчерица каждый годъ очищаетъ себѣ новую ступень къ престолу, искала съ своими совѣтниками предлога открытъ

ей войну за права, похищаемыя у Петра, копорый еще только учился защищать ихъ. Бездѣлица бываетъ обыкновенно придиркою къ ссорѣ людей сильныхъ и знашныхъ, какъ для начинаія боя, гдѣ должны спѣна на спѣну сразиться славныя бойцы цѣлаго города, высылающъ всегда мальчиковъ. Такъ сдѣлали и въ помъ случаѣ, о коемъ говорю. »Имя пажа, данное подкидышу« — говорила Нашалья Кириловна — »естъ приспунъ къ соспавленію новаго Двора новой Царицы; это явное оскорбленіе Русскихъ обычаевъ и законности. Скоро у ней появяшся неслыханныя должности, замѣщаемыя ея приверженцами, и намъ съ сыномъ между ними и мѣста не будетъ.« Софія Алексѣевна, всегда умная и на сей разъ ошпорожная, пришворилась слишкомъ слабою, или въ самомъ дѣлѣ не чувствовала еще въ себѣ довольно силы явно идши на встрѣчу сдѣланному ей обвиненію: она старалась опыграться ошъ него переименованіемъ меня въ Новика —

званіе, которое дѣти Боярскіе переспа-
вали уже носить, вступаая въ службу.
Въ послѣдствіи честолюбіе Софін Алек-
сѣевны утвердило за мною придачу По-
слѣдняго, доставившую мнѣ слишкомъ па-
губную извѣстность.

Съ 1683 года запрещено было посѣ-
щать меня пригожей женщиной, извѣстной
мнѣ подъ именемъ Кропосовой. Князь
Василій Васильевичъ, Оберегашель Цар-
спвенной большой печати и государ-
спвенныхъ посольскихъ дѣлъ, ближній
Бояринъ и Намѣстникъ Новгородскій, не-
ся на себѣ все бремя правленія государ-
спвомъ, былъ столько занятъ, что не
могъ посвящать мнѣ много времени; и
потому вся моя любовь сосредоточива-
лась въ Царевнѣ Софін Алексѣевнѣ, ко-
торая, съ своей стороны, старалась
плащать мнѣ милостями, какія можно
только сыну оказывать. Ахъ! за чѣмъ
такъ поздно узналъ я, безразсудный, что
чувства ея ко мнѣ, вмѣстѣ съ пошвор-

нымъ воспитаніемъ Денисова, готовили изъ меня орудіе ихъ спрасей?

Мнѣ минуло 16 лѣтъ. Предметъ зависти Боярскихъ дѣшей, окруженный довольствомъ и пѣгою, утѣшая Царевну и придворныхъ ея игрою на гусяхъ и пѣньемъ, не рѣдко, среди дѣтскихъ игръ, кохищая пыль первой спраси съ устѣ прекрасныхъ женщинъ, которыя обращались тѣмъ свободнѣе со мною, что не опасались ни лѣтъ моихъ, ни ревниваго надзора родствениковъ, недержавшаго слѣдовать за ними ко двору властолюбивой Правительницы; вознагражденный тайною любви одной прелестной, умной, чувствительной женщины, которой имя знаешь и будешь знать только Богъ — на такомъ пиру жизни я не могъ желать ничего, кромѣ продолженія его. Но безпокойная душа моя просила бѣды, и бѣды не заставили себя долго ждать.

Мы проводили лѣто въ Коломенскомъ. — Петръ Алексѣевичъ съ своими *потѣшными* осаждалъ крѣпостцу, построенную

имъ изъ земли на высокомъ берегу Москвы-рѣки, при загибѣ ея. Однажды, восхищенный успѣхами своего войска, онъ пришелъ къ Царевнѣ Софіи, рассказывалъ о подвигахъ своихъ, шумилъ надъ женскимъ правленіемъ; говорилъ, что для рукъ, привыкшихъ владѣть иглою и вершеномъ, шажела держава, съ кою надобно соединять и мечъ; грозился нѣкогда своими новобранными наказатъ враговъ опечесства, и наконецъ, увидѣвъ меня, приглашалъ вступишь къ себѣ въ службу. Каждое слово его было ударомъ ножа въ грудь Софіи Алексѣевны; я видѣлъ, какъ глаза ея разгорались, какъ грудь ея волновалась отъ досады. Съ быспрошою молніи кровь и у меня начала перебѣгать по всему составу, и я ждалъ только знака моей благодѣтельницы, чтобы бросишься на ея брата. Съ нами въ компаншъ была Царица Марѳа Машвѣевна. — «Полно бышь дѣвичьимъ прихвостникомъ!» продолжалъ Петръ, положивъ руку на мое плечо. «Ты здѣсь Послѣдній Новикъ;

у меня можешь быть первым пошешником.» — «Пускай пошешают тебя Нѣмцы!» отвѣчалъ я угрюмо, сбросивъ съ плеча своего руку Петра: «я Русской, лучше хочу быть послѣднимъ слугою у законной Царевны, чѣмъ первымъ Бояриномъ у хищника Русскаго престола.» Царь-опрокъ вспыхнулъ, и сильная оплеуха раздалась по моей щекѣ. Не помня себя, я замахнулся также, чтобы его ударить; но почувствовалъ, что меня держали за руки и что нѣжныя руки женскія обхватили спянь мой, слясь увлечь меня далѣе отъ Петра, все еще стоявшаго на одномъ мѣстѣ съ видомъ гордымъ и грознымъ. Софія Алексѣевна приказывала мнѣ удалиться немедленно. Марѳа Машвѣвна, не выпуская меня изъ своихъ объятій, со слезами на глазахъ умоляла не губить себя. На крикъ ихъ приближались *комнатные* люди, и меня вывели изъ перема, но не прежде, какъ я послалъ въ сердце своего обидчика роковую кляпву опмсшить ему. Это проис-

шествіе имѣло послѣдствіемъ изгнаніе меня въ Софьино, гдѣ я опяшь глазъ на глазъ съ моимъ развращителемъ Денисовымъ. На эпошь разъ я предался ему совершенно: я упивался его бесѣдами; ибо, кромѣ ненависти къ Петру, ничего въ нихъ не слыхалъ; я далъ олицетворенному сапанѣ кровавую записку на свою душу.

Были кончены походы Крымскіе, запѣянные (такъ объяснилось мнѣ послѣ) Царевною Софією, чптобы ознаменовашъ свое правленіе военными подвигами и опвестъ благодарнаго Князя Василія Васильевича опъ присмотра за ея умыслами на жизнь Петра. Извѣсны послѣдствія сей войны: бесполезная прапа людей и денегъ, слезы тысячей, безчестье войска, небывалыя награжденія военачальниковъ и неудовольствія сильныхъ единомышленниковъ младшаго Царя. Одиъ побѣды нынѣшнія могли прикрыть своимъ блескомъ постыдныя имена *Перекопа, Черной и Зеленой долинъ*. Въ оба сіи похода я былъ прц Князь Василіъ; возвра-

шаясь изъ нихъ, жилъ опять въ Софѣинѣ. У всѣхъ современниковъ моихъ еще на памяти государственные перевороты, следовавшіе одинъ за другимъ въ послѣдніе годы правленія Софїи такъ быстро, что не позволяли ей установить свои коварные замыслы, а Петру болѣе и болѣе расширяли кругъ его державныхъ дѣйствій. Съ досадою видѣла Правительница, что всѣ ея начинанія обгоняли сила душевная юнаго Царя и возраспавшая къ нему любовь народная, или лучше сказать, воля Провидѣнія. Униженная всенародно въ церковномъ ходѣ 8 Юня 1689 года, Царевна поспѣшила рѣшительно грянуть въ своего брата и соперника прешимъ Спрѣлецкимъ бунтомъ, гдѣ въ залогъ успѣха была положена ея собственная голова. Я ничего не зналъ объ ея новыхъ козняхъ. 18 Августа, съ разсвѣтомъ дня, получаю опъ нея записку, въ коей приказывали мнѣ немедленно явиться въ Москву. »Жизнь моя въ опасности« прибавляла она между прочимъ. —

Не думаю долго; пожь за полясь, слово Децисову о причинѣ моего опъзда; опъ него слово, что часъ месни наспаль, и совѣшь, какъ дѣйствовашь, чшобы уни-
чпожить врага Софѣи и моего; беру ло-
шадь; скачу безъ памяти Въ шѣсцинѣ
*Волчьихъ воротѣ**, поперегъ дороги, ле-
жишь сосна, взѣрошившая свои мохна-
ные сучья и образовавшая изъ нихъ гу-
стой часпоколь. Ищу въ лѣсу мѣста,
гдѣ бы мнѣ перебраться на дорогу, какъ
вдругъ изъ-за кустовъ прямо на меня нѣ-
сколько молодцовъ съ дубинами и попо-
рами; одни повисли на успцахъ моей ло-
шадѣ, другіе меня обезоружили. Но сколь
внезапно папали они на меня, споль же
скоро опъ меня опступили. »Последній
Новикъ! Последній Новикъ!« закричало
нѣсколько голосовъ. »Спупай своей до-
рогой! мы хлѣбъ-соль Царевны Софѣи

* Такъ называется и донинѣ мѣсто въ лѣсу, по Коломенской дорогѣ, за 25 версты опъ Москвы. За нѣсколько еще десяшковъ лѣшь оно было заставою разбойниковъ.

Алексѣевны помнимъ; знаемъ, что она тебя жалуешь, и не хотимъ ни твоего добра, ни головы твоей. Поспѣшай: намъ и вамъ въ Москвѣ худо; Нѣмцы берутъ верхъ; Царевнѣ не одобровать!« Не слышу ничего болѣе; скачу опять безъ ума; во всю дорогу видѣнія разгоряченнаго возмущенія меня преслѣдуютъ. Вижу: народъ зыблется въ Кремль; слышу, кричатъ: подавайте Царевну!... Вотъ палачъ, намочивъ ея длинныя волосы на свою поганую руку, волочитъ Царевну по ступенямъ *Краснаго крыльца*, черпая ею по праху широкой слѣдъ... гошова плаха... шопоръ занесенъ... брызжетъ кровь... голова прекраснѣйшей изъ женщинъ выставлена на позоръ черни... кричатъ: любо! любо!... Кровь стынешь въ жилахъ моихъ; сердце замираешь; въ ушахъ раздается знакомый голосъ: опмсти, опмсти за меня!... Смотрю впередъ; вижу сіяющую главу Ивана Великаго, и прилѣпясь къ пей, сыплю удары на бѣдное живошное,

кошорое мчишь меня, какъ въперъ. Вопшь я и въ городѣ! Концы Москвы пусты; Москва вся на площадяхъ и въ Кремлѣ. Видѣнія мои сбываются: народъ волнуешся, шумишь, полкуешъ объ опкрышнн заговора, о бѣгспвѣ Царя Петра Алексѣевича съ матерью и молодою супругою въ Троицкій монастырь; войско подъ предводнтельствомъ ЛеФорта и Гордона собирается въ походъ; сзываютъ вѣрныхъ Петру къ защитѣ его; проклинаятъ Шакловишаго; раздаются угрозы Софнн. Лечу во Дворецъ, прямо въ комнашы Царевннны. Толпа служншелей вспрѣчаешъ меня слезами, похоронными возгласами, рыданіями. Не помню ногъ подъ собою; хочу и боюсь спросишь, что дѣлается съ моею благодѣтельницею; наконецъ осмѣливаюсь — и мнѣ опвѣчаютъ только, что она въ крайней опасности. Услышавъ изъ ближней комнашы мой голосъ, она опворяешъ дверь и кличешъ меня къ себѣ. Вхожу. Она одна. Лице ея помершвѣло; на немъ ясно опражается

послѣдняя борьба душевнаго величія съ опчаящемъ; голосъ, привыкшій повелѣвать, дрожитъ; честолюбивая Царица — только несчастная женщина. »Другъ мой!« сказала она, обнявъ меня и обливая слезами: »Петръ Алексѣевичъ ищетъ моей конечной гибели. Распустивъ слухъ въ народъ, будто я готовила заговоръ, коимъ хочу испребить меньшаго брата, мать его и всѣхъ его приближенныхъ, онъ скрылся въ Троицкой монастырь. Враги мои подкупаютъ народъ, стрѣльцовъ; всѣ покидаютъ меня, всѣ винятъ несчастную въ злодѣяніи, котораго и на умѣ не имѣла, но къ которому вынудить меня защита собственнoй жизни. Меня ожидаютъ монастырь или плаха. Скажи, что дѣлать мнѣ?« Изступленный, я предлагаю ей свою руку, своихъ пріятелей, рѣшаюсь отправиться съ ними къ Троицѣ, пока войска туда еще не пришли, даю клятву проникнуть въ обитель, до Петра. Софья благословляетъ меня на сіе злодѣяніе, снабжаетъ

меня золотомъ, драгоценными вещами, письмомъ, совѣшамн — и я, съ десяпью, повидимому, преданными мнѣ спрѣльцами, въ слѣдующую ночь у спѣнь монастыря. Только черезъ сунки золото отворяешъ намъ входъ въ него сквозъ прещину *Каличьей* башни: деньги и драгоценности, данныя мнѣ Софьею, оставлены у пріятеля Денисова, жившаго въ посадѣ Троицкомъ. Изъ десяти товарищей остаешся у меня половина; прочіе упились виномъ, или разбѣжались, услыша, что войско на дорогѣ пзъ Москвы. Въ оставшихся товарищахъ вижу перъшинельность; они однако-жъ слѣдуютъ за мной. Позади церкви Смоленской Божіей Матери скриваемся въ вешхой, необитаемой кельѣ *монаха оружейнаго*. Отсюда видно всѣхъ, кто ни выходитъ изъ *Государевой палаты*; отсюда сторожимъ свою жершву. Петру съ своею матерью идши на ушрениую молишву въ одну изъ церквей монастырскихъ (молодая супруга его нездорова); въ храмъ Божьемъ должнѣ

совершишься злодѣяніе. Время дорого; разсуждай и опкладывай некогда. Мнѣ, какъ любимцу Софїи, предоставлена честь быть мстителемъ ея и убійцею Петра. Ласпочка востепенулась и щебечешь на гнѣздѣ, прилепленномъ къ окну, у котораго стоимъ; заря занимается. Взоры мои сквозь рѣшетку окна устремлены на *Государеву палату*, ищущъ адской цѣли и встрѣчаютъ однѣ святыя изображенія. Вожія Мать улыбається улыбкою неба, смотря на Предвѣчнаго младенца; Іисусъ на вечери учить Апостоловъ своихъ любви къ ближнему и миру; далѣе несетъ Онъ съ покорностью крестъ свой; Ангелы радостно порхаютъ около престола своего Творца... и все кругомъ меня говоритъ о добрѣ, о невинности, о небѣ, и все тихо святою тишиной. А я, несчастный, къ чему говорюсь? Въ жилахъ моихъ клокочетъ смола ада, въ груди возяся діаволы, скребя ее когтями своими. Отверажаю взоры ошь святыхъ предметовъ, и предо мною

гробница Годунова; на ней споишь младенецъ съ перерѣзаннымъ горломъ, съ кровавыми спруями по бѣлой одеждѣ, и грозишь мнѣ. Совѣсть! ты это была; ты предспала мнѣ въ видѣ свяаго мученика, и встревожила все мое существо. Еще руки мои чисты; еще не вступаю я въ права Творца своего! Есть время одуматься. . . Въ колоколь ударили къ заупрени. Я вспрепенулся. »Идушь!« сказаъ одинъ изъ моихъ товарищей. Смотрю: Царица Напалья Кириловна, опираясь одною рукою на посошокъ, другою крестясь, пробирается по пропѣ между гробницами; за ней — Пепръ Алексѣевичъ, опряхивая черныя кудри свои, какъ будто опрясая съ себя почую лѣнь. Съ другой стороны покашливая бредешъ старикъ, монахъ. Сердце у меня хочешъ выскочишь изъ груди. Забыто все; вижу только своего врага; помню только кляшву, данную Софiи. — »Не здѣсь ли?« говорю своимъ товарищамъ. — »Видишь, сколько мелкихъ камней на кладбищѣ!«

опивчаешь одинъ: »естъ чѣмъ оборо-
нишься, да и монахи бѣгутъ... лучше
въ церкви.«—»Не опложилъ ли совсѣмъ?«
прибавляешь другой. Прочіе молчатъ; я
молчу и гляжу, какъ монахъ, дрожащій
отъ старости, большимъ ключемъ си-
лился отворить дверь въ Троицкій со-
боръ, какъ неперилчивый Пётръ выры-
ваешь у него ключъ, и желѣзныя, огром-
ныя двери съ шумомъ распахиваются.
Выбѣгаю спремглавъ изъ кельи, проле-
таю дворъ и — въ церкви. Святыня вмѣ-
стѣ съ холоднымъ, сырымъ воздухомъ,
вѣявшимъ отъ стѣнъ, обхватила меня;
темный ликъ Спасителя грозно на меня
смотрѣлъ; толпа праведниковъ двигалась,
росла и меня обступила. Невольно содро-
гнулся я и остановился посреди церкви.
Оглядываюсь: при товарища, слѣдовавшіе
за мной, спояли у входа въ нее, не смѣя
взойти. Въ это время Царица Наталья
Кириловна и сынъ ея молились на колѣ-
нахъ предъ Царскими дверьми. Вѣроятно,
услышавъ за собою необыкновенно смѣлую

поспунъ, она оглянулась, вскрикнула: Спрѣльцы! злодѣи! съ ужасомъ ухватила Петра за руку и прямо опрометью бросилась съ нимъ черезъ Царскія двери въ алтарь. Я за ними, черезъ порогъ Свяшная Свяныхъ, съ ножомъ въ рукѣ. Пресполь насъ разделяетъ. Пепрь останавливается; по грозно смотришь на меня, по ищешь, чѣмъ оборониться. Машь сплихся загородишь его собою, указываетъ мнѣ на Распятіе, на образъ Сергія Чудотворца, умоляетъ меня именемъ Бога и Свяныхъ пощадишь ея сына и лучше убишь ея, если нужна кровь Нарышкннхъ... Я вполонину побѣжденъ; но дѣлаю надъ собою усиліе, преспѣдую Петра, настигаю... уже запошу ножъ... Раздается крикъ матери, ужасный крикъ, разодравшій мнѣ душу, поворошившій мнѣ всю внутренность, крикъ, опзывающейся и теперь въ груди моей... движеніемъ, которое я сдѣлалъ, чшобы поймать свою добычу, падаешь съ жертвенника Распятіе... Одинъ изъ моихъ товарищей грозно взываетъ

ко мнѣ: *»постой, не здѣсь, не у престола; въ другомъ мѣстѣ онъ не уйдетъ отъ насъ!«* — Бьютъ въ набашь — и все въ одно мгновенье!.. Я упалъ духомъ; рука, неискусившаяся въ дѣлахъ крови, осталась въ нерѣшимости дѣйствовать. Этого мигъ спасъ Петра и Россію!.. Слышу, нѣсколько монаховъ хватаютъ меня сзади за руки и вырываютъ ножъ. Связанный, я брошенъ въ какой-то погребъ. Сколько времени я пробылъ въ немъ, не знаю: перемены дня тамъ не означались; помню только ночь длинную, какъ вѣчность, жажду, голодъ, постель въ лужѣ, ледяное прикосновеніе гадовъ, ползавшихъ по мнѣ, и муки душевныя, послѣдствія злодѣянія бесполезнаго!

Наконецъ я услышалъ глухой стукъ въ стѣнѣ. Была-ли то вѣсть казни, или спасенія? сердце мое замерло при мысли сей. Нѣсколько камней упало близь меня, и въ слѣдъ за тѣмъ что-то тяжелое впащили, развязали и бросили на землю. Это брошенное захрапѣло ужасно. Го-

лось произнесъ тихо, но твердо: —
»Гдѣ ты, Последний Новикъ? Именемъ
Царевны Софїи Алексѣевны дай мнѣ ру-
ку.« — »Вошь она!« сказалъ я, оцупавъ
незнакомца, на голосъ кошораго я по-
шелъ. — »Теперь раздѣнься и брось здѣсь
свой кафшанъ« продолжалъ онъ. Мнѣ при-
шло на мысль, что для спасенія моего
хотяшъ замѣнишь меня другимъ, что
эпошъ другой вмѣсто меня долженъ по-
ложитъ свою голову на плаху, и я сна-
чала поколебался-было исполнитъ волю
незнакомца; но любовь къ жизни превоз-
могла — я предался своему избавителю.
Мы продрались черезъ лазейку, довольно
высоко въ стѣнѣ сдѣланную, нашли за
стѣной другаго человѣка, насъ ожидав-
шаго, заклали искусно опверстіе камень-
ями, поползли на чепверенькахъ по ка-
кимъ-то темнымъ извилинамъ, очутились
въ башнѣ; съ помощью веревочной лѣст-
ницы, шупъ приготовленной, взлезли на
высоту, въ узкое окно, опшуда на кры-
шу, карабкались по ней, подражая между

пѣмъ мяуканью кошекъ, и попомъ вирыгнули въ слуховое окно. Темная ночь, не позволявшая различать предметы, способствовала нашему спранствію. Не скажу, гдѣ и у кого я очутился: тайна эта умреть со мною. Нѣсколько недель жилъ я подъ поломъ, слышалъ опшуда барабанный бой пришедшаго къ монастырю войска, вопли, испоргаемые пышкою на монастырскомъ дворѣ, радостныя восклицанія народа; слышалъ рассказы, какъ, при соединеніи преспушниковъ изъ монастыря и изъ Москвы, поднялась такая пыль, что одному другому за два шага не лзя было видѣть; какъ Шакловиный, сняшый съ дыбы, просилъ ѣсть, и наконецъ, какъ совершилась казнь надъ злодѣями, кому отрубили голову или вырѣзали языкъ, кого били кнупомъ, сослали въ вѣчное започеніе. Въ числѣ послѣднихъ былъ Князь Василій Васильевичъ, виновный въ шомъ, что съ обстоятельспвами не измѣнилъ своей преданности къ Царевнѣ и благо-

дѣшельницѣ своей; въ числѣ первыхъ былъ — Послѣдній Новикъ. Можно судить, что я чувствовалъ при такихъ разсказахъ.

Когда я хотѣлъ узнать, какимъ образомъ могли замѣнить меня другимъ въ шюрмѣ и на плахѣ, избавитель мой объяснилъ мнѣ, что мой двойникъ былъ одинъ изъ моихъ товарищей, прискакавшихъ со мною къ Троицѣ для убіенія Царя, что Андрей Денисовъ, прѣхавшій въ слѣдъ за мною по приказанію Софій Алексеевны, нашелъ его у постоялаго двора въ такой мерзвой опьянѣлости, что, если бы вороны глаза у него клевали, онъ не чувствовалъ бы ничего. Состояніемъ симъ воспользовались, положили его въ мѣшокъ и притащили въ мое заключеніе. Монахи, пришедшіе взять меня опшуда, хотя потчасъ догадались о подмѣнѣ заключеннаго, но видя, что входъ въ шюрму былъ въ прежнемъ крѣпкомъ состояніи, приписывая сей случай чуду, или напущенію

діавола, и болѣе всего боясь открытіемъ подмѣна заслужишь казнь, мнѣ приготовленную, сдали моего двойника подъ моимъ именемъ солдатамъ, а эпи палачу. Къ обману сему способствовала много густая пыль, о коей я говорилъ, и приказъ Царскій казнишь меня безъ допросовъ. Исполнители казни работали живо — прибавлялъ мой избавитель: имъ все равно было, чья голова или чей языкъ лешѣли подъ ихъ рукою, лишь бы счетъ головамъ и языкамъ былъ вѣренъ. Не мудрено также, что палача задарилъ Денисовъ.

Я не могъ бытъ выпущенъ изъ монастыря тѣмъ пушемъ, которымъ въ него вошелъ, ибо у всѣхъ башенъ спояла уже крѣпкая стража. Надобно было дождаться выѣзда Царя съ его семействомъ изъ обители. Я дождался сего выѣзда; буря миновалась; — днемъ, во время обѣдни, выпустили меня изъ моей засады и вороть монастырскихъ. Узнать меня

не лзя было въ рубищахъ, съ искривленною на одну сторону шею, со спущенными на лицо волосами: я проскользнулъ въ шолпѣ убогихъ, копорыхъ мой избавитель собралъ для раздачи имъ милоспыни. Въ ближней деревушкѣ нашелъ я Андрея Денисова, имѣвшаго въ гоповности двухъ бойкихъ лошадей — и... съ этого времени я изгнанникъ изъ родины!»

На этомъ мѣстѣ остановился чтець, какъ для того, чтобы отдохнуть, такъ и дать своимъ поварищамъ сообразить разсказъ Новика съ слухами о происшествіяхъ тогдашняго времени. Исполнивъ то и другое, принялись снова за чтение.

Глава шестая

Продолженіе повѣсти.

*То пѣснь про родину мою:
Я день и ночь ее пою.*

Баронъ Розень.

»Пусть запрешашъ вамъ въѣзжать въ какой-либо городъ, и это запрещеніе покажется вамъ мучительнымъ наказаніемъ: что-жъ долженъ чувствовать пошъ, для кого навсегда заперта дорога въ опеченство? Изгнанникъ, подобный мнѣ, можешъ только понять мои чувства. Теперь только узналъ я цѣну того, чѣмъ обладалъ и что потерялъ безвозвратно. Сія ужасная извѣстность переѣнила мой нравъ. Куда дѣвались мечты честолюбія?

О Боже мой! говорилъ я, обливаясь слезами: сдѣлай меня самымъ бѣднымъ, ничтожнымъ изъ смертныхъ, хоть послѣднимъ крестьяниномъ села Софьино, и за это униженіе отдай мнѣ ее, отдай мнѣ родину. Тринадцать лѣтъ, каждый день съ усиливающеюся по ней тоскою, пворю сію молитву, и донинѣ по прежнему странникомъ на чужбинѣ.

Мы ѣхали все на Сѣверь. Дорогою по временамъ обгоняли толпы раскольниковъ, пробиравшихся по тому же направленію. При видѣ моего спутника они останавливались, испрашивали его совѣтовъ, помощи, и никогда не оставались безъ того и другаго. Андрей зналъ хорошо и пути къ человѣческому сердцу и мастерски умѣлъ пользоваться его слабостями; отъ природы и ученія краснорѣчивый, онъ былъ богатъ убѣжденіями духовными; также и въ вещественныхъ пособіяхъ не нуждался, ибо всѣ драгоценности и деньги, данныя мнѣ Софьею Алексѣевною, получилъ онъ обратно, по

назначенію моему, ошъ того челоуѣка, кому я ихъ ввѣрилъ, да и самъ товарищъ мой напутствованъ былъ такими же щедрыми дарами Царевны. Дорбогой имѣлъ я случай вывѣдать, что переселеніе на Сѣверъ нѣсколькихъ сошъ семействъ Русскихъ дѣлалось въ слѣдствіе видовъ Денисова, давно обдуманыхъ и искусно расположенныхъ, и имѣло цѣлью со временемъ противупоставить на всѣхъ концахъ Россіи враждующую силу Царю, изъ рода Нарышкиныхъ. Сею силою, неколебимою своимъ невѣжествомъ, руководствовала перѣдко Софья въ свою пользу; не не приобрьши для себя ничего, удовлетворила только жадному властолюбію своего клеветы. Въ послѣдствіи узналъ я, что главнымъ условіемъ ея богатыхъ милостей какъ ему, такъ и основаннымъ имъ Поморскимъ скишамъ, коихъ ошъ сдѣлался патриархомъ, была передача мнѣ въ наслѣдство сего чиновничества. Разрывъ его со мною долженъ былъ увлечь за собой и разрывъ съ нимъ

Софіи: шѣмъ важнѣе было для него поперять меня.

По прибытіи нашемъ за Онегу, возникли мало помалу Русскія селенія изъ болошь и лѣсовъ; жизнь общественная заговорила въ пустыняхъ. Меня ничто не занимало, даже и сулимое мнѣ владычество. Я не могъ выдержатъ болѣе года въ Выговскомъ скипѣ. Проклиная виновниковъ своего несчастія, для коего они меня съ младенчества воспитали, съ поскою, которую не въ силахъ былъ вырвать изъ сердца, какъ будто стрѣлу, въ него вонзенную и въ немъ переломленную, я бѣжалъ... назадъ идти не могъ... я бѣжалъ въ Швецію. Ничего не взялъ я съ собою, кромѣ гуслей, неоцѣненного дара доброй Кроношовой, освященного чистую, безкорыстною любовью ко мнѣ (онѣ доставлены мнѣ въ скипѣ черезъ одного раскольника, совершенно преданнаго Софіи Алексѣевнѣ).

Переходя изъ страны въ страну, убѣгая опъ родины и находя ее вездѣ въ

своемъ сердцѣ, я провелъ нѣсколько лѣтъ въ Швеціи. Игра на гусяхъ и пѣнье дославляли мнѣ насущный хлѣбъ. Пѣсни, сочиненныя мною на разные случаи моей жизни, переносили меня въ прошедшее и облегчали грудь мою, испоргая изъ очей сладкія слезы. Молва о Московитскомъ музыкантѣ переходила по горамъ и не мало гостила въ долинахъ; на семейныхъ праздникахъ, на свадьбахъ мнѣ первому былъ почешъ; всѣ возрасты слушали меня съ удовольствіемъ; старость весело прищопывала мнѣ мѣру; юность то плясала подъ мою игру, то горько задумывалась. Вездѣ есть добрыя сердца; въ Швеціи я нашелъ ихъ много, очень много. Гостепріимство и любовь приглашали меня не разъ въ свои семейства. Въ горахъ Далекарліи, у одного богатаго мызника меня особенно ласкали. Онъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и, кромѣ дочери, не имѣлъ дѣшей. Старикъ уговаривалъ меня войдши къ нему въ домъ вмѣсто сына. »Оспался бы, добрый старикъ«

говорилъ я »кабы могъ забыть здѣсь родину.« Дочь его прекрасная, спашная, рослая, какъ бы опъ земли птянуло ее къ себѣ небо, каждый день болѣе и болѣе опушывала меня своею любовью. Часто, слушая мои пѣсни, она съ нѣжностью оспанавливала на мнѣ свои черноогненные глаза, опъ кошорыхъ хотѣлъ бы уйдши въ преисподнюю; не рѣдко слезы блиспали на длинныхъ рѣвницахъ прекрасной дѣвушки. »Добрый спраникъ!« сказала она мнѣ однажды, побѣдивъ свою спидливостъ: »останься съ нами, я буду любить тебя, какъ брата, какъ...« Попупленные въ землю очи, дрожащія уста, волненіе дѣвспвенной груди, договорили мнѣ все, что она боялась вымолвить. — »Не хочу обманывать тебя, милая! У меня въ Россіи есть уже невѣста; не сняхъ мнѣ до гробовой доски желѣзнаго кольца, коимъ я съ нею обручился« — опвѣчалъ я ей, и спѣшилъ удалиться опъ жилища, гдѣ, на мѣсто невинныхъ радостей, поселилъ безпокойство. Такъ одинъ взглядъ сашаны

побиваешь жапвы, чумишь спада и вносишь пожары въ хижины!

Судьба привела меня въ Спокгольмъ въ 1694 году, когда весь городъ шеншаль (говоришь громко истину при Карль XI не смѣли) о жеспокостяхъ редуціонной Коммиссіи, о явкѣ къ Верховному суду депутатовъ Лифляндскаго Дворянства, о рѣзкихъ возраженіяхъ одного изъ нихъ, Пашкуля, отличавшагося своимъ краснорѣчіемъ, умомъ и отвагою, и наконецъ о приговорѣ, грозившемъ симъ представителямъ народнымъ. Любя все необыкновенное, я старался узнать этого великаго противника неправосудной власти. Игрою на гусляхъ передъ его окнами я привлекъ на себя его вниманіе. Онъ полюбилъ меня съ перваго дня, какъ увидѣлъ; разгадалъ меня, изшоргнулъ изъ униженія своимъ вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ, и умѣлъ возбудить во мнѣ такое участіе, что я вскорѣ повѣрилъ ему тайны своей жизни. Эта откровенность и несчастія, ему грозившія, скръ-

пили еще болѣе союзъ нашъ. Съ своей стороны онъ старался, по возможности времени, образовать меня, и разказами о подвигахъ Петра съ того дня, какъ я оставилъ Троицкій монастырь, успѣлъ возбудить во мнѣ удивленіе къ сему Государю. Иностранецъ раскрылъ для меня все, что козни Царевны Софіи Алексѣевны имѣли въ себѣ ужаснаго; отъ него узналъ я, въ какую бездну повергнулъ бы Россію, убивъ съ Петромъ ея просвѣщеніе и благоденствіе. — Смертный приговоръ Пашкулю былъ подписанъ. Онъ бѣжалъ, письмомъ своимъ ввѣряя меня пріязни хорошаго знакомца своего Адама Бира, Профессора въ Упсальскомъ Университетѣ.

Бира не засталъ я уже въ Университетѣ, изъ коего изгнала его несправедливость, существующая, какъ видно, вездѣ, гдѣ есть люди. Я нашелъ его въ бѣдности, однако-жь не въ уныніи. Онъ училъ дѣтей своего прихода читать и писать, и этой поденщиной едва снискивалъ себѣ

пропшаніе. Письмо Пашкуля сблизило насъ скоро. Съ просподушіемъ младенца Бирь соединялъ въ себѣ умъ мудреца и благородство, непокоряющееся обстоятельствамъ. Счастливымъ себя счишаю, если могъ сдѣлать что-нибудь для него въ черные дни его жизни. За то чѣмъ не заплашилъ онъ мнѣ? Онъ научилъ меня истинамъ высокимъ, раскрылъ для меня таинства природы, обошелъ со мною рука съ рукой весь міръ, заставилъ полюбить великіе образцы Греціи и Рима, однимъ словомъ, показалъ мнѣ чловѣка, каковъ онъ былъ и есть, и чловѣчество, какъ оно будетъ нѣкогда. Въ купели его мудрости я обновился; я полюбилъ добродѣтель для нея самой и опечесство мое съ собственнымъ самоопроверженіемъ. Мысль очистишь себѣ путь на родину благородными подвигами, служеніемъ ей истинно полезнымъ, заброшена мнѣ въ сердце его уроками. Во снѣ и наяву я только мечталъ, какъ осуществишь сію мысль.

Скоро наступилъ конецъ искушенію, кошорое угодно было Провидѣнію послать моему второму опцу. Сестра его, одна изъ ученѣйшихъ женщинъ своего вѣка, знавшая нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ и Латинскій, какъ свой родной, призвала его въ Стокгольмъ, откуда отправила въ Лифляндію, въ воспиташелци къ дочери Баронессы Зегевольдъ. Наслѣдство, лучшее, какое онъ могъ мнѣ оставитьъ, было порученіе моему дружескому вниманію одного необыкновеннаго созданія. Сынъ бѣднаго кожевника изъ-подъ Торнео, съ душею, пожираемою небеснымъ огнемъ вдохновенія, бѣжавшій отъ объятій опца и ласкъ родины, чптобы сообщить другимъ сей огонь, солдатъ, странникъ, студентъ и наконецъ слѣпецъ, въ домѣ ума лишенныхъ: вопъ дивное швореніе, кошорое наслѣдовалъ я послѣ Бира. Имя его Конрадъ. Сильныя душевныя потрясенія, кипучее воображеніе, занятія ума, никогда недовольнаго шѣмъ, чпто знаешь, и пышающагося

добраться по цѣпи творенія до высочайшаго знанія, разстроили его разсудокъ. Голосъ мой первый воззвалъ его къ дѣятельности; это былъ первый сочувственный звукъ, ударившій по струнамъ его сердца. Оно уразумѣло меня, и съ того времени слѣпецъ шелъ всюду за мной, какъ будто привязанный ко мнѣ невидимую цѣпью. Оба съ пламенною душой и воображеніемъ, съ одинаковыми наклонностями, оба несчастные, униженные судьбою, но нестерпящіе униженія отъ подобныхъ себѣ, мы сопряглись на земное житіе и рука съ рукой пошли по міру. Какъ онъ любилъ меня! Родство, друзей, родину, свѣтъ Божій — все заключалъ онъ во мнѣ. Семь лѣтъ ему ничего не было извѣстно обо мнѣ, кромѣ моего имени и мнимаго моего отечества, Выборга; но слѣпецъ внутренними очами прочелъ мои тайныя спраданія, узналъ изъ моихъ бесѣдъ о Россіи (въ которой, по словамъ моимъ, я только спраивствовалъ); узналъ, что она мое отечество, и

похищилъ заключенныя въ сердце моему роковыя имена людей, имѣвшихъ сильное вліяніе на жизнь мою. Желанія мои угадывалъ онъ, какъ Провидѣніе, волю мою исполнялъ, какъ рабъ, купленный благодареніями. Онъ былъ у меня последнее, единственное благо на землѣ. Судьба и въ эпосъ мнѣ позавидовала. Его ужъ нѣтъ. Горькія слезы льются изъ глазъ моихъ: начерпывая сіи спроки, спую, мнѣ мнѣ, съ заспуномъ передъ его могилою и гошовлюсь засыпать его навѣки землею.

Сердце влекло меня въ Лифляндію; тамъ я могъ бытъ ближе къ своему отечеству. Мы переплыли сердитыя воды Бельша; мы въ странѣ, гдѣ имена Юрьева, Новгородка-Ливонскаго, Ракобора, напоминали мнѣ о владычествѣ надъ нею Русскихъ. Долго новый край и люди не приносили ничего новаго душѣ изгнанника; въ ней все та же тоска по родинѣ. Одною отрадою мнѣ было ходить по нѣскольку разъ въ годъ за Новгородокъ

Ливонскій на гору Кувшинову, какъ бы на поклоненіе моему отечеству: опшуда я могъ видѣть крестъ Печерской обители, зажигаемый лучемъ солнечнымъ; опшуда могъ я молихся Русской святыни. По цѣлымъ часамъ смопрѣлъ я на сію звѣзду ушѣшишельную, и только ночь уносила съ нею мои радости; по ушру дожидаяся я, когда опашь взойдетъ мое свѣшило и дастъ миѣ привѣщный знакъ отъ роднаго края.

Въ видѣ спранствующихъ музыканшовъ мы пропощали перекрестные слѣды по всей Лифляндіи. На мызахъ Баронскихъ, въ Шведскихъ лагеряхъ и казармахъ, въ Латышскихъ и Чухонскихъ хижинахъ, я былъ извѣщенъ подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга; швердое знаніе языка Шведскаго много способствовало миѣ къ сокрытію настоящаго моего отечества. Къ удивленію моему и даже спраху, въ одно посѣщеніе мое лекаря Блуменпросста на мызѣ его, близъ Маріенбурга, онъ началъ говоришь миѣ наедишь о Россіи, о гошо-

вившейся войнѣ, о пользѣ, какую могъ бы я извлечь, служа въ оной (кому, не объяснилъ); говорилъ мнѣ о Пашкулѣ, какъ о человѣкѣ, ему весьма извѣстномъ; и наконецъ далъ мнѣ знать догадками, кто я такой. Именемъ Бога умолялъ я его объясниться, или вести меня скорѣе на закланіе. Съ меня взяша клятва, самая ужасная, молчаніе обо всемъ, что я ни увижу и услышу. »Мнѣ ничего неизвѣстно« сказала Докторъ Blumenпросъ: »но вошь человѣкъ, который угадалъ въ Вольдемарѣ изъ Выборга по примѣшамъ, мною описаннымъ, кто онъ, и который откроетъ тебѣ болѣе.« Онъ снялъ карпину со спины и ударилъ при раза въ ладони. Отворилась маленькая дверь, и передо мною явился — Пашкуль. Мы обрадовались другъ другу: сердце мое предугадывало въ немъ моего спасителя; онъ не скрылъ, что на мнѣ основываетъ великія надежды свои. Увѣрясь въ постоянствѣ и твердости моихъ чувствованій, Пашкуль открылъ мнѣ, какими жертвами

я могу купить прощенье Петра Алексеевича и приобрести свое отечество. Душа моя разыграла надеждами: я на все рѣшился; я закабалить себя въ шпионы. . .»

Чтобы не наскучишь читателямъ повѣрениемъ того, что они уже знаютъ изъ предыдущихъ частей нашего романа, оставляемъ здѣсь рассказъ Последняго Новика; но извлекаемъ изъ сего рассказа только то, что намъ нужно дополнить для ясности и связи происшествій.

Новикъ, отъ природы сноровивый, пылкій, нецерпѣливый, взялся нести на себя ярмо ужасное и постыдное; притворствовать, обманывать, продавать себя подобнаго — такова была его обязанность! Но въ награду ему обѣщано отечество, и нѣтъ жертвы, на которую бы онъ не рѣшился за эту цѣну.

Предвѣстники сѣверной войны разыгрывались. Согласно наставленіямъ Пашкуля, Новикъ явился къ Генераль-Фельдвахтмейстеру Шлиппенбаху, знавшему его прежде и любившему за игру на

гусляхъ; открылъ, что онъ Русскій, любимецъ Софіи, бѣглый стрѣлецъ, хотѣвшій убить Петра I; что онъ и теперь питаетъ къ Царю сильную ненависть, которую желаетъ и можетъ доказать услугами своими Шведамъ. Онъ подкупленъ Пашкулемъ, прибавляя Новикъ, вывѣдывающій движенія войскъ въ Лифляндіи и духъ тамошняго дворянства; онъ долженъ вести съ нимъ переписку; въ доказательство представилъ нѣсколько писемъ, полученныхъ отъ него будто бы черезъ раскольниковъ, и наконецъ брался, не смотря на предосторожности хитраго измѣнника и врага Швеціи, заманить его со временемъ въ западню, откуда ему не вырваться. Въ искренности рѣчей Последняго Новика не лзя было сомнѣваться: драгоценный образъ на груди его, даръ Царевны, письма Софіи въ Выговскій скиръ, коими она убѣждала своего питомца не покидать своей цѣли и надѣяться, что правое дѣло скоро воспоржествуетъ; письма самаго Пашкуля —

какихъ лучше свидѣтельствъ могъ требовать Шлиппенбахъ? Генераль-Фельд-вахтмейстеръ всему повѣрилъ и преданъ своему лазутчику. Чтобы лучше обманывать Пашкуля, обѣщано передавать ему время отъ времени извѣстія о томъ, что дѣлалось въ Шведскомъ войскѣ. Денежныхъ наградъ шпиону не жалѣли; милостей безденежныхъ насулено еще болѣе въ случаѣ хорошаго исполненія; за измѣну обѣщана висѣлица. Но какая польза была Новикъ измѣнять? Въ Россіи ожидаетъ его плаха; а здѣсь, въ Лифляндіи подъ крыломъ Шведскаго могущества, онъ можешь выдти въ люди и разбогатѣть! Условія сдѣланы, и Послѣдній Новикъ, подъ именемъ Вольдемара изъ Выборга, снабженъ отъ Шлиппенбаха охраннымъ листомъ, копорымъ, по высочайше дарованной военачальнику власти, вѣлно по всей Лифляндіи и въ Шведскомъ войскѣ *чинить* предъявителью всякое пособіе и покровительствво. Первый опытъ усердія его къ колызѣ Шведовъ былъ, по

виду, жестокъ для прошивной стюроны.

Война Сѣверная все еще шаялась поды личиною дружескихъ увѣреній. Посланикъ Польскій (Карловичъ), исполнивъ съ Папкулемъ свои дѣла въ Москвѣ, возвращался саннымъ путемъ черезъ Ригу. Товарищъ его пилигримомъ мести обходилъ южный край Лифляндіи, засевая вездѣ неудовольствія къ Шведскому правительству и среди заботъ политическихъ увлеченный сердцемъ, не оставилъ заплашить дань природѣ и взглянуть на свое родное пепелище. Посланикъ просилъ Коменданта Рижскаго Дальберга пропустить черезъ крѣпость обозъ его, въ слѣдъ за нимъ ѣхавшій. Даво обѣщаніе. Въ обозѣ скрывалось множество оружія; при въѣздѣ его въ крѣпость долженъ былъ ворваться въ нее отрядъ Польскихъ драгунъ, стоявшій на границахъ Курляндіи; отъ недовольныхъ и подкупленныхъ въ Ригѣ ожидали помощи. Спрашагема оказалась неудачною, и потому Владиміръ даль о ней

знать Коменданшу. Взяты все предосторожности встретить неприятеля; послѣдствія извѣстны: не званыхъ, но жданныхъ гостей встрѣтили и съ урокомъ проводили; война открылась. Съ этого времени Послѣдній Новикъ приобрѣлъ полную довѣренность той стороны, которую обманывалъ. Въ продолженіи же войны неоднократно утверждалъ Шлиппенбаха въ семь чувствъ къ нему новыми опытами своего усердія, большею частію, запоздалыми, немѣвными значительной цѣнности, но выставленными такъ искусно, что принимались въ высокомъ курсѣ. Мы видѣли, какой перевѣсъ имѣли передъ нами дѣйствіями вѣрность и преданность сторонѣ Русской, коей онъ доставлялъ вовремя неоцѣненные свѣдѣнія черезъ Пашкуля, Ильзу и — кто подумалъ бы? — черезъ Мурзенку. Управляя всеми движеніями сокровенной политики своего истиннаго довѣрителя, онъ все зналъ о дѣйствіяхъ прочихъ лазутчиковъ его, но самъ, съ глубокими тайнами своей

должности, извѣстенъ былъ только ему одному и его служителю, Фрицу. Даже Никласзону, усердному, но коварному агенту его, выставленъ Вольдемаръ шпиономъ отъ Шведовъ. Жертвы, принесенныя Последнимъ Новикомъ на алтарь опечества, куплены дорогою цѣною униженія, необыкновенныхъ трудовъ плесныхъ и умственныхъ, сильныхъ душевныхъ спраданій — достойныя жертвы для искупленія его проступка и полученія награды, столь пламенно преследуемой! Но Судьба обвила свою жертву крѣпкими, неразпоргаемыми узами, какъ змѣями, коими опушаны были Лаокоонъ и дѣти его. . . .

Объяснивъ дѣйствія Владиміра, сколько способствовавшія Русскимъ къ завоеванію Лифляндіи, дополнимъ изъ его жизни небольшіе промежутки въ происшествіяхъ, которыя помѣшали ему насладиться плодами своихъ трудовъ.

Бѣгство его изъ Выговскаго скипа очень встревожило Денисова, боявшагося

поперячь съ нимъ милости Софіи, все еще продолжаемая скипу на прежнихъ условіяхъ. Царевна-инокиня, уму копорой удивлялся самъ Петръ Великій, знала все, что дѣлалось за стѣнами монастыря не только въ опечесствѣ ея, но и при Дворахъ иностранныхъ. Извѣстно, какіе слухи распустила она въ Вѣнѣ во время путешествія своего брата по Европѣ и сколько сіи слухи поколебали-было политику Австріи. Удивительно ли послѣ сего, что Софія провѣдала о бѣгствѣ своего питомца изъ скипа и попомъ о явленіи его въ Лифляндіи? Преслѣдуя народныя слухи, она опыскала солдата, бывшаго подъ Еррастферомъ и оппущеннаго за ранами изъ арміи Шереметева на свою родину въ Москву. Онъ разсказалъ ей все обстоятельство сраженія, и Софія въ спаситель опряда Лимы угадала своего любимца. Догадки успрашили ее стѣмъ болѣе, что, во время бунта 1698 года, кончившагося ужаснымъ зрѣлищемъ нѣсколькихъ сотъ человекъ,

повѣщенныхъ передъ ея окнами, постельница ея подъ клещами пытки открыла Правительству важную тайну, касавшуюся до Царевны и Последняго Новика; и потому, боясь за него, боясь за себя и негодуя, что ея любимецъ предался спору, ей ненавистной, Софія писала къ Денисову убѣдить Владиміра возвратиться въ скипъ, а если убѣжденія не подѣйствуютъ, употребить самыя сильныя мѣры къ недопущенію его въ Россію — хотя-бъ это стоило ему жизни. Денисовъ, ободряемый милостями Царевны, дружбою къ роду Милославскихъ (*коего сѣмя расло въ Россіи, какъ изъяснялся Петръ I*) и наконецъ ненавистью къ Нарышкинымъ, опшѣсившимъ его некогда отъ важной Государственной должности, началъ усердно опыскивать Владиміра по Лифляндіи и послалъ для преслѣдованія его старовѣровъ, предавшихъ своему чиновничьему. Старцу Аѳиногену первому удалось встрѣтить его. Вѣстникъ сей открылъ ему волю и угрозы Царевны,

увѣщанія Денисова, сшрашную будущность, ожидавшую его въ опечесствѣ, и неизъяснимое блаженство, приготовленное въ скипѣ покорному сыну православной церкви; но видя, что посланіе его не имѣло никакого успѣха, опсправился, согласно даннымъ ему наспавленіямъ, въ Русскій спань подѣ Нейгаузенѣ съ подмешнымъ письмомъ. Мы видѣли, какимъ мученическимъ вѣнцомъ увѣнчался онѣ за бороду свою; видѣли, какія послѣдствія имѣло самое свиданіе паптріарха Поморскихъ спаровѣровъ съ Владиміромъ въ домѣ лѣсника. Оспальное намѣ спакже извѣспно.

Послѣдній Новикъ кончилъ свое повѣспвованіе признаіемъ, что онѣ изнемогъ подѣ усиленными ударами судьбы, и просьбою къ своимъ соопечеспвенникамъ помолиться о спасеніи его души. Повѣспвованіе было адресовано на имя Князя Вадбольскаго, какъ человека, принимавшаго въ немѣ, по видимому, сильное участіе — человека, опѣ кошораго,

за услугу свою подъ Гуммельсгофомъ, ожидаешь онъ ходамайства за него у сшечества.

Чшеніе исторіи Последняго Новика оставило грустное впечатлѣніе въ сердцахъ собесѣдниковъ. Вадбольскаго болѣе всего превожило сомнѣніе, что потъ, коего взялся онъ бытъ опекуномъ, не сынъ Кропотова. Не менѣе того осмался онъ втрень своей привязанности къ несчастному.

Усилили поиски по Новикъ, и все безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день, при очисткѣ лѣса на Ижорскомъ берегу, солдатамъ попался на глаза богатый складень, даръ Царевны, сорванный убійцею съ груди своей въ минушу величайшихъ его страданій и брошенный въ кусты. Драгоценная находка представлена Фельдмаршалу; объявлено по войску, не опшщется ли хозяинъ. Какъ скоро Вадбольскій взглянулъ на образъ, потчасъ угадаь, кому онъ принадлежишь. Мѣсто, гдѣ онъ найденъ, освидѣтельствовано.

Близъ него, по разнымъ часпямъ лѣса, валялись человѣческія кости. (Вѣроятно, что тѣло Денисова въ мученіяхъ предсмертныхъ свалилося съ коспра, на которой положилъ его *Жидовинъ*, и потомъ расхищено звѣрями.) Не оставалось сомнѣнія для друзей Последняго Новика, что онъ или убитъ раскольниками и расперзанъ волками, или просто сдѣлался жертвою послѣднихъ. Мурзенко, узнавъ о семъ, бросился паличь раскольничьи селенія и забираеть ихъ сошнями, отсылая въ Россію.

Долго горевали о Последнемъ Новикѣ, еще дольше объ немъ говорили, и наконецъ забыли его, какъ забываютъ въ мірѣ все, что въ немъ не вѣчно.

Глава седьмая

Двѣ сцены изъ 1704 года.

*Родная! гдѣ же ты? Увидимся-ль съ тобой?
Приди; я жду тебя все также сиротою —
И все на камиѣ томѣ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинутъ былъ тобою!*

Козловъ.

*Носилки, гробъ, да заступъ, заступъ,
Да терное сукно,
Да три шага земли, земли,
Намъ нужны вслѣдъ равно.*

Гамлетъ. перев. М. В.

Въ одинъ лѣшній день 1704 года, когда звонъ вечерній сягошѣль надъ Москвою, шель нищій, одинъ одиныхонекъ, по обширному полю, разспилавшемуся ошъ города до Новодевичьяго монастыря. Эпошъ нищій не походилъ на своихъ собрашьевь: рубищамъ и сумъ измѣняло какое-то

благородство душевное, изображавшееся на его лицѣ и не рѣдко вспыхивавшее въ его помутившихся глазахъ. Ему могло быть съ небольшимъ 30 лѣтъ; но замѣтно было, что удары гнѣвной судьбы, на переکورъ времени, означались на всемъ его существѣ слѣдами раняго разрушенія. Это свидѣтельствовало чело, изрытое глубокими бороздами, сѣдины, пробившіяся сквозь смоль его волосъ, падавшихъ въ безпорядкѣ по плечамъ, сгорбленный высокій станъ, дрожащія руки. Онъ не рѣдко останавливался на пупи своей, скидалъ шапку, какъ бы мыслилъ о святынь, осматривался кругомъ; казалось, что любовался зрѣлищемъ Москвы, возносившей золотыя главы своихъ церквей изъ безконечнаго шабора домовъ; что восторженнымъ взоромъ преслѣдовала блестящія излучины Москвы-рѣки и красивые берега ея, что прислушивался къ звуку колоколовъ. Въ это время станъ его распрямлялся, пасмурное лице свѣтлѣло, слабый румянецъ пробѣгалъ по

щекамъ, улыбка порхала на помершвѣ-
лыхъ губахъ и въ глазахъ его блискали
слезы. Одно мгновеніе ока — и все въ
немъ измѣнялось. Какъ человекъ, смотря
на солнце, вдругъ ослѣпленъ его бле-
скомъ, онъ вздрагивалъ, опускалъ голову и
взоры въ землю, и опять медленными
шагами пробирался по тропѣ къ Ново-
дѣвичьему монастырю, не рѣдко споты-
каясь о камни, ему подъ ноги попадав-
шіеся. Лице его подергивалось облакомъ
унынія; тяжелый вздохъ попрыскалъ его
грудь и губы лепетали молитву по-
каянія.

Вотъ онъ у воротъ монастырскихъ
осматривается кругомъ; руками, дрожа-
щими болѣе обыкновеннаго, шворитъ
крестныя знаменія передъ образомъ Бо-
жіей Матери; вотъ уже проходишь мона-
стырскій дворъ и становишься на папер-
ти въ ряду своей нищей братьи. Между
глубокими вздохами изученной скорби его
товарищей не слышно его вдоха; онъ
недвижимъ, какъ плита гробовая. Вечернее

моленіе кончилось. Монахини выходяшь изъ церкви, и между ними одна... Кто подъ ипческимъ покрываломъ и рясою, подъ наружносью спарухи, не узналъ бы въ ней шой, копорая нѣсколько разъ силалась вырвать державу изъ могучихъ рукъ Петра Великаго, копорая чувствовала себя столько способною царствовать, но не была на то опредѣлена Провидѣніемъ? Инокія Сусанна видомъ все еще Царевна Софія. Взоръ ея по прежнему повелѣваетъ и очаровываетъ; невольнымъ уваженіемъ преслѣдуютъ ее, нынѣ ей равныя, подруги; кажется, все, ее окружающее, спрашится еще въ заповорницѣ будущей владычицы Россіи. Она раздаетъ милосыню нищимъ; рука ея протянута къ тому, копорого мы изобразили... взоры ихъ встрѣчаются... деньги падаютъ изъ дрожащихъ рукъ его... Она... Боже мой! на устахъ ея замираетъ слово, копорое готова была произнести; смертная блѣдность покрываетъ ея лице, и Сусанна падаетъ на

руки монахинь. Съ поспѣшностью уно-
сятъ ее въ келью.

Народъ давно вышелъ изъ монастыря;
храмъ пустъ; нищій все еще споншь на
прежнемъ мѣстѣ. Кажется, онъ чего-то
ожидаетъ.

И вошь — подходитъ къ нему старая
монахиня и шепотомъ зоветь его за со-
бою. Онъ повинуется; онъ въ кельѣ ино-
кини Сусанны!

Они остались вдвоемъ; никто не слы-
халъ ихъ разговора. Видѣли только, что
когда таинственный нищій выходилъ оп-
шуда, слезы спруились по разгорѣвшимся
его щекамъ, прежде споль бѣднымъ.

Съ того времени Сусанна опасно за-
немогла.

3 Юля въ 6 часовъ утра въ Новодѣ-
вичьемъ монастырѣ ударили три раза съ
прошяжною распановкою въ большой
колоколь. Таинственный нищій сидѣлъ на
лавкѣ у воротъ монастырскихъ: онъ
вдрогнулъ, привсталъ и съ судорожнымъ

движеніемъ при разѣ перекрестился, возведя къ небу полныя слезы глаза.

Скоро пронеслась вѣсть, что Инокія Сусанна скончалась. Передъ смертью она приняла схиму подъ именемъ Софіи — именемъ, которое носила, бывъ Царевной и владычицей Россіи!...

5 Іюля великолѣпная похоронная процессія наполняла пространство Новодевичьяго монастыря. Множество народа сопровождало ее. Таинственный нищій шелъ за гробомъ.

Когда гробъ стали опускать въ землю, нищій хотѣлъ подрагаться къ нему ближе. Его отпалкивали; но онъ сдѣлалъ усиліе... вскрикнулъ: *пустите! она мнѣ...* Больше не могъ онъ ничего говорить и безчувственъ упалъ на землю.

Таинственный нищій былъ — Последний Новикъ. Онъ не выдержалъ; онъ пришелъ на родину.

Глава осьмая

Письмо издалека.

*Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье.*

Пушкинъ.

Дерптъ и Нарва, сѣи твердыя связи, коими сердце Лифляндіи держалось еще къ Шведскому правительству, были взяты, и въ слѣдъ за тѣмъ Русскіе торжествовали надъ своими непріятелями ежегодно по нѣскольку побѣдъ на сушѣ и водахъ. Сбывались предсказанія Пашкуля: мщеніе его дѣлами ошвѣчало на угрозы двухъ Королей; — почти вся Лифляндія принадлежала уже Россіи. Вотъ все, что мы находимъ нужнымъ сказать о пропс-

шествiяхъ въ чепырехъ годахъ, послѣдовавшихъ за смертью Софiи. Теперь просимъ чипапеля на коврь-самолетъ воображенiя перенестись въ 1707-й годъ.

Шведскiе плѣнные были разсыпаны по многимъ городамъ Россiи. Густавъ Траупфешперъ проводилъ время своего скучнаго започенiя въ Коломнѣ (за 100 верстъ отъ Москвы). Кваршира ему была назначена у одного богатаго купца, смотрѣвшаго на постояльца своего, какъ обыкновенно невѣжественный классъ Русскихъ смотритъ на иностранца — существо, которое въ глазахъ ихъ есть нѣчто между человекомъ и живошнымъ. Съ нимъ вмѣстѣ никогда не ѣли, не пили; для него была даже особенная посуда, оскверненная устами басурманскими. Впрочемъ хозяйинъ ласкалъ его, исправно напашливалъ печь въ его комнаѣ и подчивалъ его пирогами, говядиной и медомъ хоть до упаду. Надобно прибавить, что щедрыя денежныя присылки отъ неизвѣстной особы давали ему способы жить

прилично своему званію и даже помогать поварящамъ плѣна, большею часшю содержавшимъ себя шрудами рукъ своихъ. Не рѣдко дочери хозяина, двѣ пригожія дѣвушки, изъ зашворническихъ своихъ свѣшлицъ то бросали цвѣты въ милаго незнакомца, то нѣжили слухъ его заунывными пѣснями, въ коихъ любовь сильно рвалась на свободу. Но Густавъ былъ вѣренъ своей прежней любви. »Какъ! — скажутъ нѣкоторые свѣшскіе люди — »какъ! бытъ вѣрну пять лѣтъ? C'est presque le siége de Troyes!« Да, милоспивые Государи, онъ любилъ Луизу, какъ никогда еще: въ разлукѣ, въ плѣну, въ обществѣ людей непросвѣщенныхъ осуществленный идеаль его рисовался ему со всеми обольщеніями красоты и добродѣшелей. Образъ сей, какъ Ангель-хранитель, всегда стоялъ у него на спражѣ опъ всехъ искушеній. Сердце Густава помнило только одинъ даръ любви, привѣшь однихъ глазъ, понимало только одно увѣреніе, которое, казалось ему, произносила Луиза своимъ

волшебнымъ голосомъ: *Густавъ!* сказать ли мнѣ, что я тебя люблю? Ты это давно знаешь! Въ замѣнь понеченій о немъ Папкуля, паходившагося уже нѣсколько лѣтъ Посланникомъ ошъ Россійскаго Двора при Королѣ Польскомъ, не оставляли его благодѣянія скрышнаго генія, присылавшаго уже нѣсколько разъ извѣстія о Луизѣ: — »Луиза здорова. — При взятіи Русскими Дерпта съ нею ничего худаго не случилось. — Есть вѣрныя извѣстія, что она васъ по прежнему помнитъ и любитъ. — Надѣйтесь!» Вошь что писали къ нему въ разныя времена, услаждая такимъ образомъ грустное его изгнаничество. Рука, писавшая сіи извѣстія, была незнакомая. Сначала довольно поломалъ онъ себѣ голову, чтобы опкрышь, кто давалъ ему сіи извѣстія; но въ послѣдствіи оставилъ сію заботу, довольный, что есть человекъ въ Россіи, который желаетъ ему добра. Въ 1707 году прекрашились вдругъ свѣдѣнія о фамилии Зегевольдъ. Истомившись въ

надеждахъ на лучшую будущность и не видя имъ исполненія, онъ предался отчаянію. Все помрачилось въ его глазахъ: и природа и люди. Въ первой, казалось ему, времена года измѣнили свой порядокъ, земля лишалась уже теплоты солнечной, отброшенная гнѣвомъ Провидѣнія въ низшую сферу міровъ. Человѣкъ представлялся ему существомъ несчастнѣйшимъ, пущеннымъ на сію земную глыбу для справедій. Неожиданное письмо, имъ полученное, сколько обрадовало его сначала почеркомъ руки, написавшей адресъ, столько же содержаніемъ своимъ переполнило чашу горести, ему судьбою подносимую. Письмо было отъ двоюроднаго брата его.

»Немалаго труда стоило мнѣ сыскать случай доставить тебѣ это посланіе, милый братъ и другъ!« писалъ Адольфъ: »оно сдѣлаешь большія извилины, пока дойдешь до тебя. Но завоевавъ сей случай золотымъ орудіемъ, не знаю, съ чего начать письмо. Голова моя идетъ

кругомъ, сердце шакъ преисполнено горести, досады, негодованія, что я не приберу для нихъ выражений. *Суета суетъ и всяческая суета!* вопшь слова, копорья я, въпрепникъ, каковымъ ты знаваль меня, рѣдко заглядывавшій въ Священное Писаніе, нынѣ пвержу безпреспанно; вопшь слова, вырывающіяся у меня шеперь изъ груди и служащія мнѣ якоремъ для ушверженія на нихъ моего посланія.

»Ты счастливь! да, повпоряю шепбѣ, ты счастливьѣе меня во сто разъ. Въ скучномъ изгнаніи своемъ, въ разлукѣ съ милыми сердцу, ты вознагражденъ любовью божеспвенной Луизы, о кошорой — прости мнѣ! — не могу говорить и до сихъ поръ безъ того, чтобы средъ бѣла дня у меня въ глазахъ не мушилось и сердце не поворачивалось, какъ въ смолянѣ кипяшкѣ. При сладостной извѣспности о любви прелестнѣйшей изъ женщинъ, ты обладаешь еще благомъ, ни съ чѣмъ несравненнымъ — надеждою! А я?.. растерявъ свое сердце по всѣмъ дневкамъ

нашихъ походовъ, убѣгая опечесства, разореннаго и едва ли не завоеваннаго Русскими, убѣгая мѣспъ, гдѣ каждый шагъ напоминалъ мнѣ спыдъ нашего оружія, ѣду въ главную армію, чшобы опдохнуть хошя среди побѣдъ моего Короля и славы Шведовъ — и что-жъ? какъ будто нарочно, пріѣзжаю къ цѣли своихъ желаній для того только. . . Ты знаешь, что я не прусливаго десяпка, видалъ довольно хладнокровно смерть въ разныхъ ея каррикашурныхъ образахъ на поляхъ бшпвъ; но, собираясь начершашъ тебѣ роковыя слова, дрожу, какъ въ лихорадкѣ, и не могу совладѣть съ перомъ. . . Дай мнѣ настроить свои силы, чшобы приступить къ ужасному описанію; собери и ты все присущствіе своего духа, чшобы чшпашъ его. Начну издалека и опять обопруть на якорь священныхъ словъ: *суета суетѣ и всяческая суета!*

»Послѣ письма, кошорое я спарался доставить тебѣ надежными пушями, и въ кошоромъ описывалъ подробно все, со

мною, или, лучше сказать, съ нами случившееся съ того времени, какъ мы разспались*, заключенъ я былъ въ Дерптъ до взятія его Русскими. Лифляндцы оспаривали крѣпость, какъ любовникъ милую ему особу отъ нападеній соперниковъ; однако-жъ не устояли противъ множества осаждавшихъ, личнаго мужества и искусства вѣчнаго Героя. Да, милый другъ, и я теперь скажу: Петръ герой истинный! Гарнизонъ, по условію, долженъ былъ выйти изъ крѣпости безъ знаменъ и оружія; но великодушный побѣдитель, уваживъ въ непріятеляхъ необыкновенное мужество, съ коимъ они сопротивлялись ему, возвратилъ офицерамъ шпаги и прешьей части солдатъ ихъ ружья. Признаюсь, такой поступокъ отъ повелителя дикихъ народовъ пропуть, восхищилъ меня. Я смотрю теперь на Петра другими глазами, безъ преду-

* Письмо сіе не было доставлено Густаву по причинамъ, неизвѣстнымъ Автору.

бъжденія, которое мы привыкли писать къ нему.

»Пріѣхавъ въ главную армію, я заспалъ Короля на торжественной колесницѣ, опшимающаго вѣнцы и раздающаго ихъ. Все шепетало имени Шведскаго. Что-жь изъ этого для нашего опечеснѣва? думали Лифляндцы, и по прежнему шли проливать свою благородную кровь за упрямство Короля.

»Августъ, скитаясь изгнанникомъ по Польшѣ, старался малодушными жертвами умилоствивить побѣдителя: преклонивъ колѣна, онъ молилъ о пощадѣ. Карлъ требовалъ, чтобы противникъ его навсегда отказался отъ Польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго и — кно-бъ помыслилъ, чтобы завоеватель царствъ, дарившій ихъ, какъ игрушки, жадничалъ болѣе всего пріобрѣтенія одного человека? — онъ потребовалъ выдачи Пашкуля. Министры Августовы не любили нашего дяди за его рѣзкій, благородный до излишней смѣлости харак-

перь, и особенно за то, что онъ, бывъ преданъ выгодамъ своего новаго Государя, Петра I, всегда предупреждалъ козни Поляковъ прошивъ него. Это былъ громъ, заставлявшій грѣшниковъ перекреститься. Самъ Августъ видѣлъ въ Пашкуль зоркаго, неподкупнаго соглядатая всѣхъ своихъ дѣйствій, слабыхъ, двусмысленныхъ и не всегда благородныхъ. Его Польско - Саксонское Величество имѣло крѣпко на сердцѣ, что Посланникъ при Дворѣ его попотребовалъ отъ него нѣкогда опчета въ *субсидныхъ* деньгахъ, присланныхъ вѣрнымъ союзникомъ и употребленныхъ Королемъ на подарки разнымъ женщинамъ; онъ зналъ также, что Пашкуль слѣдилъ всѣ намеренія его сблизиться съ Карломъ и своею полишкой мѣшалъ сему сближенію. Однимъ словомъ, Пашкуль былъ пожертвованъ малодушію Августа, зависти и недоброжелательству его Министровъ и мщенію Карла.

»Все, что будешь чинать теперь, почерпнуто изъ слѣдственнаго дѣла, нахо-

дившагося у меня въ рукахъ, и изъ свѣдѣній, изустно мнѣ переданныхъ лицами, разыгрывавшими ужасное происшествіе, какому не было еще примѣра. Многое, что описываю, видѣлъ я собственными глазами.

Оставивъ неудачное командованіе надъ Русскими войсками въ Польшѣ, Папкуль находился по въ Дрезденъ, по ѣздилъ въ Верлинъ. Возвращаясь изъ Пруссіи къ Саксонскому Двору, въ занятіяхъ литературныхъ находилъ онъ сладостный отдыхъ отъ трудовъ политическихъ. Какъ бы предчувствуя скорый конецъ своего бурнаго поприща, онъ написалъ нѣсколько сочиненій, служащихъ къ оправданію его дѣйствій съ того самаго времени, какъ избранъ былъ ходатаемъ за права своихъ соотечественниковъ у престола Шведскаго. Хиромансія, копорую, какъ извѣстно тебѣ, любилъ сей необыкновенный человекъ, похищала также не мало времени изъ жизни столько дѣятельной, которая бы могла быть столько полезною

для его опечества, если бы своекорыстные расчеты одного Короля и мщеніе другаго не опняли его у нашей бѣдной Лифляндіи. Наконецъ, на 42-мъ его году Гименей готовился поднести ему самый роскошнѣйшій цвѣшокъ, какой родился въ садахъ міра: прелестная Саксонка Ейнзидель уже съ кольцомъ обручальнымъ опдала ему свое сердце. Между тѣмъ коварная судьба, усмѣхаясь, почтила свои орудія на жертву, которую за нѣсколько часовъ сама окружила всею очарованіемъ земнаго счастья. 19 Декабря* 1705 года, въ 11 часовъ вечера, только-что успѣлъ онъ лечь въ постель и уснуть, вѣрояпно, съ пріятными грезами, исполнители власти, слишкомъ малодушной и несправедливой, чтобы дѣйствовать днемъ, впоргающая въ кварширу нашего дяди, будящъ его безъ всякой жалости и снисхожденія, обыкновенно въ семь случаевъ оказываемыхъ даже преступникамъ, не даютъ ему времени одѣться и за спрогимъ

* Нов. ст.

карауломъ увозятъ его въ крѣпость Зонненштейнъ; шамъ бросають за желѣзную рѣшетку и осщавляють нѣсколь-ко дней безъ пищи. Бумаги его запечата-ны; Секретари, кромѣ Никласона, умѣв-шаго и на сей разъ выпутаться изъ бѣды, и служители заключены также по раз-нымъ отдѣленіямъ крѣпости. Одинъ Фрицъ, обреченный еще разъ служить его избав-ленію, находился въ то время, по дѣламъ своего господина, въ Берлинѣ. Слухъ о необыкновенномъ започеніи Посланика бѣжалъ скоро по всѣмъ дорогамъ и встрѣ-тилъ вѣрнаго служителя на возвратномъ пути его. Онъ прибылъ-таки въ Дрез-денъ; но, укрываясь у друзей своего го-сподина, посвяпилъ всего себя его спасе-нію. Взялась содѣйствовать ему въ семь дѣлъ — кто? какъ бы ты думалъ? — дочь пасуха! Да, любезнѣйшій другъ, шеперь только узналъ я, что можетъ женщина, копорая *любитъ*! . . . Это дивное созда-ніе, передъ коимъ все возвышенное, все благородное, должно пасъ на колѣна,

Швейцарка Роза. Дочь бѣднаго пастыря, вызванная вмѣстѣ съ опцемъ своимъ изъ Альпійскихъ горъ, гдѣ Папкуль укрывалъ нѣкогда свою изгнанническую голову, она имѣла несчастіе предаться всею душою этому оболъспительному сыну Рока. Опца, родину, долгъ, промѣняла она на любовь; весь свой мѣръ вмѣспила въ немъ одномъ. Когда Роза, вмѣстѣ съ опцемъ, возвращалась съ мызы Блуменпросповой въ Швейцарію, и когда узнала, что онъ ни за что не рѣшается идти въ Дрезденъ, гдѣ любовникомъ ея назначено ей было свиданіе, она бросила спарика и понесла свои великія жершвы къ погамъ своего идола. Одинъ взглядъ любви заставилъ бы Розу все забыть, кромѣ сей любви. Каковъ же былъ для нея ударъ, когда она съ шрепешомъ сердечнымъ, съ мечшами о сладоспной наградѣ, прибывъ въ Дрезденъ, узнала на порогѣ Папкулева жилища, что онъ сговоренъ на Ейнзидель! Эша вѣспъ была для нея ударомъ громовымъ. Нѣсколько дней ходила она,

какъ полоумная, безъ сна, безъ пищи; мальчишки начали бросать въ нее грязью, привѣпствуя ее именемъ дурочки; со-спрадапельныя сердца готовились при-спроить ее въ домъ ума-лишенныхъ. Въспѣ о несчастіи Пашкуля оживила ее; все къ ней возвратилось: разумокъ, силы шѣлесныя и душевныя, воля все побѣжда-ющая — воля любви. Прекрасная Ейнзидель долго плакала по женихѣ своемъ (говоряшь, что она и теперь не заму-жемъ!); Роза дѣйствовала. Давши руку Фрицу на жизнь и смерть для спасенія челоуѣка, имъ столь драгоцѣннаго, она не словами, а дѣломъ начала доказывать свои чувствованія. Никласзонъ взялся также имъ помогать, какъ онъ говорилъ, въ изъявленіе признапельности за вели-кія благодѣянія, оказанныя ему Пашкулемъ.

»Труды ихъ не остались тщепными. Роза умѣла подъ видомъ шорговки сыромъ пробраться въ крѣпость, найдши до-ступъ къ Коменданшу и наконецъ къ зашворнику. При свиданіи съ Пашкулемъ,

она забыла его вины; благодарность, казалось, возвратила ей любовь друга, но это была только благодарность. На груди Розы несчастный вздыхалъ объ Ейнзидель. Комендантъ, изъ сожалѣнія ли къ своему плѣннику, или задаренный деньгами, началъ обходиться съ нимъ милостивѣе и даже позволилъ вести переписку съ доверенными ему особами. Слѣдствіемъ оной были жаркія представленія Посланниковъ разныхъ Дворовъ Саксонскому Курфирсту, въ томъ числѣ Князя Голицына, объ оскорбленіи, нанесенномъ Государямъ ихъ въ лицѣ представителя Русскаго Монарха. Августъ боялся Петра, боялся мнѣнія свѣта, и поному колебался-было освободить своего плѣнника; но сильнѣе усращенный новыми побѣдами Карла, оставилъ по прежнему Пашкуля въ заключеніи. Переписка открыта; плѣнникъ переведенъ въ Кенигштейнъ подъ спροжайшій присмотръ, а челолюбивый Комендантъ Зонненштейнскій казненъ. Мщеніе не извиняетъ жалости.

»Ты слыхаль, что такое Кенигшшейнъ: пвердыня на скалѣ неприступной, куда нога неприяшельская никогда не клала своего слѣда и, вѣроятно, никогда не положишь. И шуда умѣли пробраться любовь ^{Розы} ~~Ауиши~~ и вѣрность Фрица. Рассказываютъ, что Комендантъ Кенигшшейнскій, не смотря на ужасный примѣръ, въ его глазахъ совершенный, склонился-было за шельца золотого, сего идола большей части людей, освободить нашего дядю; но что Папкуль слишкомъ понадѣялся на заступленіе Петра, на важность своего сана и великодушіе Августа — и отка- зался купить себѣ свободу цѣною денегъ.

»Однажды, въ часъ свиданія, дорого купленный, Роза приноситъ плѣннику письмо — отъ кого, думалъ бы ты? — отъ Ейпзидель. Роза поймала въ глазахъ своего друга желаніе и спѣшила исполнить его; сходила въ Дрезденъ, объявила невѣстѣ Папкуля, что нѣсколько спрокъ ея руки ушѣшатъ затворника, получила отъ нея письмо, несла нѣсколько миль свинцо-

вое бремя у сердца своего и сію новую жертву положила къ ногамъ своего кумира, чптобы въ глазахъ его прочестъ себѣ награду. Я не прибавляю ничего; слова недостаточноны для пзъясненія сего подвига: швое сердце оцѣнишь его!...

»Бывъ въ свитѣ нашего Короля, я узналъ о започеніи дяди шолько въ Гупсдорфѣ, гдѣ Карль и Августъ имѣли свиданіе на кварширь нашего Министра Пипера. Не думай, чптобы два соперника, столь различные однако-жъ своимъ положеніемъ, сошлись шакъ близко для бесѣды о важныхъ дѣлахъ государшвенныхъ. Карль, послѣ обыкновенныхъ привѣшшвій съ обѣихъ споронъ, началъ разговоръ своими сапогами, продолжалъ сапогами и кончилъ ими же. Не шмошря, чпто рѣчь шла шолько о ногахъ, Августъ долженъ былъ снять съ головы корону и, скрѣпя сердце, поздравить съ нею новаго Польскаго Короля, указаннаго мечемъ побѣдителя. Эшимъ свиданіемъ рѣшена и передача нашего дяди въ полное

распоряженіе Карла. Я попытался просить Его Величество о помилованіи; но онъ былъ неумолимъ. Сѣверный левъ не могъ удержашь своего воспорга, что поймалъ жертву, споль долго издѣвавшуюся надъ его силою; онъ рѣшился продлить еще на нѣсколько времени жизнь ея, чтобы насладиться долѣе своимъ мщеніемъ. Повѣришь-ли, какъ былъ низокъ великій Карль XII въ сіи минуты! . . . Если попадущся Его Величеству эти строки, пускай насытитъ онъ вновь жажду крови надъ благороднымъ Лифляндцемъ, не разъ проливавшимъ ее за него.

(Здѣсь рукою Карла XII написано было: *Читалъ сіи строки и велѣлъ доставить письмо по адресу. Траутфеттеръ — не Паткуль.*)

»Опрядъ Шведскій подъ начальствомъ двухъ Лифляндцевъ (Барона Ропгаузена и Капишана Сшакельберга) принялъ въ свое завѣдываніе Паткуля и отвелъ его въ Рейхардсгриммъ, гдѣ находилась Шведская главная кваршира. Королевское

мщеніе, поручивъ надзоръ за плѣнникомъ Лифляндцамъ, казалось, хотѣло посмѣяться надъ опечесствомъ нашимъ. Бѣдная Лифляндія! Мало тебѣ, что за твою вѣрность предали тебя огню и мечу непріятельскому; надъ тобою еще безспыдно ругаюся. Но — Богъ милосливъ: часъ твоего избавленія наступаетъ.

»Другъ мой! я видѣлъ его — сердце замираешь отъ одного воспоминанія сего зрѣлища — я видѣлъ благороднѣйшаго изъ Лифляндцевъ, прикованнаго къ позорному столбу. Капитанъ дежурный не могъ отказать мнѣ въ семъ свиданіи; но легче-бъ мнѣ было не изпрашивать его. Сраданія испомили тѣло несчастнаго; онъ походилъ на мершвеца; ржавина желѣзъ въѣлась въ его руки; но какой сильный духъ еще въ немъ обиталъ! Рыдая, палъ я въ его объятія. — »Другъ мой!« сказалъ онъ: »ты плачешь, увидя меня въ такомъ положеніи. Знаешь ли, что это цѣпи — мое шоржество? Это обрывокъ нѣхъ цѣпей, которыми я опушалъ вашего

Карла и подъ копорыми онъ скоро изне-
можешь. Звукъ ихъ» — прибавилъ онъ,
гремя желъзами — »есть опголосокъ міра,
приговоръ попомства несправедливой вла-
сти. Свѣшь былъ ослѣпленъ на счешъ
Карла XII: я доказалъ, что можно его по-
бѣдишь; мой плѣнь открылъ глаза свѣшу.
Слава его пала навсегда — навсегда! не
воскресяшь ее тысячи побѣдъ. Напро-
шивъ, моя возвышается эшимъ унижені-
емъ, эшими цѣпями; онъ говоряшь силь-
нѣе за меня, нежели самое предшашель-
ство Петра Великаго и Дворовъ Евро-
пейскихъ. Впрочемъ, я не потерялъ еще
надежды. . . Да! голосъ Великаго не хода-
шайствуетъ нигдѣ вообще! Но если по-
гибну жертвою мщенія, то завѣщаю бу-
дущимъ вѣкамъ позоръ Карла XII и вели-
чіе моихъ несчастій. Лифляндія! о мое
опечество! я желалъ тебѣ добра: без-
корыстный защитникъ твоихъ правъ
это доказалъ; я желаю тебѣ добра! — бу-
душъ послѣднія слова, копорыя произне-
су, умирая за тебѣя.

»Несчастный говорилъ много, съ необыкновенною силой и жаромъ, будпо проповѣдывалъ міру великую истину; глаза его горѣли, грудь сильно поднималась. Звуки цѣпей, по временамъ попрысаемыхъ, казались мнѣ громовыми пекспами, коими онъ придавалъ своей проповѣди особенную силу. Вдругъ, посреди его движеній, сушавъ на одной рукѣ его ошь худобы хруспнулъ, кисть сдвинулась съ мѣспа.—

»Другъ мой!« сказалъ онъ довольно швердо: »справь мнѣ руку, по-солдашки. Это не въ первый разъ!« Скрѣпя сердце, я взялъ на себя должностъ коспоправа и помогъ несчастному, сколько умѣлъ.—

»Какъ шѣло немошно! прибавилъ онъ: »одно легкое движеніе измѣняетъ его; но духъ — о! его перенесу я съ земли къ ногамъ Творца моего въ цѣлоспи, въ шомъ видѣ, въ какомъ получилъ его ошь Творца!..« Потомъ разспрашивалъ онъ меня долго о шебѣ, объ Луизѣ; присовокупилъ, что онъ не будешъ спокоенъ п на шомъ свѣшѣ, если швоя судьба не устроится

по обѣщанію его и своему желанію. —
»Густавъ любилъ такъ много и равно
любимъ« сказалъ онъ, тяжело вздохнувъ.
»Мнѣ писали, что одна особа, близкая
Царю, продолжаетъ устраивать его сча-
стіе. Ахъ! и я думалъ наслаждаться по-
добнымъ счастіемъ!... Другъ мой! если
будешь въ Дрезденъ, скажи моей Ейнзи-
дель, что я, умирая, думалъ объ ней, что
у позорнаго столба... Нѣтъ, нѣтъ, не
говори послѣдняго! Робкая любовь ея
вообразить себѣ всѣ ужасы моего поло-
женія, и Папкуль предстанетъ ей въ
видѣ презрѣнномъ, ужасномъ... Презрѣ-
ніе!.. Мысль объ этомъ чувствѣ пово-
рачиваетъ вверхъ-дномъ все мое суще-
ство. Спроси, дружба, не боясь та-
кого зрѣлища, какое собою теперь пред-
ставляю; но его испугается чувствованіе,
воспитанное въ нѣгѣ, въ роскоши
придворной, окруженное лучами славы и
удовольствій. Скажи только моей невѣ-
стѣ, что ея воспоминаніе обо мнѣ усла-
дитъ послѣднія минуны моей жизни.« Изъ

очей несчастнаго закалили слезы на изсохшую грудь его и опшуда пали на желзо. Я плакаль съ нимъ вмѣстѣ.

»Голось дежурнаго офицера прекратилъ нашу бесѣду. Насъ разлучили. — При выходѣ изъ сарая (не лзя было иначе назвашь мѣсто, гдѣ содержался Пашкуль) я встрѣшилъ добраго Фрица и подлѣ него увидѣль Розу — можно было угадать сейчасъ это дивное твореніе — сидѣвшую на голой землѣ, сложивъ голову на грудь и пошупивъ томные взоры шуда, гдѣ душа оставляетъ навсегда свои плесныя оковы. Повѣришь ли, милый другъ, что она съ Фрицомъ опкупила себѣ мѣсто подлѣ шюрмы, или большими деньгами, или шрудами, несвойшвенными ея полу? Присовокупи къ эшимъ жертвамъ грубыя ласки и насмѣшки солдашчины. . . . Какъ скоро имя дяди нашего коснулось ея слуха, она встрепенулась, начала ловишь въ глазахъ моихъ чувствованіе, которое я несъ изъ започенія несчастнаго, и съ жаднымъ вниманіемъ при-

слушивалась къ нашему разговору. Видно, что сильная любовь особенно изощряешь чувства; ибо нѣкоторыя слова, сказанныя мною такъ тихо, что шарикъ, подлѣ меня стоявшій, едва могъ ихъ слышать, оппечашывались вѣрно на лицѣ ея. Прелестное душою и тѣломъ твореніе! ты достойна была-бъ лучшей участи.

— »Фрицъ намекнулъ мнѣ о надеждѣ... Высшая власть уже приговорила Пашкуля къ казни; между тѣмъ, для обряда, какъ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, желая казаться справедливою, приказала Военному Суду заняться процессомъ несчастнаго. Можно было заранѣе угадать, какое зрѣлище послѣдуетъ за этой комедіей!...

»Изъ Саксоніи вывезли Пашкуля въ закрытой повозкѣ, въ которой проверчено было нѣсколько скважинъ для воздуха. 30 солдатъ полку Генерала Мейерфельда, состоявшаго изъ однихъ Лифляндцевъ, прикрывали его пупешествіе въ Польшу. 27 Сентября долженъ былъ печальный

поѣздъ прибыть въ Казиміръ, гдѣ 30 числа назначено колесовать несчастнаго.

»На другой день по прибытіи Пашкуля въ Казиміръ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ городовую шюрму, полковой Священникъ Магистръ Гагенъ, получивъ тайное повелѣніе приготошить его къ смерти, пришелъ къ нему въ 3 часа по полудни. Явленіе духовной особы изъяснило несчастному его судьбу. — »Я пришелъ утѣшишь васъ дарами Священнаго Писанія« сказалъ Гагенъ. — »Благодарю васъ, отецъ мой!« отвѣчалъ Пашкуль дрожащимъ голосомъ, взявъ его за руку: »съ эшимъ вмѣстѣ несете вы мнѣ, конечно, другія важныя вѣспи.« Гагенъ поклонился офицеру, шупъ-же находившемуся, шепнулъ ему что-то на ухо и, когда онъ вышелъ, обратился съ чувствомъ и твердосію къ дядѣ нашему. — »Выслушайте отъ меня, благороднѣйшій господинъ, то, что произнесъ некогда Пророкъ Исаія Царю Езекию: *устрой свой домъ, ибо ты долженъ умереть* и до вечера завпрашняго-жъ

дня оставишь міръ сей.» Эша вѣснь, казалось, поразила узника, неперявшаго до сего времени надежды; онъ бросился на постель и плакалъ. Но это малодушіе было только мгновенною данью природѣ. Вскорѣ успокоился онъ, прислѣлъ на скамейку къ Пастору и съ краснорѣчіемъ, ему свойственнымъ, излилъ передъ нимъ оправданіе своей полищической жизни. — »Несправедливая редукація и личная ненависть временщика, Гаспфера, вопь мое прешупленіе!« говорилъ онъ: »Швеція упрекаетъ меня, что я пошелъ служишь ея непріятелямъ. Но оставилъ ли я ее, счастливый, въ чесняхъ, съ насмѣшками и угрозами? Я бѣжалъ изъ нея, какъ изгнанникъ, спасая свою голову. Куда было дѣваться мнѣ? не въ землю-жъ укрышься! По вѣрь своей, и въ монастырь не могъ я найдши убѣжища. Я все употребилъ, чшобъ умилоспивишь двухъ Королей; но мою преданность, мою покорность презрѣли. Не эшого хощѣла самолюбивая власть: она хощѣла примѣрно

наказать меня за то, что я осмѣлился возвысить предъ нею голосъ на защиту правъ моего отечества, что я вздумалъ изобличить несправедливость ея избранныхъ и ея самой. Въ позорѣ и смерти моей видѣла она свое личное торжество и уничтоженіе смѣлой истины. Видно, правдѣ не удержаться никогда на...» Здѣсь духовникъ прервалъ Папкуля, напомнивъ ему, что не время заниматься дѣлами земли. Осужденный съ жаромъ взялъ руку Гагена и сказалъ: — »Дайте мнѣ малый срокъ заплашите дань земному; послѣ того не услышите отъ меня ни слова о презрѣнныхъ вещахъ сего міра.« Папкуль говорилъ еще о своихъ услугахъ Прусскому Королю и Римскому Императору; говорилъ, сколько тысячъ палеровъ роздалъ онъ Шведскимъ плѣннымъ въ Москвѣ, разразился негодованіемъ на малодушіе Августа и наконецъ, починая себя оправданнымъ въ своей политической жизни, оппустилъ духовника до ближайшаго свиданія.

Въ 7 часовъ вечера Гагенъ посѣшилъ опять узника. На эготъ разъ засталъ окъ его совершенно успокоеннымъ. — «Добро пожаловать! сказалъ Пашкуль съ веселымъ видомъ. »Вы, какъ Ангелъ Божій, приходите къ затворнику. Съ сердца моего спало тяжелое бремя; я чувствую въ себѣ большую перемѣну. Радуюсь, что долженъ умереть: неволя мучительнѣе смерти! Лишь бы смерть была скорая!... Не знаете ли, къ чему я приговоренъ?» Гагенъ отвѣчалъ, что приговоръ оспается для него тайною и только извѣстенъ высшему начальнику. — «Ахъ! и это почишаю милостью!» воскликнулъ несчастный. »По крайней мѣрѣ, сдѣлаютъ ли мнѣ судебнымъ порядкомъ допросы?» — «Думаю, возразилъ Магистръ, что вамъ *все* объявятъ на лобномъ мѣстѣ.» Послѣ сихъ нерѣшенныхъ вопросовъ, осужденный занялся съ нимъ духовною бесѣдою. — «Пушемъ шерновымъ должны мы идти въ царство небесное» говорилъ онъ. »Я увѣренъ, что страданія

міра сего ничтожны въ сравненіи съ блаженствомъ, ожидающимъ насъ за предѣлами гроба.»

»На предложеніе духовника сдѣлать передъ смертью какое-либо письменное распоряженіе, дядюшка попросилъ бумаги и приборъ для письма, и когда подали ему то и другое, продиктовалъ Гагену духовное завѣщаніе, коимъ опказывалъ шрешью часть своего движимаго имущества* вѣрному и преданному Секретарю Никласзону; другую часть назначалъ на выкупъ родоваго имѣнія въ Лифляндіи съ тѣмъ, чтобы оно перешло къ ближайшимъ наслѣдникамъ завѣщателя, а остальную часть — ты опгадаешь, любезный другъ, что онъ не забылъ насъ въ семь случаѣ. Подписавъ завѣщаніе и передавъ его духовнику, онъ задумался; попомъ глубоко вздохнувъ и качая головой, про-

* Почти все оное находилось въ долгу за Августомъ, кошорый никогда не думалъ уплатить его. Не мудрено, что сей долгъ служилъ однимъ изъ низкихъ побужденій выдашь Пашкуля.

изнесъ: — »Да, да! въ отечествѣ своемъ и на чужбинѣ Папкуль имѣешь друзей, которые будутъ жалѣть о немъ. Что скажешь о моей смерти старая Курффирспина и... (со слезами на глазахъ договорилъ онъ) моя бѣдная невѣста?... Ради Бога, отецъ мой, передайте Амаліи Ейнзидель мой предсмертный поклонъ... Обѣщаете ли?« Магиспръ далъ слово выполнить его желаніе. (О Розѣ не было слова; но въ тайной исповѣди его грѣховъ сія несчастная жертва, конечно, заняла первое мѣсто.) Тутъ узникъ не безъ труда убѣдилъ своего духовника, въ знакъ благодарности за усердное напущеніе изъ сей жизни въ другую, принять отъ него сто червонныхъ и сверхъ того подарилъ ему рѣдкое изданіе Ветхаго Завѣша, которое, какъ онъ изъяснилъ, было лучшимъ его успѣшеніемъ въ черные дни его жизни. Побесѣдовавъ еще о разныхъ благочестивыхъ предметахъ, дядюшка изъяснилъ желаніе успокоиться. — »Мнѣ нужно сномъ подкрѣпить шѣло

свое,« сказалъ онъ: »ибо завтра долженъ я бодрствовать.« Духовникъ оставилъ его одного.»

Продолженіе письма было написано не рукою Адольфа; вошь его содержаніе:

Милоспивый Государь!

»Нѣшь нужды сказывать вамъ мое имя; оно покуда оспанешся для васъ пайною. Довольно вамъ знать, что я пріятель вашего брата, что онъ, бывъ неожиданно пошребованъ Королемъ, съ которымъ и опсправился въ Польшу, не успѣлъ, по сему случаю, кончить письмо свое къ вамъ и просилъ меня сдѣлать это вмѣсто него. Исполняю волю вашего брата; продолжаю его повѣствованіе, и сказанными пущами опсправляю письмо къ вамъ.

Вслѣдъ за шѣмъ, какъ духовникъ вышелъ отъ Папкуля, Никласзонъ тихими стопами вошелъ къ нему и опкрылъ, что преданные ему все приготовили къ его спасенію. Сія неожиданная вѣсть сна-

чала перепугала Пашкуля: совсѣмъ приговорясь къ смерти, споя уже одною ногой на порогъ гроба, онъ, казалось, неохотно возвращался назадъ. Но друзья его сдѣлали такія большія пожертвованія, жизнь взглянула ему въ лице черноогненными глазами Ейнзидель, ведя за собою сполько радостей; насмѣшка надъ власполюбіемъ Карла еще льстила ему такъ много, что онъ согласился съ волею своихъ друзей.

— Буду готовъ! сказалъ Пашкуль, опущая своего бывшего Секретаря, и жизнь съ мечтами любви и честолюбія разыгралась снова въ этой пламенной душѣ.

Выше объяснено, что Мейерфельдскій полкъ сосполялъ весь изъ Лифляндцевъ. Негодованіе и сожалѣніе одушевили ряды ихъ; многіе изъ нихъ грсрко вопіяли прошивъ жестокости Короля; во всю дорогу изъ Саксоніи до Казиміра оказываемо было плѣннику снисхожденіе разнаго рода;

друзьямъ его позволено съ нимъ видѣться и бесѣдовать; изъ скважинъ въ его повозкѣ подѣланы окна; пища давалась ему самая вкусная: дорогой онъ видимо оправился. Наконецъ составленъ заговоръ спасти осужденнаго; но какъ все еще ожидали милости Королевской, о коей доходили слухи во время путешествія, то и опложили привестъ сей заговоръ въ исполненіе уже по прибытіи въ Казимірь.

Все слажено къ вечеру 29. Въ эту роковую вечеръ должна рѣшиться судьба Пашкуля.

Вотъ планъ заговора: Роза каждое утро и вечеръ посѣщаетъ заключеннаго; ее пропускаютъ по обыкновенію. За корсешомъ у ней двѣ пилы; одною рушатся желѣзы на плѣнникъ, другою — слабая рѣшешка изъ двухъ связей у окна шюренаго. Бечевку, копорую она прикрѣпитъ подъ свое плашье, спускаетъ въ окно. Внизу, у стѣнъ шюренихъ, Фрицъ привяжетъ къ концу бечевки веревочную

льспинцу. Бѣикія лошади разставлены, гдѣ нужно; дежурный офицеръ, неподкупный ни съ какой стороны, упошчиванъ въ виноградникахъ Господнихъ. Спража, копорая, по разчисленію времени, должна стоятъ у дверей Пашкулевоѣ комнашы и годъ окномъ ея, у спѣтъ пюремныхъ, предалась всею душею заговорщикамъ. Побѣгъ обезпеченъ: Никласзонъ усмалъ дорогу червонцами.

Главное дѣло должна совершить Роза. Присшупая къ нему, она падаешъ на колѣна и, возведя къ небу полныя слезъ глаза, молишь Бога объ успѣхѣ. — »Дай мнѣ спаси его!« восклицаешъ она, »и попомъ я умру спокойно! Мнѣ, мнѣ будешъ мой Фишерлингъ обязанъ своимъ спасеніемъ; онъ вспомнишь обо мнѣ хошь погда, когда меня не спанешъ; онъ скажешъ, что никто на свѣтѣ не любилъ его, какъ я!«

Было къ 9 часамъ вечера. Роза подходитъ къ пюръмъ; сердце у ней бьешся необыкновенно. Она сказываешъ нароль

спражѣ у входа; ее пропускають. Но въ караульнѣ на встрѣчу ей дежурный Капишанъ, исполинъ, плечистый, рыжеволосый, опекшій отъ вина. Огонь, горѣвшій въ сальной плашкѣ, бросалъ полусвѣтъ кругомъ себя и только изрѣдка, забравъ вдругъ болѣе пищи въ свѣшляню, ярко вспыхивалъ. Тогда высвѣтлялись ломанными чертами по изувѣченное въ бояхъ лице ветерана, изображавшее охуденіе и грусть, по улыбка молодаго его товарища, искосившаго сладострастный взглядъ на обольстительную девушку, по на полномъ, глупомъ лицѣ рекрута страхъ видѣть своего начальника, а впереди гигантская, пьяная фигура Капишана, поставившаго надъ глазами щипомъ огромную, налишную спиртомъ руку, чшобы видѣть лучше предъ собою, и наконецъ посреди всѣхъ блѣдное, но привлекательное лице Швейцарки, рѣзко выходившее изъ всѣхъ предметовъ своими полуизмятыми прелеснями, страхомъ и неперпѣіемъ, полнившимися въ

ея огненныхъ глазахъ, и одеждою, чуждою странѣ, въ которой происходила сцена. Но когда свѣсъ въ плоскѣ ослабѣвая, шрепешаль, какъ крылья приколо-той бабочки, тогда всѣ фигуры погру-жались въ какую-то смѣшанную, уродли-вую группу, копорая представляла ска-чущую Сашурналію и надъ нею господ-ствующую широкую шѣнь исполина-Капитана.

— Милоспи просимъ, милоспи про-симъ, залетная райская пшашка! сказалъ онъ, устремивъ на дѣвушку помущившіеся взоры: что къ намъ послѣ зари попало въ западню, по наше по всѣмъ правамъ... Чоршъ меня побори, да я шакой красоп-ки давно не видалъ!

— Ваше благородіе! — сказала Роза голосомъ, въ коемъ выражались смущеніе и боязнь подпастъ гнѣву ея власпише-ля — позволъше мнѣ къ заключенному... вамъ извѣстно... я, презрѣнная шварь, люблю... связи давнишнія...

— Ого! знаемъ всѣ ваши шашни! пре-

рваль, смѣясь во все горло, Капитанъ. Только-что вышелъ ошъ Превосходительнаго нашего арестанта цѣлишель душъ, какъ является врачъ. . . Гмъ! гмъ! Ну, конечно, оно легче ошправляться на шопъ свѣшъ. Чшобы меня самый главный изъ чертей, Баропъ, Графъ, Князь-чоршъ заполонилъ, коли я лгу! Если бы мнѣ пришлось знать свою смерть за нѣсколько часовъ, я сдѣлалъ бы на оборотъ.

— Вы такъ добры, вы такъ милосщивы. . . говорила Роза, сложивъ свои руки въ видѣ моленія. Она стояла на раскаленныхъ угольяхъ; но сойдти съ нихъ не было возможности; ибо своевольный Капитанъ, спазвивъ съ нея неосторожно косынку, положилъ широкую, налишую виномъ руку свою на плечо дѣвушки, бѣлое, какъ выпоченная слоновая кость. Это былъ прессъ, изъ-подъ котораго трудно было освободиться.

— Ну, Превосходительная, поцѣлуй за пропускъ. . .

Каждый мигъ дорогъ; разсуждать не-

когда — Роза исполнила волю пьяного деспота, и думая, что эпимъ умилоспивила его, сдѣлала движеніе впередъ; но Геркулесь пашъ обнялъ дѣвушку такъ крѣпко, что пины, бывшія на ней, вонзились въ грудь и расперзали ее.

Роза вздрогнула, выдираясь изъ объятій Капитана. Адъ былъ въ груди ея; но она выдавила улыбку на свое лице, называла мучителя милымъ, добрымъ господиномъ, цѣловала его поганья руки.

— А вошь сейчасъ, касачочка! Не думай однако-жъ, чтобы прелести твои насъ такъ ослѣпили, что мы забыли службу Его Королевскаго Величества, нашего всемилоспивѣйшаго... Чортъ по-бери, не несешь ли чего запрещеннаго колоднику?

У спѣнь пюремныхъ раздался съ премея перерывами голось часоваго: это былъ знакъ, что все изгошовлено Фрицомъ. А Роза еще ничего не сдѣлала! Она запрепешала всѣмъ шѣломъ; изъ раны на груди кровь забила ключемъ. Не смопря на свои

спраданія, она старалась оправиться и отвѣчала довольно твердо: — Развѣ я полоумная? развѣ мнѣ висѣлица мила?

— О! мы не допустимъ до чужихъ зубковъ такое сладкое яблочко. Мы аркибузируемъ тебя сами, понимаешь... по военному регламенту... пунктъ... (Капитанъ приставилъ полсшый перстъ къ своему лбу) діаволь поberi всѣ пункты! ихъ столько вершился въ глазахъ моихъ... Гей! Капраль! по которому?...

— Нашъ регламентъ приказъ начальника! отвѣчалъ браво усастый Капраль.

— Славно отвѣчалъ! Люблю молодца. Ну!...

Капитанъ показалъ головою и рукой, чшобы раздѣли Швейцарку.

— Позвольте-жъ, я сама... перервала Роза, опшпалкивая перваго, подошедшаго къ ней солдаша, съла проворно на скамью, скинула башмакъ, пошомъ чулокъ... онъ былъ полонъ крови!

— Кровь, ваше благородіе! закричалъ солдатъ.

— Кровь! кровь! подпвердилъ, качая головой, Капишанъ: что это такое?

— Вотъ видите, отвѣчала запинаясь Роза, у меня проволока... по нашему Швейцарскому обычаю, въ корсетѣ... а вы господинъ, Богъ вамъ судья! такъ крѣпко меня обняли... Ахъ! сжалъсь, ради Создателя, сжалъсь...

— Фу! пропустишь ее! заревѣлъ Капишанъ, и Роза, помня только о спасеніи милаго ей человека, бросилась, босая на одну ногу, въ двери, которыя вели, черезъ корридоръ, въ комнату Пашкуля.

Въ корридорѣ встрѣтили ее насмѣшки и проклятія нѣсколькихъ преступниковъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ. Ужасныя лица ихъ рассказывали вѣрно ихъ злодѣянія. — Полиціи правды! говорилъ одинъ душегубецъ: насъ морятъ съ голоду; а у Пашкуля — чѣмъ онъ лучше насъ?... измѣшникъ!... у него безпрестанно пиры да банкеты! То лешають

сладкія кусочки и сшклянки, по шныряюшь пріятели, да дѣвки. . .

— Не шюрма, а рай! прибавилъ другой, разбойничавшій на большихъ дорогахъ: эхъ, пріятель! давно говоряшь, что правда сгорѣла.

Роза мелькнула мимо нихъ проповѣдниковъ истины. Слово спражѣ у одной двери на концѣ корридора, и — въ комнату Пашкуля.

— Роза! . . . могъ только вымолвишь несчастный ошъ пзбышка и смѣси разпыхъ чувстввованій, поднявъ взоры и руку къ небу.

Награда ея была въ немъ самомъ; а онъ, неблагодарный, показываль на небо! . . .

Мысль о спасеніи помушила взоры Пашкуля; онъ не замѣшилъ крови на ногѣ избавительницы своей. Роза имѣла предосторожность вышереть пилу, которую ему подала.

Онъ становишся у окна, Роза — у ногъ его. Принимаюшся за работу. Пилы ходяшь усердно. Звено, прикрѣпленное къ

одной ногѣ плѣнника, уже разрушено; распиlena и одна связь въ окнѣ. Надежда придаетъ силъ Папкулью; онъ загибаетъ конецъ связи и принимается за другую. Роза шрудится также надъ другимъ звеномъ, обнявъ крѣпко ногу своего друга.

— Цсъ! говоритъ вполголоса Папкуль, дрожа всѣми членами: будто спража у дверей смѣняется!...

Сердце замираетъ у Розы; она боится пошевелишься; она вся претворилась въ слухъ.

Все тихо.

— Ничего!... шебѣ почудилось!... опшвѣчаетъ она послѣ нѣсколькихъ мгновений молчанія, облегчивъ грудь вздохомъ, и снова пины живо ходяшь по желѣзу. Но шумъ работа идетъ медленнѣе: силы ея ослабѣли опъ шруда, потеря крови и шпраха опоздашь.

Вдругъ двери тихонько опворились и зашворились. Папкуль этого не видалъ;

но Роза... она видѣла, или ей показалось, что она видѣла...

— Это страхъ дѣйствуетъ! это мечта! думаешь она, и шилишь, сколько силъ достаешь. Уже кольцо едва держишься къ цѣпи. Она просишь Папкуля рванушь его ногою. Онъ исполняетъ ея волю; но звено не ломается. Роза опять за работу. У плѣшника пила идетъ усиленно: другая связъ въ окнѣ распилена; бечевка черезъ него заброшена; слышно, что ее поймали... что ее привязываютъ... Роза собираешь послѣднія силы... вопшь, пила то поидетъ, то остановишься, какъ страхомъ задержанное дыханіе... вопшь нѣсколько движеній — и...

— И сквозь полураспворенныя двери выплывилась ужасная голова съ шрамомъ на лбу... запрыгали сѣроголубые глаза... и рассыпался адской хохотъ... Пошомъ? ... пошомъ молчаніе гроба!

— Измѣна! закричали подь окномъ — то былъ голосъ Фрица — и вслѣдъ за шѣмъ послышался выстрѣлъ...

Ударили тревогу.

Узникъ осполбенѣлъ. Сердце Розы поворошилось въ груди, какъ жерновъ; кровь заспыла въ ея жилахъ. . . она успѣла только сдѣлать полуоборотъ головою. . . въ какомъ-то безуміи устремила неподвижные взоры на дверь, раскрыла ротъ съ посинѣлыми губами. . . одною рукою она обнимала еще ногу Пашкуля, какъ будто на ней замерла; другую руку едва отдѣлила отъ звена, которое допивала. . . Въ этомъ положеніи она, казалось, окаменѣла.

— Ваше Превосходительство! произнесла сквозь полурастворенную дверь голова, на коей нѣжилась адская усмѣшка: паемщикъ вашъ, негодяй, которому, намызъ Г. Блуменшпроста, за кровные труды, обѣщали вы плюнуть въ лице и утереть ногою, пришелъ поблагодарить васъ за милости ваши. Покорнѣйшій вашъ слуга платитъ вамъ свой долгъ съ процентами. Мы расквитались, прощайте!

Это говорилъ Никласзонъ, предав-

нѣйшій, вѣрнѣйшій, покорнѣйшій Секретарь того, кто благодѣшельствовалъ ему во всю жизнь и еще недавно завѣщалъ прелесть своего имуществва, наравнѣ съ своими племянниками.

Демонское лице скрылось; но Пашкуль, будто оглушенный громомъ, стоялъ все еще на одномъ мѣстѣ.

Спража съ офицеромъ, вновь наряженнымъ, вошла. Роза въ безуміи погрозила на нихъ пилою, и голосомъ, походившимъ на визгъ, заговорила и заплѣла: Тише!... не мѣшайте мнѣ... я пилю, допилю, друга милаго спасу... я пилю, пилю, пилю... Въ это время она изо всѣхъ силъ пилила, вмѣсто желѣза, ногу Пашкуля; потомъ зашаталась, списнула его лѣвою рукою и вдругъ пала. Розу подняли... Она... была мершвая!

— Смерть! скорѣе смерть! воскликнулъ Пашкуль задыхающимся голосомъ; потомъ обратилъ мушныя взоры на бѣдную дѣвушку, сталъ передъ ней на колѣна, бралъ попеременно ея руки, цѣловалъ по одну,

шо другую, и орошалъ ихъ слезами. —
»Я погубилъ себя! кричалъ онъ: я, второ-
рой Никласзонъ! Господи! ты праведенъ;
ты взыскиваешь съ меня еще здѣсь. О
другъ мой! твоя смерть вырвала изъ мо-
его сердца всѣ чувства, копорья писалъ
я къ другой. Роза! милая Роза! у тебя
нѣтъ уже соперницы: умирая, я принад-
лежу одной тебѣ.«

Несчастному показалось въ эпошъ мигъ,
что теплота жизни заструилась въ рукѣ
дѣвушки, что она судорожно пожала его
руку. . . Онъ хочешь удержатъ эту теп-
лоту своимъ дыханіемъ. Напрасно! Роза —
смерть, вся. . . холодная смерть!

Офицеръ учтиво подошелъ къ Пал-
кулю и сказалъ ему: — Позвольте мнѣ
исполнить свою должность! — и попомъ
далъ знакъ головою солдатамъ. Два изъ
нихъ надѣли новыя цѣпи на плѣнника, дру-
гіе понесли изъ комнаты мертвое тѣло
Швейцарки, какъ поврежденную мрамор-
ную статую прекрасной женщины уно-
сятъ навсегда въ кладовую, гдѣ разбро-

саны и поношенные туфли и разбитые горшки.

Легко догадаться, что преданныйшій Секретарь Пашкуля былъ участникомъ заговора для того только, чтобы открыть его и заслужить новыя милости отъ Министровъ Августа. Награда превзошла его ожиданіе: онъ определенъ Тайнымъ Совѣтникомъ ко Двору Саксонскому.

На другой день казнили Пашкуля. . . во я избавляю васъ отъ описанія послѣднихъ минутъ его жизни. Спыдъ Карла совершился.

Такъ кончилось письмо къ Густаву; но я вижу, что эскимъ не опредѣлался отъ любопытства своихъ читателей. Со всѣхъ сторонъ слышу клики: подавай намъ Пашкуля на сцену лобнаго мѣста! на сцену! мы хотимъ изображенія послѣднихъ минутъ его жизни!

Случалось ли вамъ видѣть трагическаго актера, который, окончивъ свою роль,

сколько силъ и умѣнья его доспало, по опущеніи занавѣса вызывается неугомонными, безпардонными возгласами публики? Упомянутый, едва переводя дыханіе, актеръ является на сцену и лепечеть свою благодарность. Такъ и я, подобаясь разслабленному трагику, принимаюсь за перо, чтобъ исполнить волю своихъ чинашелей. Современность пребуешь сильныхъ потрясеній. Не знаю, удастся ли мнѣ произвестъ ихъ перомъ уже изшупившимся. Беру исторію въ помощь.

На другой день, рано по утру, не подалеку отъ Польскаго городка Казиміра, на площадкѣ, огражденной съ одной стороны лѣсомъ, съ другой стороны окойменной рвомъ дороги, собралось множество народа, чтобы полюбоваться, какъ будутъ колесованы и четвершованы измѣнника Шведскому Королю и вмѣстѣ Посланника отъ Русскаго Двора. Народъ жадничалъ смотрѣть эту пошѣху, какъ медвѣжьё правлю; всѣ шѣснились къ колесу и чешыремъ столбамъ, профѣямъ

казни, охраняемымъ шрема сшами конныхъ драгунъ. Были охотнички, плашившіе деньги и даже искавшіе рукожапія палача, чтобы стояшь поближе къ роковому колесу. Множество фюршпанокъ и нѣсколько колымагъ, въ которыя запряжены были спашные жеребцы, опягченные богашою сбруей, показывали, что не одна чернь пменемъ жадничала смопрѣшь на пиръ кровавый. Чепчики и шляпки, убранныя цвѣтами, также изрѣдка мелькали. Иногда раздавались знаки нетерпѣнія увидѣшь скорѣе жершву, по укромщались неучшпвымъ привѣтствіемъ Шведскихъ палашей. Недовольно, что зеленая площадка съ трехъ споронъ опдѣлялась черными спѣнами народа; самыя деревья унизаны были любонышыми.

— Каково окована гошовальця! сказаль споявшій впереди, неподалеку опъ колеса, человекъ большаго росша въ запачканной рубашкѣ, съ кожанымъ фаршукомъ: какъ въѣдешъ, такъ не бывало руки или ноги! — Ну, товарищъ! пере-

рвалъ другой въ бѣломъ зипунѣ, на коемъ цѣплялись еще кое-гдѣ спружки дерева: и дубъ-то опдѣланъ по желѣзу!

— Дѣло мастера боится, подхватилъ первой. Мы съ побой. . .

Откуда ни возмись Еврей, пряхнулъ своими песиками и, посмопрѣвъ сурово на мастеровъ, какъ бы хошѣлъ сказать: вы, Поляки, безъ моихъ денежекъ меньше, чѣмъ нуль! — околдовалъ ихъ симъ взоромъ шакъ, что они безмолвно пошупили свои въ землю и униженно сняли съ себя бѣлыя, валяныя шапки.

Подлѣ колеса стоялъ плечистый мужикъ съ звѣрскою рожей. Услышавъ похвалу орудію казни, онъ насмѣшливо оборотился къ панегиристамъ и съ высоты своего настоящаго величія удосшоилъ ихъ слѣдующею рѣчью: — Все зависишь отъ возничаго, которой будешь управлять колесницею. Можно заколдовать колесо и попомнишь — прибавилъ онъ, коварно улыбаясь — можно и разомъ отправишь!

— Казнь дѣлается не для пошѣхи исполнителей власти, а для примѣра общесвеннаго — сказалъ сердито школьникъ, высокій, сухощавый.

Палачъ важно посмощрѣлъ на него, какъ бы хотѣлъ выговорить: увидимъ!

Бѣдный Папкуль! кто подумалъ бы, что слово школьника, произнесенное не во время, усилилъ муки, тебѣ назначенныя?

Нѣсколько зрителей, окружившихъ Философа-смѣльчака, при взглядѣ его антагониста, отхлынули назадъ такъ, что они двое остались впереди сцены, измѣряя другъ друга неуспущивыми взорами, какъ гладиаторы передъ боемъ.

— Ахъ, Машка Божья! пицала толстая писарша, выдираясь локтями изъ толпы и шаца подругу: такая судьбина пала нашему Казимиру; а то, вѣдь, оборони Господи! должно было колесовать его въ Слупць.

— Невѣжа! продолжала она, измѣнивъ свой нѣжный голосъ на грубый и толкая

одного молодого человека, порядочно одѣшного: не имѣешь никакого уваженія къ званію.

— А что-жь, Пайна, не привиншила вельможнаго званія къ своему лбу? спросилъ хладнокровно молодой человекъ.

— Колесовашъ и четвершовашъ! подхватила подруга писарши, увлекая ее отъ ссоры, готовой возгорѣться. Вѣдь, казнишь-то будешь Генерала, измѣнщика, котораго бросилъ своего слугу изъ окна и зарѣзалъ любовницу.

— Не диво, что народъ кишмя кишитъ! А вотъ Маріанна, моя раба. Маріанна! Маріанна! пойдь сюда и осперегай насъ отъ грубіановъ.

Испившая служанка, съ подбитымъ глазомъ и босая, поспѣшила сдѣлать изъ себя щипъ противъ невѣждъ, которые осмѣлились бы обезпокоить ея Пайну.

— Чу! что-то кричатъ? не везуть ли ужъ его?... Умру съ тоски, коли не удастся его видѣть. Говорятъ, что у него на шеѣ боченокъ съ золопомъ, за

копорой онъ было-хопъль, Мати Божія! продашь своего Короля: колесо-шо проѣдешь по немъ, боченокъ разсыпишься, и тогда народъ смѣло подбирай червончики!

Между шѣмъ, какъ полкамъ народнымъ не было умолку, Папкуль просилъ духовника своего, прибывшаго къ нему въ чепыре часа упра, приспунишь во имя Христа Спасителя къ святому дѣлу, пока около шюрмы шумъ народный не увеличился. По принятіи Святыхъ Таинъ, онъ выглянулъ въ окно, посмопрѣлъ на восходящее солнце и сказалъ, вздохнувъ: — »Гдѣ-шо я буду при закашѣ швоемъ? . . . О! скорый, скорый изъ эшого міра суешь, гдѣ каждый мигъ для меня песносень! скорый къ тебѣ, о моя Роза, мой Фрицъ!« Когда-жъ услышалъ шумъ колесъ, приближавшійся къ шюрмѣ, онъ прибавилъ: »слава Богу, спѣшатъ!«

Караульный Поручикъ явился. Папкуль надѣлъ епанчу и вышелъ за духовникомъ своимъ, окруженный спражею.

Проходя корридоромъ, онъ невольно взглянулъ сквозь распворенную дверь въ какой-то подвалъ, довольно освѣщенный, чпобы видѣшь все, что въ немъ происходило, и глаза его встрѣшили... Боже мой! шѣло несчастной Розы лежало на двухъ скамейкахъ; грудь ея была взрѣзана... и человѣчекъ, примѣшный полько своимъ пунцовымъ носомъ, возилъ съ окровавленнымъ ножемъ и рукой въ широкой ранѣ, въ которую глазъ непосвященнаго боялся бы взглянуть: такъ отвращительна для человѣка внутренность человѣка! Свѣшь отъ лампы скользиль на оконечностяхъ лица Швейцарки, завостренныхъ смертію, падалъ на черныя, длинныя косы, смешавшія при движеніи лекаря пыль съ пола, на уста, подернутыя землею, исперзанную грудь и будто изъ воска вылипую ногу, опоясанную черною кровью. На спѣнѣ висѣла соломенная шляпа, увитая цвѣтами... Какъ хороша была нѣкогда Роза въ этой шляпѣ! На эшихъ чертахъ останавливался

спрасный вѣзоръ любовника; эти черныя косы расплетала, рѣзвась, его рука, или нѣжилась въ шелковыхъ кудряхъ; на этихъ устахъ упивалась любовь; эту ногу покрывали жаркіе поцѣлуи — а теперь... служилель Ескулана бормочеть надъ Розою опходную Лапынь, и опъ всего, что она была, несеть меривецомъ.

Ивошь Красота!...

Въ углу подвала, на соломе, лежало шѣло Фрица, покрытое солдатскимъ плащемъ: — награда за вѣрность!

— Пощадите, если вы не звѣри! ради Бога, пощадите! вскриталь Пашкуль, силась бросишья въ подваль. Спража его удержала; ему даже не дали проспишья съ друзьями своими.

Лекаръ, испуганный крикомъ несчастнаго, оставилъ на минушу свои заняшя, покачалъ головой и потомъ снова прился попросишь Розу, доискиваясь въ ея виупренности тайны жизни, какъ въ древнйя времена жрецъ читалъ тайны

Провидѣнія въ жершвѣ, принесенной его Божеству.

Не слыхаль Пашкуль, какъ его посадили въ повозку; не видалъ, какъ мчалась она, въ сопровожденіи сильнаго коннаго опряда, сквозь аллею народа. Когда его вышацили изъ повозки, подвели къ колесу и сняли съ него цѣпи, онъ запрепешалъ и сказалъ духовнику судорожнымъ голосомъ: — Теперь-шо, господинъ Пашпоръ, молише Бога, чшобъ Онъ подкрѣнилъ меня!

Приготовляясь къ зрѣлищу казни, народъ шумѣлъ и, казалось, ожидалъ чего-то веселаго; но, увидѣвъ жершву, онъ былъ обьяишъ сожалѣніемъ и спрахомъ. Человѣчество взяло назадъ свои права. Все замолкло.

Наряженный въ экзекуцію Капитанъ (Валдау) вынулъ изъ кармана бумагу и прочель по ней громогласно: »Да будешь »вѣдомо всѣмъ и каждому, что Его Величство, Всемилоспивѣйшій нашъ Государь. . . «

— Хороша милость! воскликнулъ прощически Папкуль, пожавъ плечами и взглянувъ на небо.

Капишанъ, смущенный симъ восклицаніемъ, оспановилъ-было среди своей рѣчи, но, пошчасъ оправившись, продолжалъ: »нашъ Всемилоспивѣйшій Государь, Карль XII, повелѣлъ сего измѣнника опечесству. . .«

При словѣ: *измѣнникъ*, Папкуль вскричалъ съ негодованіемъ: — Не правда! я служилъ опечесству своему слишкомъ усердно и вѣрно.

Капишанъ старался заглушить сіе восклицаніе, продолжая чипашъ громче: »колесовашъ и чепвершовашъ за его прескупленіе въ примѣръ другимъ, да спрашится каждый измѣны и служите вѣрно своему Королю.«

Осужденнаго раздѣли и привязали къ чепыремъ сполбамъ. Духовникъ просилъ зришелей чипашъ вслухъ молишву: *Отче нашъ!* — Да, сказалъ Папкуль, молишесь, друзья мои, молишесь!

И народъ прерывишнымъ голосомъ молился. Спенанія, жалобы, вздохи, спояли въ воздухъ.

Послѣ перваго удара колеса несчастный простоналъ: — Господи, помилосердуй! — За каждымъ ударомъ спрадалецъ призывалъ имя Бога, пока обѣ руки и ноги были раздроблены. 15 ударовъ — бышописашели и о числѣ ихъ споряшъ — 15 ударовъ нанесены ему шакъ неловко, или съ шакою адскою пошѣхою, что онъ и послѣ нихъ оштался живъ. Капитанъ сжалился надъ несчастнымъ и закричалъ палачу, чтобы онъ проѣхалъ колесомъ по груди. Пашкуль бросилъ взоръ благодарности на офицера и жалобно завонилъ: — »Скорый голову! голову!« Между шѣмъ, какъ, по приказанію Капитана, палачъ собирался присунуть къ рѣшительному удару, несчастный собралъ всю свою жизненность и самъ положилъ голову на плаху.

Въ это время кумушки прикусили языкъ; мастера, шрудившіеся надъ колесомъ,

поглядѣли, какъ полошно; жидъ песиками своими ушпралъ слезы; вся масса народа безмолвствовала, какъ будто вмѣстѣ съ Паткулемъ положила свою голову на плаху.

Изъ рта у него хлынула кровь. — «Плюю въ лице Карла... Ейнзи...» — прохрипѣлъ спрадалецъ... Палачъ ударилъ разъ, два, три, и голова опвалилась. Послѣ того шуловище, разрубленное на чешыре часпи, вопкнуто на чешыре высокія копья, поставленныя въ одинъ рядъ. Голова имѣла почешъ; ее вонзили на особенной шешъ.

«Расперзаннныя члены Паткуля» — говорилъ Вольперъ — «висѣли на столбахъ до 1713 года, пока Августъ, снова вступивъ на Польскій престоль, велѣлъ ихъ собрать. Ихъ доставили въ ящикъ въ Варшаву. При этомъ случаѣ находился Бюзенваль, Посланникъ Французскій. Король, указывая на ящикъ, сказалъ: *вотъ члены Паткуля!*»

Глава Девятая

ЗУБНОЙ ЛЕКАРЬ.

*И города беретъ,
Какъ зубы рветъ.*

Гусшавъ, прочтя описаніе послѣднихъ дней жизни своего дяди, возненавидѣлъ Карла, и просился немедленно въ Русскую службу. Слѣдствіемъ сего прошенія былъ вызовъ его въ Москву. Здѣсь нашель онъ многихъ соотечественниковъ своихъ, изъ лучшихъ фамилій, снискивавшихъ себѣ проишаніе разными искусствами. Иные давали уроки танцованья, другіе учили числописанію, языкамъ и математикѣ. Нѣсколькихъ пріятелей своихъ засталъ онъ въ разрисовкѣ стеколь для подмосковнаго

села Покровскаго. — »Благодаря попеченіямъ о насъ Короля Шведскаго« — говорили они — »вошь чѣмъ должны мы занимать руки, пожинавшія для него славу! Русскіе, заказавшіе намъ сію работу, любуются въ ней намалеванными медвѣдями, орлами, башнями, какъ зашѣливой игрой нашего воображенія; по попомствво наше, увидя на спеклахъ сихъ знакомые имъ гербы, прочтешъ по нимъ печальную исторію нашего плѣна.«

Негодованіе плѣнниковъ, приготовленное несчастнымъ положеніемъ ихъ, вспыхнуло при разсказѣ о казни Папкуля. Всѣ они охотно послѣдовали примѣру Густава и дали заручное прошеніе на имя Петра I о принятіи ихъ въ подданство Русское. Вскорѣ за симъ рѣшеніемъ Траушфешшеру, какъ спряпчему по сему дѣлу, вельно явишься во дворець.

Простота Петра I-го, Великаго человека на престолѣ, чуждая утонченныхъ приличій Двора и всякихъ припязаній на эпикетное угожденіе своему лицу, позво-

ляла ему заниматься и подвигами государственных и домашними мелочными дѣлами. Ему доставало время на все: опъ того-то оставилъ онъ намъ безчисленные памятники своего генія и рукъ своихъ. Иной государь не сдѣлалъ того въ цѣлое свое царствованіе, что Петръ совершилъ въ одинъ день.

Безъ посредниковъ, кромѣ дежурнаго деньщика, Густавъ явился во дворець. Его ввели въ кабинетъ, загроможденный моделями кораблей, крѣпостей, мельницъ, орудіями Математики и Хирургіи. Прямо прошивъ двери сѣдла на стулѣ женщина среднихъ лѣтъ, копорая умоляла о чемъ-то со слезами. За стулѣ держался мужчина съ плюсовскою миною и качая головою. Спиную къ Густаву и лицомъ къ женщинею стоялъ другой мужчина, высокій, въ поношенномъ Французскомъ кафтанѣ изъ полсшаго сукна сѣраго цвѣта, въ шафтяномъ нижнемъ платьѣ съ полошннаннымъ фаршукомъ, въ цвѣстныхъ шерстяныхъ чулкахъ и башмакахъ на пол-

спыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными пряжками. Онъ расправлялъ щипцы для выдергиванія зубовъ.

— Полно, баба, вышь! говорилъ мущина въ сѣромъ кафтанѣ, вѣроятно, лекаръ: спернись, слюбисься.

— Богомъ божусь, вопила женщина: у меня ничего не болишь.

— Чшо-жь ты, Полубояровъ? ... сердито вскричалъ лекаръ.

— У страха глаза велики, Ваше Величество! Повѣрите ли? всю ночь проохала и проснонала бѣлугой, такъ что семья хопъ бѣги вонъ, олъвчалъ споявшій за спуломъ; потомъ, обращаясь къ женщинѣ, ласково сказалъ: чего боишься, дурочка? только махнешь башюшка Петръ Алексѣвичъ своею легкою ручкою, такъ больсть, какъ съ гуся вода.

— Злодѣй! окаянный! полно издѣвашься надо мною! проговорила, всхлипывая, женщина.

— Ну, видно, съ ней добромъ не сдѣлаешься, перервалъ Петръ I-й, въ которомъ

мы узнали лекаря: поддержи ее за голову и руки, и мы справимся.

Каммердинеръ спѣшилъ выполнишь волю Государя съ необыкновеннымъ усердіемъ и ловкостію.

— Говори же, баба, который зубъ у тебя болить? продолжалъ Государь, раззвая ей силою ротъ.

— Ваше Царское Величество... Ваше Пре... восходительство... помилосердуйте... у меня зубки всѣ здоровехоньки... я изволила вамъ докладывать...

— Не дурачься, баба! а то, знаешь меня?

— Воля ваша, рвите, какой благоугодно! отвѣчала полумертвая отъ испуга женщина. (У нея въ самомъ дѣлѣ не болѣли зубы. Мужъ же ея, Государевъ Каммердинеръ Полубояровъ, желая отмстить ей за пѣкошорыя проказы, и зная, что Петръ I-й большой охотникъ дѣлать хирургическія операціи, просилъ его вырвать у ней будто-бы больной зубъ. Впослѣдствіи, когда открылась истина,

Полубоярову за эту шушку порядочно досталось.)

— А, а! вижу самъ! вошь эшошь! сказала Петръ съ удовольствіемъ, ярко опливавшимся на его лицѣ, и выдернулъ мастерски зубъ, который казался ему поврежденнымъ болѣе другихъ.

Послѣ сей операціи женщину оппустили въ сопровожденіи услужливой ея половины, утѣшавшей ее съ краснорѣчіемъ искренней любви. Въ это время Государь, выширая свои инструменты и укладывая ихъ въ футляръ, замѣшилъ Густава и ласково произнесъ: — А, mijn her, Траутфештеръ, добро пожаловать!

Выслушавъ просьбу Густава и областавъ его, онъ обратился рѣчь на смерть его дяди. — Богъ судья Августу! говорилъ Петръ, тяжело вздыхая: на его мѣстѣ я лучше бы самъ погибъ, чѣмъ выдалъ бы челоуѣка, котораго взялъ подъ свое покровительствѣ*. Не люблю энихъ по-

* Петръ I-й доказалъ это, когда, въ худыхъ его обстоятельствѣхъ при Прушѣ, Порша требовала отъ него выдачи Кантемира.

лишическихъ увершокъ. Мои приятели Голландцы говорятъ объ нихъ по дѣломъ: *dat benen niet met all Klugheden, maar Betrügeyden; въ нихъ болѣе обмана, чѣмъ благоразумія.* Дорожу побою, ибо ты достаешься мнѣ будто по духовной опѣ дяди. Тебя и твоихъ товарищей определяю съ добрымъ практаменомъ въ полки моей Гвардіи. Служите мнѣ также вѣрно, какъ служили моему брату Карлу.

Разговоръ сей былъ прерванъ по случаю прихода Генераловъ и Министровъ, вошедшихъ въ кабинетъ безъ доклада. Каждому сказалъ Петръ нѣсколько словъ; въ каждомъ словѣ видѣнъ былъ творецъ. Онъ схватывалъ важнѣйшіе предметы, касающіеся до устройства Государства или Полищики, какъ орелъ, увѣренный въ своей силѣ, налетомъ схватываетъ предметъ, имъ взвѣданный. За смѣлую истину благодарилъ совѣтника, за хитрую ложь тотчасъ сбивалъ съ ногъ докладчика.

Аудіенція кончилась скоро. Отпустивъ

своихъ Министровъ, Петръ надѣлъ другой кафтанъ, поновѣе, на стулъ висѣвшій, ошперъ комодъ, вынулъ изъ него пяць серебряныхъ рублевиковъ и сказалъ, отдавши ихъ Густаву: — Возьмешь на первый случай; годятся на пошѣху въ Аусперіи.*

— Ваше Величество, проспите мнѣ, если...

— Пустое, перебилъ Государь: всему свой часъ, и поплакать и повеселиться.

Тутъ послышался изъ сосѣдней комнаты женскій голосъ, произносившій по-Русски на Нѣмецкій ладъ: — Пепръ Алексѣвичъ! пойдите сюда на мою аудіенцію...

На этомъ зовъ Государь поспѣшилъ въ другую комнату, и въ то время, когда онъ отворялъ дверь, Густавъ увидѣлъ

* У Куряшныхъ воровъ, въ томъ домѣ, гдѣ сперва открытъ былъ Московскій Университетъ, находилась Госпитальница Аусперія; и донинѣ слышеть подъ симъ названіемъ крайній проходъ по Скорняжному ряду отъ Ильинки на Никольскую, гдѣ нынѣ харчевни и лавки.

сквозь нее прелестную, молодую женщину съ пестрымъ чулкомъ на лѣвой рукѣ, кошорый, вѣроятно, заштопывала, и замѣшилъ даже, что она взглянула на него съ шѣмъ увертливымъ искусствомъ, какое однѣ женщины умѣютъ употреблять, когда есть препяшества ихъ любопытству, или другимъ чувствамъ. Немного погодя, раздался поцѣлуй за дверьми, и Гуславъ услышалъ голосъ Пепра, выговаривавшій довольно вяшно: — Ты знаешь, Капцнѣвка, тебѣ ни въ чемъ опказу нѣтъ.

Вслѣдъ за шѣмъ Государь возвратился въ кабинетъ и спросилъ ласково своего гостя: Ты, конечно, давно не былъ на исповѣди?

— Государь! отвѣчалъ Гуславъ: я каждый вечеръ исповѣдуюсь Богу въ грѣхахъ дня моего; но посредникомъ въ нихъ не бралъ Пастора за непмѣнѣемъ его въ томъ городѣ, гдѣ я содержался.

— Съ Пасторомъ-то я и хочу себя

свести. Знаешь-ли Глика изъ Мариенбурга?

— Видываль я его въ малолѣтствѣ моемъ, но съ того времени уваженіе и любовь къ нему моихъ соотечественниковъ сблизили меня заочно съ эшимъ почтеннымъ чловѣкомъ.

— Будь у него нынѣ-же въ 6 часовъ послѣ обѣда: ты увидишься тамъ съ пріятелями, и, можешь спаться, — прибавилъ Государь, усмѣхаясь — съ пріятельницей. Живешь онъ въ Кокуевой слободѣ — спроси только Нѣмецкую школу — всякой мальчикъ тебѣ укажетъ. Теперь поди, успокой своихъ камрадовъ, попируй съ ними въ *Адмиральскій часъ**; а тамъ подумаемъ, что еще сотворишь съ вами. Открой мнѣ, не придетъ ли тебѣ по сердцу въ Москвѣ пригожая дѣвка: я швой свашъ.

Сказавъ это, Государь показалъ Гуспаву на дверь, которую и заперъ за нимъ. Съ сердцемъ, обвороженнымъ про-

* 11 часовъ ушра.

штопою, ласками и величіем Царя, съ сердцемъ, волнуемымъ какимъ-то сладостнымъ предчувствіемъ, возвратился Гуспавъ домой, гдѣ ожидали его плѣнные офицеры. Можно угадать, что они спѣшили записать свою радость въ Аусмеріи, гдѣ посты за здравіе новаго ихъ Государя не разъ повторялись.

Глава Десятая

КЪ РАЗВЯЗКЪ.

*Вдругъ слышитъ— кличутъ: милой другъ!
И видитъ вѣрнаго Руслана.*

Пушкинъ.

Въ назначенный часъ Густавъ былъ въ Кокуевой* слободѣ. На встрѣчу ему вереница мальчишекъ, занимавшихся гимнастическими играми, вѣроятно, послѣ университетскихъ трудовъ; ибо нѣкошорые, сидя чехардою на своихъ шоварищахъ, читали съ нихъ, будто съ кафедръ, заданную лекцію; другіе искусно перекидывались бомбами, начиненными порохомъ премудрости, или просто книжками и

* Нѣмецкой.

пешрадами. О! какъ разкричался бы великій основатель школы, которую онъ называлъ *schola illustris*, если бы увидѣлъ и услышалъ все, что происходило за черпою его Академіи! На вопросъ Густава: гдѣ живетъ Паспоръ Гликъ? десятки голосовъ закричали: — Паспоръ Глиспъ? Знаемъ, знаемъ!

— Вамъ надобно школьнаго учителя на соломенныхъ ножкахъ?

— Съ яспребинымъ носомъ?

— Съ кошечьими глазами?

— Съ войлокомъ на головѣ?

— Чтобы не замерзъ послѣдній цыплекъ ума, который въ ней остається?

— Третій домъ отъ угла, вороша съ надписью мѣломъ: *Нѣмецкій поѣб. . . .*

— И съ крестомъ!

— Чтo-бъ чортъ не ушибъ его пестомъ!

Гуспавъ отворялъ уже калитку Паспорова жилища, а насмѣшки на счетъ великаго педанта все еще сыпались, какъ бѣглые огоньки въ цѣпи стрѣлковой.

Сшарикъ, по видимому, упрежденный о приходѣ Траушфешпера, принялъ его сначала съ важною ласкою покровителя; но мало помалу спустился съ высоты своей на самый дружескій тонъ и обращеніе. — Вы должны слышать, господинъ Траушфешперъ, говорилъ Гликъ, въ кошоромъ опъ нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ на плечахъ усмилась болшливость: вы, конечно, слышали, какъ нѣкогда ше-зоимениное дворянство и рыцарство Лифляндское, въ томъ числѣ и бывшій мой зяпикъ... гмъ! часовой... (прибавилъ Гликъ, осмаприваясь) миръ праху его! моя Кете не была ему сужена... я погубилъ бы ее... характеръ шрудный, упорный, безполковый; только я одинъ могъ его сносить...

— Благороднѣйшій сынъ отечества! перебилъ Густавъ.

— О! что до благородства, то на сей счетъ никто не опдасъ ему болѣе меня справедливости. Это-то благородство оковало меня, восхишило, увлекло...

Жаль только, что Минервы не всегда слушался; но дѣло не въ томъ — я хотѣлъ говорить... гмъ! (Паспортъ кашлянулъ и поправилъ свой парикъ) да, да, я хотѣлъ сказать, что многіе во время-бно смѣялись надъ моею любовью къ Русскому языку и горячей преданностью къ Великому Алексѣевичу, которому — мимоходомъ сказать — это случилось въ Нейгаузенѣ, именно 25 Марта 1697 года, при первомъ нашемъ съ нимъ знакомствѣ — предсказывалъ я будущую его славу. Потомъ — не могу и этого дня забыть — осмѣлся кто послѣ этого увѣришь, что въ Паспортѣ Гликѣ не было крошки предвѣдѣнія, предусмотрительности, однимъ словомъ, вдохновенія Минервы! — Я хочу опытною подтвердишь вамъ, молодой человекъ, что эти запасы никогда не лишніе. И такъ въ первыхъ числахъ Юля 1702 года подъѣзжали мы съ покойнымъ Цейгмейстеромъ — какъ теперь его вижу и бесѣдую съ нимъ! — къ доли-нѣ мершвецовъ, что близъ Менцена...

Надобно вамъ объяснишь, что, по милости Его Величества, Царя, и бывшей моей Кеше, въ этой долинь устроена нынѣ прекрасная мыза *Катариненгофъ*, принадлежащая вашему покорнѣйшему слугѣ. (Пасторъ ослабилъ свои розовыя губки и приосамился.) Но не въ томъ дѣло — вошь, вздумалось Цейгмейстеру попугать мою Кеше — которую, мимоходомъ сказать, я одинъ имѣю право такъ называть и, можешь спасться, еще одинъ. . . но тому чего не позволено? — И Московиты-то не Христіане, говорилъ Вульфъ, и вошь поймають насъ арканомъ, меня, покорнѣйшаго вашего слугу, изжаряшь на вертелѣ, а мою воспитанницу уведушь-де къ Падишаху Московитскому. . . Фуѣ, фуѣ! краснѣю опъ эшихъ словъ; но *de mortuis aut bene aut nihil*, то есть, о мершвыхъ или добро говори, или молчи.

— Господинъ Пасторъ! перебилъ Гуспавъ, выведенный изъ терпѣнія словоохотливостію Глика: Его Величество,

Царь Россійскій, адресоваль меня къ вамъ.

— О молодоспъ, молодоспъ! какъ спала ты нынѣ неперпѣлива! Къ Егo-то Величеству и вашему благу, государь мой, веду я рѣчь. Слушайте же меня, или я опкажусь опъ устройспва судьбы вашей.

— Простите — это было въ послѣднѣй разъ — шеперь я васъ слушаю.

— Упрямуцу Вульфѹ предсказываль я, чшо, если мы будемъ взяпы Русскими, — кошорыхъ, замѣшьте, донынѣ неправильно называли Московшями, — я опредѣлюсь въ Москвѣ при Нѣмецкой киркѣ Паспоромъ, заложу краеугольный камень Русской Академіи, а моя Кеше... сдѣлаешся украшеніемъ семейспва знаменишаго Русскаго Боярина. И чшо-жъ, доспопочщенный гостъ мой! все это сбилось по предсказанію глунаго, упрямаго старика. Вы видите меня, Маріенбургскаго Паспора, въ Москвѣ при Нѣмецкой киркѣ; основанная мною Академія, Schola

illustis, есть первый знаменитый разсадникъ наукъ въ Россіи. Образователь общпрійшаго Государства въ міръ нерѣдко удостоиваетъ совѣшоваться съ нами на счетъ просвѣщенія ввѣренныхъ ему народовъ, и наконецъ, Кете — о! судьба ея превзошла мои ожиданія! — (Старикъ возвелъ къ небу полные слезъ глаза; потомъ, успокоившись, пронзель вполголоса, почти на ухо Густаву:) Я вамъ скажу тайну — которая, правду сказать, съ Мая почти всей Россіи извѣсна — моя бывшая Кете первая особа по Царѣ. . .

Густавъ, полагая, что Гликъ ошь спарости рехнулся съ ума, оподвинулъ назадъ свой спуль и остановиль на своемъ собесѣдникѣ неподвижные ошь изумленія взоры.

Гликъ засмѣялся и шономъ покровишеля продолжалъ: — Она можель сдѣлать очень много для васъ; она уже много для васъ сдѣлала. . . Прибавлю еще, хопя скромность ея запечатывала мнѣ уста: невидимый благошворитель и корреспондентъ

вашъ во все время вашего плѣна — естъ бывшая моя воспитанница.

— Все это какимъ образомъ ?

— Узнаете позже. Кто могъ бы угадать ранѣе будущую судьбу сироты? Странно! чудесно! это правда; но чего Богу не возможно? Иногда угодно Ему удивлять мѣръ дѣлами любви своей къ избраннымъ оупъ Него пвореніямъ. Но дѣло шеперь не въ томъ. — Его Величество, нашъ Всемилоспивѣйшій Государь, Пешръ Алексѣевичъ, прислалъ васъ ко мнѣ, говорите вы?

— Точно такъ, господинъ Паспору! ошвѣчалъ Гуспавъ, убѣжденный голосомъ и выраженіемъ лица Глика въ истинѣ словъ его и, между тѣмъ, блуждая мыслями, какъ бы въ мѣрѣ волшебномъ.

— Я долженъ исполнить волю моего Государя и близкой ему и мнѣ особы, о коей мы говорили. Вы присланы услышать оупъ меня, что, по волѣ сей, семейство Баронессы Зегевольдъ вызвано изъ Дерпта сюда. . .

Гуславъ вскочилъ со стула и, дрожа всѣмъ тѣломъ, едва могъ выговорить: — Вы шутите надо мной, господинъ Паспоръ?

— Боже меня сохрани, особенно когда дѣло идетъ объ участи людей, мнѣ сполько любезныхъ. Минерва не покинула меня на старости до того, чшобы рассказывать вамъ сонный бредъ за существованность. Узнайте болѣе: Баронесса, дочь ея и добрый Биръ въ Москвѣ со вчерашняго утра и квартируютъ за два шага отъ меня.

— Господинъ Паспоръ! господинъ Паспоръ! что вы со мною дѣлаете?... вскричалъ Гуславъ: — я готовъ унасть къ ногамъ вашимъ; я готовъ цѣловать ваши руки. Луиза! Государь! Кто еще?... Боже! Боже! я какъ помѣшанный.

Гуславъ обнималъ Паспора и плакалъ отъ радости.

— Здорова ли она? помнишь ли меня? спрашивалъ онъ, сжимая въ своихъ рукахъ руку Глика.

— Что она здорова, это мнѣ извѣстно; остальное предоспаляю ей самой разсказать вамъ. Впрочемъ, чтобы васъ долго не помилъ, мы пошлемъ поспчасъ за Биромъ. Греше! Греше!

Явилась Паспорова эконожка, сдѣлавшая опъ беззаботной жизни въ ширину по же, что была въ вышину. Вельно Греше сходишь за Биромъ — и Биръ не заспавилъ себя долго ждашь. Съ воспоргомъ дружбы и неожиданности бросилъ онъ въ объятія Траупфешпера.

— Гмъ! гмъ! сказалъ наконецъ распроганный Биръ: Господь ведетъ насъ сюда, видно, къ развязкѣ. Пора, право, пора; а шо моя милая, добрая Луиза пала бы подъ бременемъ своей судьбы.

— Любишь ли она меня? помнишь ли, по крайней мѣрѣ? спросилъ Гуспавъ.

— Любишь, какъ въ первые дни вашего знакомства.

— О, какъ я счастливъ! Кому спеперь могу позавидовать? Все прошедшее забыто. Но разскажише мнѣ, ради Бога. . .

— Все, что съ нею случилось съ того времени, какъ мы распались, не правда ли? Вы знаете, я не масперъ говорю... когда бы можно было на письмѣ?... это бы дѣло другое.

— Вы имѣете снисходительнаго слушателя. Рассказывайте, какъ можете. Я затруднять васъ много не стану, а попрошу только раскрыть мнѣ, что случилось съ Луизою послѣ того, какъ ее привели въ церковь для вѣчанія. Что прежде было, извѣстно мнѣ изъ письма вашего къ Доктору Blumenпросту: оно-то привязало меня еще къ жизни; но оставило въ большой неизвѣстности, потому что перепушано было на самомъ любопытномъ мѣстѣ описаніемъ болотнаго моха.

Бирь покраснѣлъ, какъ дѣвушка, и сказала, запинаясь: — Впривашь... эша любовь къ Натуральной Исторіи... эша разсѣянность мнѣ дорого стоили: я мучился за чтеца и за себя вмѣстѣ. Какъ я перемѣшалъ все — не знаю; только знаю,

что листъ съ концемъ пипересной для васъ испорчен очутился въ моей Флорѣ. Хопль-было я съ досады отказался отъ моей любимицы; но — судите по себѣ, мой любезнѣйшій Густавъ! — спрасьте все спрасьте: даешь слово изгнать ее изъ сердца, изъ головы; а все къ ней возвращаешься. Но вы ждете, чтобы я успокоилъ васъ — извольте. На бумагѣ бы оно лучше; однако-жь... какъ нибудь расскажу.

Густавъ увѣрилъ снова чудака, что онъ не будетъ взыскателенъ за выборъ и порядокъ словъ, и Биръ началъ шакъ свой рассказъ:

— Мы ввели кое-какъ полумертвую Луизу въ церковь. Адольфъ, смотря на ея спаданія и не понимая ихъ причины, просилъ отложить свадьбу; но Баронесса и Фюренгофъ настояли совершить ее безъ отлагательства. Уже приступлено было къ священному обряду, какъ въ церковь вбѣжала женщина, высокая, худая, шафраннаго цвѣта, съ черными,

длинными волосами, распущенными по плечамъ, въ изорванной одеждѣ Чухонки — настоящее привидѣніе! Глаза ея горѣли, какъ раскаленные уголья; отъ усталости она задыхалась. Церемонія остановилась; мы все перепугались этого явленія, но всѣхъ болѣе Фюреигофъ; ибо онъ началъ дѣлать такія ужасныя гримасы, какъ будто ломала его нечистая сила. — »Стой!« закричала женщина страннымъ голосомъ, обратясь къ Адольфу: »ты кругомъ обманушь! Твоя невѣста тебя не любишь, и ты погубишь ее и себя, если на ней женишься. Ее выдаютъ за будущее богатство свое; а богатство это не можешь тебѣ принадлежать, развѣ ты захочешь получить его незаконно, ограбивъ своего брата. Этотъ злодѣй« — продолжала ужасная женщина, указывая на Фюреигофа — »воспользовался наследствомъ, принадлежащимъ Густаву, подмѣнивъ настоящее завѣщаніе своего отца подложнымъ, которое я, сообщница его злодѣяній, съ нимъ составляла. Предаю

себя въ руки правосудія и съ собою этого мошенника. Призываю Бога во свидѣтели словъ своихъ; а тебѣ, Трауш-Фешперъ, вручаю законныя тому доказательства. Когда-бъ не знала тебл, я представила бы ихъ въ судъ.» Фюренгофъ бросился-было вырывать бумаги во время передачи ихъ ^{Адольфу} Руеннау, угрожая своему племяннику вѣчною ненавистью и опчужденіемъ опъ наслѣдства, если онъ послушаетъ сумасшедшую вѣдму, какъ онъ называлъ чудесную женщину, и приказалъ-было слугамъ схватить ее. Слуги не повиновались, услыша клятву Адольфа, что онъ беретъ ее подъ свою защиту и что тотъ, кто до нея допронется, будетъ опвѣчать за нее жизнью своею. Чудесная женщина подала клочокъ бумаги Адольфу и произнесла вполголоса: -- »Эта записка касается до тебл именно. Опойди къ окну и прочти ее. Все прочее буду имѣть время объяснить тебѣ и Суду. А ты, мошенникъ!» — продолжала она, возвысивъ голосъ и съ

яростью обращаюсь къ Фюренгофу —
»смотри на меня, осязай меня: это я, я,
Елисавета Трейманъ, швоя бывшая прі-
ятельница, швоя сообщница въ злодѣй-
ствахъ, швобю изгнанная, недоморенная
швобю. Земной судъ швобю начался: до-
просы, шюрма, цѣпи, казни, вмѣстѣ,
вмѣстѣ со мною! Ха, ха, ха! любовники
вѣрные, на жизнь и смерть! Вмѣсто чи-
щенныхъ червончиковъ мы, о другъ мой!
перечтемъ съ швобю по нѣскольку разъ
въ день звеня цѣпей; позоръ, злоба, рас-
каяніе, будушь терзашь швобю грудь,
какъ ты терзалъ челоуѣчество; но въ
объяшіяхъ моихъ ты все забудешь... да-
же милую Маршу... не правда ли?...
ха, ха, ха! О, сладко будетъ задушить
тебя въ нихъ!» И сатаинскій хохотъ
изступленной, при общемъ молчаніи, ужа-
сно раздавался подъ сводами церкви, и
оторванный листъ желѣза на кровлѣ
стоналъ, какъ вѣщяя птица. Луиза при-
жалась ко мнѣ и скрыла свое лице на
моей груди; сама Баронесса дрожала;

поблѣднѣвшій Паспоръ хошѣль-было вывести Елисавету изъ храма; но опъ одного вскрика ея опоропѣль. Испупленная продолжала: — »Подожди немножко, Паспоръ! подожди, любезный! твоя очередь послѣ. Дай мнѣ досказать свою проповѣдь: она спбюитъ твоихъ вялыхъ поученій — рѣжеть, пилишь, жжеть — полькочпо съ адскаго очага! Развѣ спрошу тебя: бываль-ли у тебя на исповѣди злодѣй ужаснѣе этого? . . . Онъ убійца своего опца, дѣлашель фальшивыхъ завѣщаній, развращишель дѣвъ, грабишель, кровопійца, гробный шамъ, сдирающій послѣднюю одежду мершвеца: это все — вопшь онъ, Балдуинъ Фюренгофъ! Съ нимъ-то волею и неволею сочешалась я на здѣшнюю и будущую жизнь. Да, злодѣй! не оставлю тебя и въ другомъ мѣрѣ: и шамъ вопшьюсь когшями своими въ твою душу и не покину тебя вѣчно. . . Вѣчность! Слышишь ли ты это слово? а? . . . Ты не вѣрилъ ему; но скоро, скоро повѣришь, голубчикъ!«

Пока Елисавета осыпала своего подсудимаго ругательствами, Адольфъ успѣлъ прочесть данный ему лоскутокъ и прочія бумаги, упалъ со слезами на колѣна передъ Распятіемъ, благодарилъ въ несвязныхъ словахъ Бога за спасеніе свое и брата, и попомъ вставъ, объявилъ Пастору, что свадьбѣ не быть. Поцѣловавъ съ жаромъ руку у Луизы, онъ сказалъ ей: — »Будьте счастливы съ тѣмъ, кого любите! объ этомъ берусь хлопотать всеми силами. Слава Богу, что еще время!« Адольфъ хотѣлъ еще говорить съ Баронессою; но она, бросивъ на него сердитый взглядъ, повлекла изъ церкви дочь свою, примѣтно обрадованную переменною своей судьбы; я за ними. Не знаю, что послѣ того говорено оставшимися въ церкви; только слышалъ при выходѣ шумъ, ссору; люди Фюренгофа не хотѣли долѣе ему повиноваться. Когда мы сѣли въ карету, любопытство подспрехнуло меня выглянуть изъ окна: я увидѣлъ, что Фюренгофа насильно впащили въ

карешу Адольфа, а эпошь съ Елисаветой съль въ колымагу Фюренгофову; за шьмь оба экинажа поскакали по дорогѣ въ Дерпшъ.

Мы возвращались въ Гальсдорфъ, какъ намъ на встрѣчу слуга съ извѣстіемъ, что шуда прискакали Тапары, все шамъ жгушь и грабашъ. Дышло на поворошь, и мы шо же прямо въ Дерпшъ.

Черезъ нѣсколько дней позванъ я былъ въ городскую шюрму къ Елисаветѣ Трейманъ. Она рассказала мнѣ, что судъ, въ слѣдствіе ея доноса, посадилъ въ шюрму ее и Фюренгофа, разделеннаго съ ней одною перегородкою, и просила меня, развѣдавъ о дѣйствіяхъ Адольфа, описать подробно обо всемъ случившемся къ Г. Блуменшросту. Я обѣщаль все несчастной жертвѣ. Всльдъ за шьмь Адольфъ сообщилъ мнѣ, что Правительство спрожайше изслѣдовало злодѣяніе Фюренгофа, который уже и признался въ немъ, и что имѣніе, похищенное у васъ, мой любезнѣйшій другъ, возвратится

немедленно по принадлежности. Благородство и твердость души вашего брата въ сихъ обстоятельствахъ не могу довольно превознестъ. Самый усердный стряпчій, изъ видовъ богатой корысти, не хлопоталъ бы сколько за своего кліента, какъ онъ дѣйствовалъ за васъ, прошивъ собственной пользы: ибо послѣ сей пляжки, гдѣ онъ былъ въ одно время истцомъ и отвѣтчикомъ, остается онъ такимъ бѣднякомъ, какимъ знали васъ до сего времени.

— Все пополамъ, и мы будемъ равно богаты! сказалъ пронушый Густавъ.

— Позвольте, для маленькаго опсшупленія, воспользоваться вашимъ восклицаніемъ, сказалъ съ робкою ужимкою Биръ, смотря на горшокъ съ цвѣтами, стоявшій на окнѣ: мнѣ хотѣлось давно спросить Господина достопочтеннаго хозяина: балсамины, *impatiens hortensis*, копорые я вижу здѣсь въ Москвѣ почти на каждомъ окошкѣ, не есть ли предметъ

особеннаго религіознаго почипанія между Московитами? . . .

Пасторъ захохоталъ. — За кого-жь принимаете вы Русскихъ? сказалъ онъ. Нѣтъ, достопочтенный гость мой! обитатели здѣшніе никому не покланяюся, кромѣ какъ иконамъ своихъ Святыхъ. Балсамины же находятся почти въ каждомъ домѣ и подсолнечники въ каждомъ саду, потому что другихъ цвѣтовъ Русскіе почти не держатъ, а цвѣты здѣсь любятъ. *Impatiens hortensis* выписанъ еще недавно семенами изъ Голландіи Разсиди-пелемъ всего полезнаго и пріятнаго въ Россіи. Но — любезнѣйшій собесѣдникъ нашъ ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія вашего разсказа.

— Виновать, виновать! сказалъ, оправясь отъ своего смущенія, Биръ: на чемъ же я остановился? Балсаминъ, горшензія, шафранъ. . . (Онъ имѣлъ привычку добираться, по аналогіи цвѣтовъ, до предмета, имъ забытаго.) Да, да, шафранъ! Елисавета, сказалъ я, просила

описать обо всемъ къ Г. Блуменпро-
спу. исполнивъ это, я вложилъ въ пись-
мо свое лоскутокъ бумаги, данный ей же,
а какого содержаціа, мнѣ неизвѣстно; ибо
мнѣ строго запрещено было заглядывать
въ него: все это препроводилъ я, куда
назначено, съ Чухонцемъ, которому
Адольфъ заплашилъ хорошія деньги за
сію услугу. Виновать только въ ошиб-
кѣ. . . но Судьба уже все сама поправила.
За тѣмъ что случилось? спросите вы.
За тѣмъ. . . въ одно роковое утро нашли
Фюренгофа въ шюрмѣ, задушеннаго соб-
ственными цѣпями, чему Елисавета Трей-
манъ за перегородкою много хохотала;
потомъ и несчастная Елисавета умерла
въ сумасшедшемъ домѣ, проклиная своего
обольстителя и изъявляя надежду соеди-
ниться съ нимъ въ аду; имѣніе, у васъ
похищенное, утверждено за вами силою
законовъ. По взятіи Дерпта Русскими,
братъ вашъ уѣхалъ въ Польшу къ Коро-
лю Шведскому; воспитанница моя снова
разцвѣла душою и тѣломъ, какъ роза

sentifolia, шѣмъ живѣе, что вспрыснуша была росую надежды, которая, вшайнѣ вамъ сказать, присылалась ей перѣдко въ записочкахъ по почтѣ. . . извините сравненіе. . . гмъ! виновашъ. . . да, да, о чемъ бишь я говорилъ? вошъ видите, я сказалъ, что собьюсь съ толку; оно лучше было бы на письмѣ. . .

— Вы говорили о Луизѣ, подхвашилъ Густавъ: какъ же вы здѣсь очутились?

— Какъ сѣмена, переброшенная бурей на чуждую имъ землю; но и шупъ умѣющъ онѣ приняться, лишь бы родное солнышко ихъ согрѣвало и пишало. Иначе вамъ скажу: Баронесса, откажавшаяся было отъ дипломатики послѣ урока, даннаго ей при разставаніи съ Гельмешомъ, вздумала въ послѣдніе годы опять за нее приняться, замѣшалась будто въ заговоръ прошивъ Русскаго Правительсва и по этому случаю принуждена была совершить съ нами маленькое путешествіе въ Москву. Миѣ и здѣсь хорошо; ибо я съ будущею весной надѣюсь дѣлать

въ окрестностяхъ ботаническія экскурціи; а всего лучше то, что судьба моей доброй Луизы, надѣюсь, развяжется здѣсь. Вижу васъ, и забываю все прошедшія непріятности. . .

Кукушка на спѣнныхъ часахъ прокуковала 7 часовъ.

— Госпѣи наши должны скоро быть здѣсь! произнесъ, усмѣхаясь, Гликъ. Да вошь и онъ!

Сердце Густава затрепетало. Послышался стукъ въ ворота, потомъ скрипъ калишки, шорохъ въ передней; дверь распворилась — и. . . кто-жъ передъ глазами Густава? . . . Луиза во всемъ блескѣ своей красоты, со всемъ очарованіемъ, которое окружало ее въ первую встрѣчу съ другомъ ея сердца. Она была нѣсколько блѣднѣе, нежели тогда; но сія блѣдность и нѣсколько лѣтъ, накинутахъ на нее временемъ, не вышѣснили ни одной изъ ея прелестей. Если бы Густавъ видѣлъ ее теперь въ первый разъ, онъ готовъ бы былъ снова въ нее влю-

бишься. Бѣлое, простое платьице, обвинившее спань, стройно перехваченный, придавало ей какое-то эфирное свойство, шѣмъ болѣе, что она, опрометью вбѣжавъ въ комнату и, вѣроятно, не думавъ никого найдти, кромѣ Пастора и Бира, вдругъ, при видѣ новаго лица, остановилась, отдала назадъ свою прелестную голову и приподнялась на цыпочкахъ. Вглядѣвшись въ Густава, она вскрикнула. — «Что такое, что такое?» ворчала Баронесса, шедшая за дочерью. «Боже мой! да насъ завлекли въ сѣни; это западня, позоръ, униженіе! Вошъ что дѣлають нынѣ Пасторы, служители алтарей! Поповорствують слабостямъ, помогаютъ дочерямъ противъ матерей! Пойдемъ отсюда, Луиза!» Между шѣмъ, какъ она читала эту проповѣдь, Луиза и Густавъ смотрѣли другъ на друга въ какомъ-то сладостномъ упоеніи... смотрѣли и... невольно пали другъ другу въ объятія. — «Теперь не разстанемся! теперь не разлучашъ насъ!» говорили они,

обливаясь слезами и держа другъ друга крѣпко за руки. »Машушка! Госпожа Баронесса! благословите нашу любовь, или мы умремъ завтра!« восклицали они, упавъ къ ногамъ ея и обнимая ея колѣна.

— Что это за комедія? сказала сердито дипломатка.

— Госпожа Баронесса! произнесъ важно Паспоръ: Его Величество, Всемилостивѣйшій нашъ Государь, Петръ Алексѣевичъ, приказалъ вамъ доложить, что онъ принялъ на себя должность свапа Господина Траушфештера, и сверхъ того повелѣлъ мнѣ опдать вручаемую вамъ при семь цыдулку.

Г-жа Зегевольдъ дрожащими руками взяла поданную ей бумагу, подошла къ свѣчѣ и прочла слѣдующее:

Min frau!

Я, Сесаръ и Полковникъ отъ Гвардіи Россійской, взялся быть свапомъ Капитана Густава Траушфештера. Дочь ваша ему нравится, онъ вашей дочери: чего болѣе? прошу не прешендовать. Въ при-

даное ей даю всѣ Лифляндскія помѣстья, опіяшныя у васъ въ военное время, и дозволяю вамъ управлять ими до вашей смерти. Со временемъ обещаю вамъ и зятю вашему особенную мою Царскую аппенцію. По дѣламъ вашего опечества даю вамъ право, ради нашего интереса, вести съ нами прямо корреспонденцію; за добрыя извѣстія буду вамъ всегда *recompaissant*. На свадьбу дарю вамъ шабакерку съ моею персоною и тысячу рублей. Кажись, укомпеншоваль васъ порядкомъ; а упрямитесь долѣе вамъ ради какой причины?

Piter.

Можно было прочесть на лицѣ честолюбивой Баронессы, какая спрока изъ этого посланія произвела на сердце ея пріяшнѣйшее впечатлѣніе. Право опносятся по дипломатическимъ дѣламъ къ Повелителю обширнѣйшаго Государства — право, дающее ей опять сильное вліяніе на ея соопечественниковъ, поколебало твердость ея души. Кончилось тѣмъ,

что она благословила чешу любовниковъ и обняла свсего будущаго зятя.

Любите страстно; пляшь льшь будьте несчастливы; живите розно съ предметомъ вашей любви, и пускай вдругъ исполнятся прекраснѣйшія мечты вашей жизни, лучшія ваши желанія: тогда опишите намъ свое благополучіе — мы послушаемъ вашъ рассказъ, мой пеперешій, добрый читатель!

На другой день Баронесса, женихъ, кевѣспа, Пасторъ Гликъ и Биръ позваны были во дворець. Петръ I-й, не заставивъ ихъ долго ждашь себя, явился въ голубомъ, гродешуровомъ кафтанѣ, шипомъ серебромъ, съ Андреевскою лентою черезъ плечо. Только въ особенные торжественные дни Государь показывался въ такомъ блестящемъ варядѣ; но въ насполящемъ случаѣ онъ хошѣлъ угодишь одной милой особѣ, копорой — говорилъ онъ — ни въ чемъ не могъ опказывашь. Всѣ посѣпители были имъ обласканы, особенно Биръ. Разговаривая съ нимъ о

разныхъ предметахъ Натуральной Истории, онъ нашелъ въ немъ необыкновенныя, глубокія свѣдѣнія и по другимъ наукамъ, которыя самъ любилъ, и до того привязался къ доброму педагогу, что забылъ предметъ посѣщенія его спутниковъ и увлекъ его съ собою въ кабинетъ. Тамъ показалъ онъ ему гербарій, собранный Царскими шрудами. Биръ, воспитанный ласковымъ обхожденіемъ Государя и любовью къ своему предмету, вскорѣ бесѣдовалъ съ Петромъ, какъ съ равнымъ себѣ ученымъ. — »Вопь эпакыхъ людей люблю!« говорилъ Петръ, цѣлуя его въ лобъ: »не хвастунишка, а настоящій дѣлецъ.«

Въ какомъ-то невольномъ благоговѣніи къ простотѣ Великаго мужа стояли Баронесса и ея спутники, когда въ приемную залу изъ заднихъ апаршамеишозъ вступила прелестная молодая женщина...

— Милая Кеше! едва не вскрикнула Луиза, и хотѣла-было броситься въ объ-

шія ея; но Баронесса остановила дочь свою за рукавъ.

— Милая Луиза! сказала со слезами на глазахъ и въ нѣкошоромъ смущеніи бывшая воспитанница Пастора Глика: не бойся! . . . За нѣсколько мѣсяцовъ назадъ я не смѣла бы тебя обнять; но теперь, теперь супруга Русскаго Царя можешь безъ стыда назвать тебя опять своимъ другомъ. Обними же меня скорѣй, скорѣй, милый другъ!

Екатерина спѣшила прижать къ сердцу Гельмешскую пріятельницу свою. Они плакали вмѣстѣ отъ радости; переменна состояній не сдѣлала никакого переворота въ ихъ чувствованіяхъ.

Г-жа Зегевольдъ отъ изумленія не могла придти въ себя; но во время дружескихъ изъясненій Государыни съ Луизою, Пасторъ разсказалъ дипломаткѣ со всею Немецкою пунктуальностью и нѣжностью опца, что бывшая его воспитанница, по взятіи ея въ плѣнь подъ Мариенбургомъ, попала въ домъ къ Шере-

мешеву и опшуда къ Меншикову, гдѣ въ 1702 году Петръ I-й увидѣлъ ее и влюбился въ нее такъ, что никогда уже съ нею не разставался. Сначала знали ее подъ именемъ Каперины Скавронскихъ — именемъ, которое угодно было Государю ей придашь. Въ 1703 году приняла она Грекороссійское исповѣданіе; крестнымъ опцомъ ея былъ Наслѣдникъ Престола, Царевичъ Алексѣй Пепровичъ, и по немъ-то названа она Екашеринной Алексѣевною. Въ Маѣ 1707 года Государь сочешался съ нею бракомъ.

Такъ объяснялъ Паспоръ дивную судьбу своей воспитанницы, наблюдая мѣсяцы и числа каждой эпохи въ ея жизни. Когда Екашерина замѣшила, что онъ кончилъ свое объясненіе, она подошла къ Баронессѣ и ласково, но съ величіемъ, Царицѣ свойственнѣмъ и будто ей врожденнѣмъ, обрашила рѣчь къ дипломаткѣ и увѣрила ее самыми лестными выраженіями въ своемъ будущемъ благорасположеніи къ ней.

— А! вижу, что швое сердце не выдержало, Капшнъка! сказала Петръ, вошедши въ пріемную залу: люблю себя за то, душа моя, что не забываешь друзей своихъ, какъ бы себя высоко ни поставила судьба. Теперь, Грау Баронесса! могу открышь вамъ секретъ: супруга моя хлопотала о благополучіи вашей дочери, какъ бы о своемъ собственномъ. (Тутъ подошелъ онъ къ Луизѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ.) Я вашъ гость на свадьбѣ и крестный отецъ первому робенку, котораго вамъ дастъ Богъ.

— Удивительно! удивительно! я все это вижу, какъ во снѣ! говорила Баронесса, возвращаясь съ своимъ семействомъ и Гликомъ домой въ придворной, богатой каретѣ, и кивая важно народу, который скидалъ передъ каретою шапки за чеперть версты.

Благоговѣнно сложивъ руки на грудь, Пасторъ произнесъ: — Неповѣдимы судьбы Господни! Не даромъ говорилъ

о моей Кеше слѣпецъ Конрадъ изъ Торнео въ долину мершвецовъ: Кто знаетъ, какой путь написанъ ей въ книгѣ Судебъ? . . . и сбылось! . . .

— Великій Государь! восклицалъ Биръ: какъ онъ знающъ въ Натуральной Исторіи!

Гуславъ и Луиза не говорили ни слова; но смотря другъ на друга глазами, выразавшими упоеніе счастья и пламенной любви, жали другъ другу руки и забывали весь міръ.

Глава одиннадцатая

КАРТИНА.

*Одинъ только Полковникъ Траутфеттеръ.
Истор. Карла XII. Вольтеръ.*

Знойно лѣтнее небо; облака пороховаго дыма клубящяся по немъ и хмуришь его лице, будто раскаленное огнь гнѣва. Вправо ошрывокъ широкой рѣки, у коей противный берегъ мраченъ и обнаженъ, какъ могильный бугоръ, въ степи наброшенный надъ бѣднымъ спранникомъ. Сердце замираешь при мысли, что судьба можешь закнущь меня въ сію пустыню, какъ въ страну изгнанія. Поперегъ рѣки плывешь судно. На лицахъ гребцовъ видна боязнь, въ движеніяхъ ихъ — жорон-

ливость. Бѣдная повозка, у коей колеса скрѣплены рваньями, стоишь на суднѣ: въ ней распроспершь вошь, накрытый синимъ плащемъ. Лице его, подернутое мертвою блѣдностью, говоришь, что болѣзнь и горестъ оспоривають жертву свою у твердости душевной, видимо уступающей. Вокругъ повозки, на палубѣ, стояшь и сидяшь нѣсколько вошновъ. Въ числѣ ихъ казакъ: подавая пить изъ шляпы больному, въ повозкѣ лежащему, онъ смотришь на него съ нѣжною заботливостью роднаго или друга. Прочія всѣ лица въ синихъ иностранныхъ мундирахъ. Положенія, въ коихъ онѣ находяться, показываютъ, что несчастіе поравняло всѣ званія. Одинъ, преклонивъ голову къ колесу, спишь; другой перевязываетъ поварищу руку; далѣе, ближе къ корму, два вошна, со слезами на глазахъ, берутся за голову и ноги, повидимому умершаго поварища и собираются бросить его въ рѣчную могилу, столь же быстро, какъ время, уносящую все, что ей ни повѣ-

ряшъ. Къ носу рисуется группа: уныніе и опчаяніе ведутъ между ними жаркую бесѣду. Иные со страхомъ смотрятъ на повозку, гдѣ, кажешся, умираетъ ихъ послѣдняя надежда; другіе, поднявъ къ небу взоры, молятся. За большимъ судномъ шоропятся рыбацьи лодки. Нѣсколько всадниковъ, оппалкивая немилосердо несчастныхъ, хватающихся то за гриву, то за хвостъ коней ихъ, или подавая гибнущимъ руку спасенія, перерѣзываютъ рѣку. Кое-гдѣ мелькаютъ борющіеся съ волнами; ушопленники показываютъ, какъ стрѣлка, печеніе водѣ. Впереди сцены идеть сраженіе: оно уже при послѣднемъ издыханіи. Бой неравенъ между воинами въ синихъ мундирахъ съ воинами въ зеленыхъ. Число первыхъ не велико; они упомлены, нехотя дерутся въ рукопашню, полнами сдаются въ плѣнъ и бросаютъ оружія; пущь ихъ усланъ изломанными лафетами, взорванными ящиками, грядою мершвыхъ и раненыхъ. Воины въ зеленыхъ мундирахъ глядятъ побѣдите-

лями: удовольствіе торжества пынешь въ ихъ взорахъ; сила и увѣренность въ каждомъ ихъ движеніи; кажется, лице одного, замахнувшася прикладомъ ружья на унадшаго непріяшеля, чешко выражаешь: *лежага не бьютъ!* Совершенно на авансценѣ выступаешь изъ группы сражающихся фигура молодаго офицера въ спнемъ мундирѣ; онъ палъ, раненный въ грудь, изъ коей бьешь кровь струей; правою рукою списнулъ онъ рукоятку меча, какъ будто не хочешь ошдать его и самой смерти. По лицу офицера, чрезвычайно выразительному, бѣжишь уже смершная блѣдность; оборотивъ голову къ споронѣ рѣки, онъ устремилъ на небо взоры, исполненные благодарности; слезы каплють по щекамъ; уста его сляпша чшо-шо произнесши.

Вошь картина, на которую я засмотрѣлся въ домѣ одного любителя изящнаго! Меня такъ заняло главное лице, чшо мнѣ спало жаль его, какъ челоуѣка, соединеннаго со мною узами дружбы. Онъ

умеръ героемъ, но умеръ далеко отъ родины, видя уничтоженіе ея славы! Слезы гошovy были навернулись на глазахъ монхъ, когда хозяинъ картины заспаль меня въ эпомъ положеніи.

— Замѣчаю, что это художническое произведеніе оковало ваше вниманіе, сказалъ онъ мнѣ. Знаете ли, что представляешь картина?

Я просилъ рассказать мнѣ сюжетъ ея.

— Это переправа Карла XII черезъ Днѣпръ послѣ Полтавской битвы—опвѣчалъ мнѣ любитель изящнаго. — Днѣпръ есть грань, гдѣ побѣда распрощалась съ нимъ навсегда. Войско его уничтожено. Последніе обрывки сего войска, ужасавшаго некогда съверъ, слиятся купить Королю свободу. Едва не захваченъ онъ непріятелемъ, слѣдившимъ его по горячимъ спуннямъ. Оспавшіеся при немъ служители и воины добываютъ съ прудомъ повозку; въ нее кладутъ Короля-бѣглеца, — того, который некогда опнималъ царства и раздавалъ ихъ. Карль

ранень; лихорадка и люшыйшая болѣзнь великихъ людей — униженіе, пожпраюшь его; онъ видимо упаль духомъ. Последнее его спасеніе переправа черезъ Днѣпръ: онъ совершаешь ее въ томъ положеніи, въ какомъ видите на холстѣ. Осташокъ войска бросаешь оружія; многіе сляпся спаслись вплавь. Одинъ Полковникъ Адольфъ Траушфешперъ съ своимъ баталіономъ опчаянно задерживаешь напискъ поржествующаго непріятели. Раненный въ грудь, онъ падаешь, благодаря Провидѣніе за спасеніе Короля и за то, что не переживаетъ униженія Шведскаго войска. Если хопите, онъ прозносимъ имя родины, друга, и просимъ стоящаго подлѣ него воина передашь имъ последнее свое воспоминаніе.

Глава двѣнадцатая

СХИМНИКЪ.

*Край милый увидишь—и сердца утраты,
И юныхъ лѣтъ горе въ душѣ облегчишь;
И башни, и храмы, и предковъ палаты,
И сердцу святѣя гробницы узришь!*

*И ласково примутъ отгизныя свѣты,
И ты дни окончишь въ тиши безмятежной
На лонѣ родимой страны.*

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, на другой день послѣ коронаціи своей (это было 8 Мая 1724 года), захопѣла воспользоваться пріятностями весны, чшобы посѣшшь, съ самыми близкими ей особами, подмосковное, дворцовое село Коломенское и, если хорошая погода продолжшся, погоспшшь тамъ нѣсколько дней. Въ одной каретѣ съ нею сидѣли

дочери ея Анна и Елисавета, цвѣтущая наследственною красотою, и супруга Русскаго Генерала Густава Траупфешпера, Луиза Ивановна. Въ другомъ экипажѣ находились шестидесятипятилѣтній старецъ Князь Василій Алексѣевичъ Вадбольскій съ дѣтьми Траупфешпера, сыномъ и двумя дочерьми, копорые были хороши, какъ восковые херувимы, выставляемые на показъ въ вербную субботу, или какъ шѣ маленькія, прелестныя шворенія, съ полными, розовыми щечками, съ плюшоватыми глазами, изображаемыми такъ привлекательно на Англійскихъ гравюрахъ. Генераль Траупфешперъ ѣхалъ верхомъ, но впереди заболливо осматривая худыя мѣста, но подлѣ самыхъ экипажей, гдѣ заключались залого, равно для него драгоцѣнные. Любовь подданнаго, супруга и ошца ясно выражались въ его взорахъ и поступкахъ. Старостью уравненный съ дѣшпвомъ, Князь Вадбольскій забавлялъ своихъ маленькихъ собесѣдниковъ разными шутками,

или занималъ ихъ вниманіе, рассказывая о своихъ псходахъ въ Лифляндію. Дѣшки слушали его, какъ веселаго сказочника, а когда онъ кончалъ, съ нѣжностью бросались къ нему, жали его мохнатые, жилистые руки въ своихъ ручонкахъ, и кричали въ запуски: *дѣдушка!* милый *дѣдушка!* еще что нибудь! Надобно было видѣть, какъ малюпки внимали въ благоговѣніи повѣспованію о подвигахъ Русскихъ подъ Гуммельсгофомъ, успремивъ неподвижно глазенки свои на выразительное лице спарца. Сынъ Траушфештера до того своевольничалъ съ *дѣдушкою*, что скинулъ наконецъ съ сѣдовласой головы его преугольнувшя шляпу, обложенную золошыми галунами, нахлобучилъ ею свою маленькую голову, съ копорой бѣжали льняные кудри и, обезоруживъ спараго воина, кричалъ ему: Шлиппенбахъ! сдайся, или я тебя заколю! За симъ слѣдовалъ такой хохотъ, что Густавъ принужденъ былъ погрозишь на дѣшей пальцемъ и указать имъ на экипажъ Государыни, ѣхавшій впереди очень близко.

Было къ 7 часамъ вечера. Кареты по-равнялись съ Симоновымъ монастыремъ. Императрица, наслышавшись, что съ площадки надъ шрапезною церковью видъ на Москву и окрестности очарователенъ, приказала остано-виться у воротъ монастырскихъ. Архимандритъ, увидя Государевъ экипажъ, поспѣшилъ встрѣ-пить высокихъ гостей.

Цѣль посѣщенія монастыря была площадка надъ шрапезною церковью: Екате-рина туда поспѣшила. Архимандритъ въпропяхъ поспребоваль-было ключа у служки, слѣдовавшаго за нимъ; но тотъ доложилъ ему, что передъ захожденіемъ солнца, какъ ему извѣстно, входъ въ башню всегда оппертъ. — »По какому случаю именно всегда въ одно время?« спросила Государыня, вслушавшись въ разговоры монаховъ. — »Вашему Царск... Ва...шему Императорскому Величеству, Великой и Матери отечества, имѣю благополучіе рабски донести« — началъ Архимандритъ, смѣшавшись въ шипулъ, къ

которому Русскіе еще не привыкли, и полагая, что прочія имена, данныя Петру I, должны неминуемо, по законному порядку, идти къ его Супругѣ. — «Пожалуйте, безъ лишнихъ церемоній, опецъ Архимандритъ! усмѣхаясь перебила Екатерина Алексѣевна ласковымъ голосомъ. — «По великости Вашего благоснисхожденія доложу Вашему Величеству, что въ здѣшней, спасаемой Богомъ и нашими Государями, вцѣрными по Богъ, обителѣ, обрѣтается схимникъ, то есть монашескую лице, сирѣчь затворникъ, обитатель въ семь мѣръ единымъ скудельнымъ своимъ составомъ, но безсмертнымъ духомъ витающій за предѣлами гроба, яко на крыліяхъ голубиныхъ...» — Государыня опять усмѣхнулась и, пожавъ слегка плечами, посмотрѣла на Князя Вадбольскаго. Эпещъ попялъ ее и своимъ обычно-рѣзкимъ голосомъ перервалъ Архимандрита: — «Поскорѣй къ дѣлу, опецъ! Вѣримъ, что швой схимникъ великій постникъ, молитво словъ; да куда-жь

дѣвалъ ты вопросъ мапушки-Государыни?»

— »А вотъ сей моментъ!« продолжалъ Архимандритъ, примѣшивая къ своему риторическу иностранныя слова, чѣмъ думалъ угодить людямъ вѣка своего, какъ мы любимъ угождать своему. »Мы монашескую, необычные къ *конверсаціи* съ такими высокими *персонами*, и — да помилуетъ насъ Всемилосивѣйше всещедрое сердце Ея Величества! — говоримъ по простотѣ нашего уразумѣнія. И такожде изволише видѣть, схимникъ эпохъ, живущій уже 20 лѣтъ во Ангельскомъ образѣ и житіи, единымъ своимъ услажденіемъ имѣетъ ежедневно, передъ восходомъ солнца и западомъ сицеваго обрѣшаться на площадкѣ надъ трапезою, копорая, какъ глаголетъ преданіе, была въ древнія времена *обсерваціонною* башней. Съ нея-то, по всему вѣроянію, Россійскія спражи, яко гуси Капитолійскіе, или зоркіе журавли, или, благоподобнѣе, орли, надзирали за посѣщеніемъ незва-

ныхъ гостей, Крымцевъ, жаловавшихъ къ намъ по Каширской дорогѣ.« — »Что-жь дѣлаешь схимникъ, всегда въ одно время, на площадкѣ?« спросилъ Князь Вадбольскій. — »Услаждаетъ свое сердце и взоръ зрѣлищемъ здѣшнихъ Едемскихъ окрестностей. Ликъ его хощя благолюбивъ, обыкновенно подернутъ сердечною мглою; очи его тусклы, яко олово; но когда онъ обрѣщается на своей площадкѣ, тогда лице его просіяваетъ, яко лучъ солнечный сквозь тучи, очи его ярко блестятъ, молніи подобно; а иногда, какъ по долгу нашему замѣчено, видали его проливающимъ обильные источники слезъ. Сколько усмотрѣшь возможно по лицу, сему зеркалу души нашей, слезы сіи имѣють ключемъ своимъ избытокъ радостныхъ чувствованій. Единая въ немъ странность заключается, что онъ не даетъ никому своего благословенія, каковаго, по святоши его жизни, жаждуть всѣ православныя, посѣщающіе сію обитель. Ваше Величество ужасомъ преисполнились

бы, узрѣвъ вериги, какія онъ носилъ; тяжестъ шаковыхъ можешъ выдержашъ развѣ Великій Государь, Отецъ отечества, на исполнскихъ раменахъ своихъ.»

— »И двадцать уже лѣтъ наложилъ онъ на себя тяжкій обѣтъ?« спросила Государыня. — »Въ 1704 году осенью пришелъ онъ къ намъ въ видѣ странника; поспригся вскорѣ въ монахи, и черезъ три года облачился шлемъ и душею въ схиму.« — Какъ его звали, когда онъ пришелъ къ вамъ?« — »Владиміромъ.« — Государыня и Князь Вадбольскій невольно посмотрѣли другъ другу въ глаза, какъ бы искали въ нихъ разрѣшенія темной задачи. — »А теперь какъ его зовушь?« спросила Императрица. — »Въ монахахъ его звали Василиемъ, а въ схимѣ нарицаешся онъ опять Владиміромъ. Не благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, пока успалось Вами не овладѣла, ибо и Боговѣчанныя Особы, яко и мы, грѣшныя челоуѣки, подвержены немощамъ, взглянушь на другія рѣдкости

монастырскія, какъ-то на *тайникѣ*, или подземный ходъ къ рѣкѣ, на тюремную башню-дуру. . . »У Князя Вадбольскаго говово было уже словечко для прекращенія словоохотливости Архимандрита: но Императрица предупредила *дѣдушку* (такъ обыкновенно звали Князя, она и близкія ей особы), потребовавъ, чтобы показали ей дорогу на спорожевую площадку. Требованіе сіе было произнесено такимъ твердымъ голосомъ, что Архимандритъ, не распложаясь далѣе, повелъ своихъ гостей, куда они желали.

Императрица, увидѣвъ, что лѣспница, ведущая на площадку, неудобна и прудна, предложила Вадбольскому оспашься въ пранезной комнатѣ. Но старый солдатъ не любилъ казашься хилымъ и ни за что не соглашался оспашь оспь другихъ. — »Развъ вамъ вспомнишь Гуммельсгофскую гору?» сказала Государыня, подаривъ его шюю улыбкою, кошорою она умѣла шакъ мастерски привѣшествовать и награждать. — »Дѣши!» прибавила она,

обращаясь къ Великимъ Княжнамъ: »возьмите дѣдушку подъ руки; а если онъ заупрямится, то я сама его поведу.«

И спарець, съ слезами радости на глазахъ, позволилъ себя поддерживать дочерямъ Петра I. Минуты сіи были для него истиннымъ торжествомъ.

Екатерина Алексѣевна первая взошла на верхъ, воспорженнымъ взоромъ заплатила мимоходомъ дань очаровательнымъ видамъ, представляющимся съ площадки, и устремила его попомъ на схимника, сидѣвшаго спиною къ ней на вѣшхой скамейкѣ и облокотясь въ глубокой задумчивости на перилы, лицомъ къ полудню. Шорохъ, произведенный приходомъ слѣдовавшихъ за Государынею, заставилъ схимника оглянуться. Онъ привсталъ; но лишь только взглянулъ на нее и Вадбольскаго, задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Долго, очень долго смотрѣли на него Императрица и Князь Вадбольскій испышующими глазами, въ коихъ заблестали наконецъ слезы; долго и схимникъ смотрѣлъ

на Екатерину и Князя, и крупныя слезы заструились также по блѣднымъ его щекамъ.

— »Отець Архимандритъ, вы, также и маленькое общество наше« сказала Государыня, обращаясь къ Генералу Траушфешперу и женѣ его: »оставьте насъ съ Княземъ однихъ.« Потомъ, обращаясь къ Великимъ Княжнамъ и показавъ имъ на схимника, присовокупила съ особеннымъ чувствомъ: »Анна! Елисавета! взглядишь хорошенько въ черты этого человека; удержишь образъ его въ вашей памяти; пускай благодарность вѣжешь его въ сердцахъ вашихъ! Это благодѣтель Россіи, и можешь быть, первый благодѣтель вашей матери.«

И Великія Княжны, пронувши выраженіемъ лица и голоса своей матери, съ благоговѣніемъ вглядывались въ черты схимника.

Когда Государыня осталась съ шѣми, кого назначила, она подошла къ зашвор-

нику, взяла его за руку и сказала: — »Мы, кажется, узнали другъ друга!«

— Государыня! опъвчаль пронущый схимникъ: Послѣдній Новикъ могъ ли забыть шу, которую знаваль съ десятилѣшняго ея возраста прекрасною и великою, и копорой высокое назначеніе погда уже слышаль изъ пророческихъ устъ своего друга? Радостно слѣдилъ я швое возвышеніе, и шеперь, видя тебѣя на другой день швоей коронаціи, въ госпяхъ у меня, столь же радостно привѣшствую швой приходъ словами вдохновеннаго слѣпца: *И се на главѣ твоей лежитъ корона!* Знакомъ мнѣ и эшопъ гость! прибавилъ Послѣдній Новикъ, прижимая къ своему сердцу Вадбольскаго, копорый бросился его обнимашь.

Спрашивали опшельника, почему не воспользовался онъ прощеніемъ Петра Великаго, прощеніемъ, копорое, вѣрояшно, должно было дойдши до слуха странника.

— Ахъ! сказаль Владиміръ: зачѣмъ спрашиваете меня о шомъ, что я хотѣлъ бы

забышь навѣки, что управляешь лучшіе часы моей жизни? Открою вамъ только, что прощеніе Государя опоздало нѣсколькими днями; узнавъ о немъ я, преступникъ вопорично, не смѣлъ имъ воспользоваться. Я слѣдилъ моего гонителя, и нашелъ его!... Кровь, кровь ближняго на этихъ рукахъ, коихъ благословенія жаждутъ православные; эти херувимы, рассыпавшіеся по моей одеждѣ, стѣкнутъ меня крыльями своими, какъ пламенными мечами; вериги, которыя ношу, слишкомъ легки, чтобъ упомянуть мои душевныя страданія; двадцать лѣтъ тяжелаго затворничества не могли укрыть меня отъ привидѣнія, вездѣ меня преслѣдующаго. Но, повѣрите ли? и при сихъ мукахъ я не промѣняю настоящаго своего состоянія на то, въ которомъ находился до прибытія въ мое отечество. Я здѣсь на родинѣ; во всякіе часы дня могу сморгнуть на мѣста, гдѣ провелъ свое дѣтство; тамъ я родился, шутъ, ближе, Софїино, гдѣ я воспитывался; здѣсь

Коломенское, а здѣсь золопоглавая Москва съ ея храмами и бѣлокаменными палатами, съ ея святынею и благолѣшемъ. Все шупь, чего просилъ изгнанникъ, что онъ покупалъ цѣною униженія и трудовъ необыкновенныхъ! Мои соотечественники, православные, не откажутъ мнѣ въ могилѣ, на общемъ кладбищѣ, между ними. А шамъ — прибавилъ Владиміръ, взглянувъ на небо со слезами на глазахъ — какъ неугасимую лампаду, повѣсилъ я мои надежды; шамъ, можешь бышь, Опець всеобщій и Судія-нечеловѣкъ, взглянешъ милосердымъ окомъ на двадцать годовъ шяжкаго раскаянія. Спасишель просшилъ разбойника!...

Здѣсь схимникъ, пошупивъ очи, замолчалъ. Государыня и Вадбольскій спарались излить въ его сердце упѣшенія и надежды, въ конхъ оно нуждалось. Бесѣда оживилась мало помалу краснорѣчивымъ воспоминаніемъ шѣхъ происшествій, которыя имѣли столь сильное вліяніе на судьбу Екатерины и Россіи.

Солнце давно скрылось. Москва и прелестныя ея окрестности упопали въ вечернемъ туманѣ.

Когда схимникъ прощался съ своими гостями, впалые глаза его горѣли огнемъ вдохновенія небеснаго, щеки его пылали.

— Да! сказала Вадбольскому Императрица Екатерина Алексѣевна, прохладя опухаюмъ разгорѣвшееся лице свое и глаза, красные отъ слезъ, когда они сходили съ лѣстницы: по взятіи Мариенбурга, пророческія слова таинственнаго слѣнца такъ сильно вѣзались въ моемъ воображеніи и сердцѣ, что я... повѣрише ли?... тогда же начала мыслить... о коронѣ. Да! это было такъ!...

Лучшія желанія Последняго Новика исполнились: онъ умеръ въ глубокой старости на площадкѣ, устремивъ свой умирающій взоръ въ Коломенское, имъ сполько любимое. Его похоронили на общемъ

кладбищѣ Симонова монастыря. Нынѣ не сыскашь памъ его могилы: новые мершвецы сдавили прахъ своихъ предшесшвенниковъ.

* * *

PS. Нѣкоторыя Особы, копорымъ я чиналъ свой романъ въ рукописи, спрашивали меня: что сдѣлалось съ прочими лицами его. Удовлетворяю любопытству ихъ и другихъ копошливыхъ чинашелей. Мнимая мать Новика, Кропотова, опдала Богу душу, услышавъ о смерти своего мужа; дѣвица Горнгаузенъ до 50 лѣтъ все ждала своего рыцаря-жениха; Блуменшросш сдѣлался Лейбмедикомъ Петра I; Биръ былъ достойнымъ Членомъ Россійской *Академіи*; Баронесса занималась до смерти полишикою и, какъ видно по списку важныхъ лицъ, присушествовавшихъ при коронаціи Императрицы, нахо-

дилась тогда въ числѣ Шпашсъ-Дамъ. А прочіе? . . . Уфъ! прочіе жили, женились, плодились и умирали, какъ милліоны имъ подобныхъ.

Еще вопросъ, Г. Сочинитель: кто была особа, вхавшая за Саарамойзой въ колымагъ и назвавшая Вольдемара по имени? — Разумѣется, Катерина Скавронскихъ! Она же послала Новику, черезъ Мурзенку, богашый подарокъ, на коемъ вырѣзано было 5-е Апрѣля — день ея рожденія и день, въ копорой слѣпецъ въ первый разъ предсказывалъ ея высокую участь.

К О Н Е Ц Ъ .

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ

ВЪ 4-Й ЧАСТИ:

Стр. Спрок. *Напечатано:* *Поправлено:*

142 2 ВОКНО ОКНО

289 24 МОЛИШВО МОЛИШВОСЛОВЪ

СЛОВЪ
